

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ III.

- I. ВРЕМЯСЧИСЛЕНИЕ.
- II. КРЕЩЕНИЕ.
- III. ПОХОРОНЫ.
- IV. ПОМИНИЯ.
- V. ДМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА.

Сот. А. Перещенки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИЙ.

1848.

I.

ВРЕМЯСЧИСЛЕНИЕ.

У всѣхъ народовъ велось лѣтосчислѣніе, съ самой глубокой древности, но оно вездѣ было различное, и эта разность происходила отъ понятія о величинѣ года и его началѣ. — Время, съ котораго народъ велъ свое лѣтосчислѣніе, известно подъ именемъ эры, и она начиналась обыкновенно отъ важнаго какого-либо события, напримѣръ: отъ основанія или разрушенія царствъ, отъ переворотовъ или преобразованій въ государствахъ, и т. п.

Одни Евреи понынѣ ведутъ лѣтосчислѣніе отъ сотворенія міра, за 5508 до Р. Х., которое употреблялось у насъ до Петра Великаго. Они считали также: 1) отъ разрушенія города Йерусалима, что случилось въ царствованіе римскаго императора Веспасіана, въ 71 г., послѣ Р. Х. Въ это время сгорѣлъ и знаменитый храмъ Сіонскій, построенный Вездѣсущему, мудрѣйшему изъ царей, Соломономъ (за 1000 л. до Р. Х.)

2) Отъ пленінія Іудеевъ, вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ (за 588 л. до Р. Х.) и 3) отъ совершенного разсѣянія ихъ по всему земному шару, что произошло въ царствованіе римскаго императора Андриана (въ 134 послѣ Р. Х.). — Истребленіе царства іудейскаго, сбылось по предреченіямъ пророковъ. Полководецъ римской Юлій Северъ, предалъ смерти около 500,000 Іудеевъ, а остальные распроданы въ неволю. — Семейство продавалось по одному динарию (по одной полушки). — Ереи ожидаютъ Мессію, котораго они не познали на землѣ; но судъ Божій давно произнесенъ надъ ними, и они, скитаясь по всему свѣту, бѣствуютъ доселѣ.

Ассиріяне вели свое лѣтосчислѣніе отъ основанія монархіи Ассуромъ, на берегахъ р. Тигра (за 2000 л. до Р. Х.). Почти съ того самаго времени считали Вавилоне, отъ основанія ихъ монархіи Немвродомъ, на берегахъ р. Ефрата. По разрушениіи древняго вавилонскаго царства, Набонассарь основалъ новое, и съ сего времени ввелъ лѣтосчислѣніе, за 750 л. до Р. Х. — Мидія за 710 л. до Р. Х., отъ основанія ихъ царства Дейюцесомъ. Древніе Персіяне отъ основанія персидской монархіи Киромъ, за 550 л. до Р. Х.

Изъ малозійскихъ народовъ, примѣчательны Финикияне и Троиане. Финикияне, извѣстные въ глубокой древности, не составляли отдельнаго царства: это было собраніе республиканскихъ городовъ, которые, во время опасности одному изъ нихъ, соединялись въ одно чтобы отразить непріятелей общими силами. Они были лучшими мореплавателями въ древнемъ мірѣ, какъ вынѣщіе Авгличане, и за всѣмъ тѣмъ никакихъ не оставили историческихъ свѣдѣній о лѣтосчислѣніи, а потому трудно опредѣлить ихъ лѣтосчислѣніе. Обыкновенно полагаютъ отъ тирскаго цара Абібала, со-

временника Давида, за 1050 л. до Р. Х. Въ другомъ состояніи находится лѣтосчислѣніе троянскихъ Грековъ. Намъ извѣстно, что европейскіе Греки вели лѣтосчислѣніе: 1) отъ разрушенія города Тров за 1185 л. до Р. Х., потому 2) отъ учрежденія олимпійскихъ игрь, за 777 л. до Р. Х. — Счислѣніе олимпіадъ состояло въ четырехгодичной перемѣнѣ, и пятой годъ образовалъ обыкновенно новую олимпіаду. По общему мнѣнію хронологистовъ, время рождения Иисуса Христа соотвѣтствуетъ 196 олимпіадѣ.

Африканскіе народы: Египтяне и Карѳагеняне, вели лѣтосчислѣніе различно. Египтяне, которые славятся своею незапамятною древностію, равною Китайцамъ и Индѣйцамъ, считали первоначально годы отъ Мешеса, построившаго въ среднемъ Египтѣ городъ Мемфисъ, за 2200 л. до Р. Х.; потомъ отъ перенесенія столицы въ городъ Сансь, въ нижній Египетъ или Дельту, за 650 л. до Р. Х. — Карѳагеняне, финикийскіе поселенцы, отъ прибытія къ нимъ Лидонъ, родной сестры тирскаго царя Пигмаліона, которая отторгнула ихъ отъ финикийскаго владычества, за 900 л. до Р. Х.

Римляне вели отъ построенія Ромуломъ города Рима, за 750 л. до Р. Х. Съ перемѣнкою монархическаго правленія на республиканское, за 508 л. до Р. Х., начали считать по консуламъ, что и продолжалось до императора Октавія Августа, до 30 года его царствованія, въ которое время родился Спаситель міра, и христіянѣ ввели лѣтосчислѣніе съ сего времени. При господствованії Римлянъ надъ древнимъ свѣтымъ, лѣтосчислѣніе прочихъ народовъ соединилось въ одно римское. Точно какъ нынѣ всѣ христіянѣ ведутъ свое лѣтосчислѣніе отъ Р. Х., такъ тогда вели покоренные народы по римскому исчислѣнію.

Христіанське літосчислення. Діонісій малый, жившій въ 530 г. по сль Р. Х.,

первый ввелъ въ исторіи своей исчислениіе годовъ отъ Р. Х. Авгличанинъ Беда, жившій за 720 л., исправивъ его літосчислениіе, основавъ на немъ всѣ исторіческія событія. Не смотря на единогласно утвержденное літосчислениіе, Христіяне различно считаютъ годы отъ сотворенія міра до Рождества Христова. Обитатели западной Европы принимаютъ літосчислениіе отъ сотворенія міра до Р. Х., по исчислению француза Петавія (живш. въ концѣ XV в.), а восточные по Біблії семидесяти толковниковъ. Разность между ними значительная. По Біблії 70 толковниковъ, отъ сотворенія міра до всемірного потопа, 2262 г.; а по Петавіеву 1756 г., разность въ 606 г. Отъ сотворенія міра до Р. Х., по Біблії 70 толковниковъ 5508 л., а по Петавію 3983, разн. 1525.

Калвицій, лейпцигскій астрономъ, считаетъ 3947 л. отъ сотворенія міра до Р. Х.; Лютеръ, 3870. Разность въ исчислениі восточныхъ Грековъ и западныхъ Римлянъ, отъ сотвор. міра до Р. Х., только въ 8 годахъ. Св. Димитрій, епископъ ростовскій, трудаился надъ исправленіемъ этой погрѣшности, но дѣло его не окончено.— Сверхъ сихъ літосчислений были: 1) александрийское, 2) антіохійское, 3) константинопольское и 4) селевідовъ, или грековъ александрийскихъ. Первые христіяне вели первоначально літосчислениіе отъ сотворенія міра, по примеру Евреевъ. Юлій африканскій, видя несходство въ нѣсколькихъ годахъ, противу еврейскаго, ввелъ въ Александрии новое літосчислениіе, которому называется александрийскимъ. По его счету отъ сотвор. міра 5503 г. — Пандоръ, монахъ египетскій, жившій въ концѣ IV в., предпринялъ исправить его літосчислениіе. По исчислению Пандора оказалось отъ

сотв. міра до Р. Х. 5400., и было въ употреблениі въ Антіохії, бывшай столицѣ Сиріи, находящейся въ малой Азії. Всѣдѣль вакимъ являлось константинопольское лѣтосчислѣніе, по хожему отъ сотв. міра до Р. Х. 5508 г. Лѣтосчислѣніе Селевіадовъ начинается съ первыхъ завоеваній Селевіка Никатора, за 311 л. до Р. Х. Это лѣтосчислѣніе было во всеобщемъ употреблениіи у леванскихъ народовъ, или на востокѣ.

Кромѣ христіянскаго, есть еще магометанское, кото- Магоме-
рое ведется поклонниками Магомета, отъ бѣгства его танское
изъ Мекки въ Медину, что случилось въ 622 г. июля 16., послѣ Р. Х. — Магометанская эра называется эд-жирою или гиджрою.— Гиджра отъ арабскаго глагола гаджаре, выходить изъ отечества.— Языческие народы считаютъ годы отъ весны и осени. —

Величина года исчислялась у древнихъ народовъ не величи-
однаково. У Халдеевъ и Египтянъ, первой годъ со- на года.
ставлялъ одинъ мѣсяцъ, у Аркадійцевъ 3. мѣсяца, у жи-
телей Элады въ Иверійцевъ 4 мѣсяца; у Евреевъ 12 лун-
ныхъ мѣсяцевъ; у Персіянъ 365 дней; у Латинянъ 13
мѣсяцевъ, во время же Ромула 40 мѣсяцевъ, каждой
мѣсяцъ имѣлъ 30 и 31 день, почему годъ имѣлъ состо-
ять изъ 304 дн. Нума Помпилий отнялъ у 6 мѣся-
цевъ по одному дню, почему образовалось 6 мѣсяцевъ
въ 29 дн., а остальные 4. въ 31 д., въ цѣлой годъ со-
ставилъ 298 д. Для уравненія этого года съ луннымъ,
которой состоялъ изъ 355 дн., Нума прибавилъ къ не-
му два новыхъ мѣсяца: январь въ 29 дн. и февраль въ
28 дн., — отъ чего прибавилось къ цѣлому году 57
дн. По этому лунному году, Римлане обозначали свои
праздники; но чтобы соглашентъ его съ солнечнымъ или
астрономическимъ, постановилъ Нума, чтобы добавлять
ко второму и третьему году, по 22 д., а къ четвертому
23 дн., и приходилось всегда добавлять между 23 и

24 февралемъ, ибо 23 февраля было у нихъ послѣднимъ днемъ года, отъ чего произошелъ потомъ высокосный годъ. Около 450 л. до Р. Х., когда Деценіиры пожелали продлить отправленіе своей должности, еще на одинъ годъ; тогда они опредѣлили, чтобы январь былъ первымъ а февраль вторымъ мѣсяцемъ въ годовомъ исчислѣніи.

Александрийскій астрономъ Созигентъ, повѣривъ предѣбывшія вычислѣнія, сосчиталъ годъ въ 365 дн. 6 ч. Его исчислѣніе не совсѣмъ согласно съ теченіемъ солнца, котораго среднее тропическое обращеніе совершается въ 365 дн. 5 ч. $48' 41'' 8'''$, а потому къ каждому году не достаетъ $11' 12'' 2'''$, кои въ 128 л. составляютъ почти цѣлой день; въ 400 л. 3 дн. $2' 41'' 20'''$. — По не имѣнію въ то время хорошихъ астрономическихъ орудій, для вѣрнѣйшаго наблюденія за движеніями небесныхъ свѣтиль, было причиной вкравшейся этой незначительной разности. — За всѣмъ тѣмъ Созигеново вычислѣніе было принято во многихъ земляхъ, а Юлій Цезарь указалъ; за 45 л. до Р. Х., ввести во всеобщее употребленіе по римской имперіи, потому и называется *юліановскимъ исчислѣніемъ*. Юлій удержалъ прежній порядокъ мѣсяцевъ, въ февралѣ мѣсяцъ оставилъ 28 дн., а къ прочимъ прибавилъ то число дней, которое понынѣ въ употреблѣніи. Папа Григорій XIII., основываясь на послѣднихъ астрономическихъ наблюденіяхъ, постановилъ (въ 1582 г. февраля 24), считать годъ въ 365 дн. 5 ч. $48' 45''$; и потому черезъ каждые 400 л. выбрасывается 3 дня. Отъ сего произошли два времянисчислѣнія: *юліановское и грегоріансое*. Первое называется еще *старымъ*, которому мы слѣдуемъ, а второе *новымъ*, ковому слѣдуетъ остальные европейскіе народы. При употребленіи юліанскаго календаря постановлено было, на никейскомъ соборѣ (въ 310 г.), чтобы Св. Пасху праздновать от-

дѣльно отъ Іудеевъ, и всегда въ Воскресеніе, въ первой лунной мѣсяцѣ по весеннемъ равноденствіи. Тогда равноденствіе пришлось марта 21., и астрономы замѣтили, что Пасха чрезъ нѣсколько столѣтій совпадаетъ съ первыми числами начального года. Это случалось въ 1582 г.: весенне равноденствіе паде на 10 марта, и вышло лишнихъ 10 дней противу юліановскаго зѣтосчислѣнія. Потому рѣшено, чтобы чрезъ каждые 400 лѣтъ выбрасывать по 3 дня, и начавшееся тогда XVII столѣтіе, т. е. 1600 г. считать высокоснымъ годомъ, прочие: 1700, 1800 и 1900 простыми, а 2000 высокоснымъ, такъ чтобы чрезъ каждые три столѣтія приходилось высокосное въ четвертое, потому 3600 годъ будетъ также высокоснымъ, основываясь на томъ, что 1600 г. принять за высокосный, и посему изчислѣнію можно узнать о каждомъ простомъ и высокосномъ столѣтіи. —

Астрономическій мѣсяцословъ исчисляетъ годъ по Астро-
номическому ис-
числѣнію
течению солнца. По исчислѣнію Бланхиса старой годъ составлялъ, въ юліановскомъ календарѣ, 365 дн. 5' 49'', а въ новомъ грегоріанскомъ, 365 дн. 5 час. 49' 50'' потому разность, старого съ новымъ штилемъ, заключается въ 12 дняхъ. —

Годы еще раздѣляются на лунные и солнечные. Лунный, состоящій изъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ, заключается въ 354 дн. 8 ч. 48' и 38'', и въ употребленіи между Турками и Жидами. Первые считаютъ новей годъ въ первой день мѣсяца магаремма, соответствующаго нашему 25 марта; вторые съ 1. сентябрь, которое совпадетъ съ нашимъ 7. числ. того же мѣсяца. — Солнечный, образующійся изъ теченія солнца по эклиптике 12 небесныхъ знаковъ, какъ то: овна, тельца, близнецовыхъ, рака, льва, дѣвы, вѣсовъ, скорпиона, стрѣлица, козерога, водолея и рыбъ, кото-

рые составляютъ 12 мѣсяцевъ, есть наиболѣе полной и точный, и называется астрономическимъ; онъ состо-
итъ изъ 365 дн. 5 часовъ 48' 50''. Это исчисление на-
зываются еще гражданскимъ, потому что оно употреб-
ляется въ опредѣлении событий и дѣлъ обществен-
ныхъ. Гражданскій годъ бываетъ простой и высокос-
ной, послѣдній всегда приходится черезъ три года. Въ простомъ году 365 дн., а въ высокосномъ 366 дн. Это происходитъ отъ того, что если будемъ считать,
что въ солнечномъ или астрономическомъ годѣ 365 дн.
5 час. 49' 50'', то въ четыре года прибавятся сутки
или 24 ч., безъ пѣсцовыхъ секундъ, и выйдетъ чет-
вертый годъ въ 366 дн., называемый нами высокос-
ный, и день, который добавляется къ февралю (т. е.
29 день) называется *вставнымъ*.

Начало года. Время, отъ коего вели годъ, у разныхъ народовъ было то же различное. Иные считали его отъ 1. марта, другіе отъ весеннаго равноденствія, а другіе въ первое полнолуние, по весеннемъ равноденствію. — Ри-
мляне первоначально вели годъ съ 1 марта, а потомъ съ 29 августа. — Греческій императоръ Константина В., постановилъ вести съ сентября 1.

Лѣтописи въ Россіи, церковное и гражданское. Намъ неизвѣстно, какъ вели свое лѣтописленіе на-
ши предки, до принятия христіанской вѣры. По при-
нятіи же вѣры, введено было церковное и граждан-
ское; первое начиналось съ марта 1, а второе съ сен-
тября 1.

Изъ лѣтописей видно, что Несторъ и продолжатели
его лѣтописи, начинали годъ со дня Пасхи, и въ сво-
ихъ сказаніяхъ ведутъ счетъ не только по числамъ мѣ-
сяцевъ; но по юльскимъ днямъ и праздникамъ. Это
было причиной спора о началѣ года; на соборѣ въ Мо-
сквѣ, въ великокняженіе Симеона гордаго, при ми-
троцолите Феогностѣ, и соборомъ опредѣлено (1348 г.):

чтобы церковный и гражданский годъ считать съ сентября. — Петръ I, желая согласить съ прочими европейскими народами начало года, отмѣтилъ счисление отъ сотворенія міра, и постановилъ (указами 1699 г. декабря 15 и 19), вести лѣтосчисленіе отъ Р. Х., годъ съ генваря 1. и писать гражданскими числами. Съ 1700 г. введено у насъ единообразное счисление нового года,— съ общимъ европейскимъ.

Западные европейцы, по опредѣленію папы Григорія XIII., начали считать новой годъ съ 1600 г. Протестанты, изъ венависти къ католическимъ дѣйствіямъ, долго не принимали исправленаго грекоріанского лѣтосчисленія, и только его приняли въ нач. XVIII в.; Шведы ввели новой годъ въ пол. XVIII. в.

Египтяне праздновали начало своего года съ оживленіемъ Озириса. Въ честь его учреждали пляски, игры и париства; надѣвали на себя личины и бѣгали по улицамъ. Персы праздновали рожденіе Миеры, а Индійцы Перунъ-Понгола и Угоды, и все это соединялось тѣсно съ ихъ священными обрядами. Греки называли переходъ старого года къ новому, шумными забавами. Мужчины варяжались въ женскія, а женщины въ мужскія одежды: то же самое дѣлали молодые люди и девицы. Три дня проводили въ изобрѣтательныхъ увеселеніяхъ. — Гадали и пѣли подблюдныя песни, и лили воскъ.—Римляне обратили годъ въ гражданскій торжественный праздникъ, посвятивъ первые три дни на добрыя дѣла, почему они назывались обѣтными. Наканунѣ нового года и въ первой его день, дарили другъ друга; патроны освобождали своихъ рабовъ изъ неволи или оказывали имъ другія милости. Въ Европѣ также вошло въ обычай дарить другъ друга, особенно дѣтей, небольшими подарками. Въ честь своихъ родителей они пронесосятъ стихи и

привѣтственныя поздравленія.—Турки празднують но-
вой годъ въ первой день мѣсяца *майдара*, между 25.
чис. марта и началомъ апрѣля. —

Церковь наша хотя празднуєтъ новолѣтіе съ генва-
ря 1., однако церковные праздники и служебные дни
ведеть по старому, т. е. или съ 1 марта, или съ 1
сентября, отличая годы и недѣльные дни церковными
буквами, которые употреблялись и по гражданст-
кимъ дѣламъ. Счетъ, церковными буквами, былъ слѣ-
дующій:

А 1, Б 2, Г 3, Д 4, Е 5, З 6, І 7, Й 8, О 9, П 10, АЛ 11,
БІ 12, ГІ 13, ДІ 14, ЕІ 15, ЗІ 16, ІІ 17, ЙІ 18, ОІ 19,
К 20, А 30, М 40, Н 50, Б 60, О 70, П 80, Ч 90, Р 100,
Е 200, Т 300, В 400, Ф 500, Х 600, У 700, Ш 800,
Щ 900, А 1000, Б 2000 и проч.

Каждая тысяча отмѣчается внизу перекрестной па-
лочкою; напримѣръ 1800 годъ пишется 1800, 1840 г.
1840, 6565 6565, и т. д. (*).

(*) Счетъ церковный позаимствованъ нами отъ Грековъ:
α' 1, β' 2, γ' 3, δ' 4, ε' 3, ζ' 6, η' 7, ι' 8, ς' 9.; ι' 10, ο' 11, ρ' 12,
χ' 20, λ' 30, μ' 40, ν' 50, ξ' 60, ο' 70, π' 80, ε' или γ' 90, ζ' 100, ι' 200,
χ' 300, υ' 400, φ' 500, χ' 600, ψ' 700, ω' 800, θ' 900, ε' 1000, ρφω' 1779, β' 2000
γ' 10.000, ζ' 100.000 и т. д.

Кромъ счета церковными буквами, употребляются еще у насъ, и во всей Европѣ, римскіе знаки:

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 20;
 I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. IX. X. XI XII. XX:
 30. 40. 50. 60. 70. 80. 90. 100. 200. 300.
 XXX. XL. L. LX. LXX. LXXX. XC. C. CC. CCC.
 400. 500. 600. 700. 800. 900. 1000. 10,000.
 CCCC. D. DC. DCC. DCCC. CD. M. XM.;
 80,345.

LXXXM, CCCXLV., и т. д. —

— Съ введеніемъ новаго года, съ 1700 г. генваря 1., повелѣно ввести въ гражданскихъ дѣлахъ числа арабскія, которыя досель во всеобщемъ употребленіи, по всему свѣту. Счетъ ихъ: 1. 2. 3. 4..5. 6. 7. 8. 9. 10. и т. д.

Многосложное исчислениe у Славянъ, называлось ^{т. ч. з.}
 тлюю, т: е: 10,000 (*); столѣtie вѣкомъ. Какой вели ^{вѣкъ,}
 счетъ наши предки, въ общественныхъ дѣлахъ? — ^{это и}
 неизвѣстно. Тма числомъ 10,000, еще встрѣчается въ ^{года.}
 XVI ст. Въ среднихъ вѣкахъ торговой народъ велъ
 счеты десятками, напримѣръ: сорокъ, девяносто, и счи-
 талъ обыкновенно: сорокъ, два сорока, три сорока, де-

(*) При счислениe Евреевъ, вышедшихъ изъ вавилонскаго пленя, съ дозволенія персидскаго царя Кира, и подъ предводительствомъ Заровавеля, сказано, что ихъ было четыре тмы ^{т. ч. з.} девъ тысячи триста шестьдесят. — И. кн. Эздры, гл. 2. ст. 64. При описании города Ненивии сказано, что въ немъ больше 12.000 жителей: *и не мѣжъ окноутъ множайшии неоже двадесѧть тисѧ человѣкъ.* — Пр. Іона гл. 4. с. II.

влюсто, два девяносто, пять девяносто, тысяча, тма (10.000), девь тымы (20.000), три тымы (30.000) (*).

Военномачальникъ десятитысячнаго отряда у Татаръ, господствовавшыхъ надъ Россіею, былъ нами называемъ темникомъ, которыи собственно именовался у нихъ туменъ-бай, а предки наши произвели его отъ тымы. Верховные сановники при ханскомъ дворѣ, носили это имя и въ мирное время, потому что это было самое высшее достоинство.

Изъ стариныхъ пѣсней XVII в. видно, что тма замѣнена тымъю, по испорченному употребленію, и она уже означала тысячу. При описаніи силы царя Калины, сказано:

Еще со Калиномъ сорокъ царей съ царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякими царемъ силы по три тымы, по три тысячи (**).

Торговые расчеты производились на счетахъ, которые перенесены къ намъ изъ Золотой орды, выходцемъ Мурзою, родоначальникомъ Строгоновыхъ (въ концѣ XIV в.)

Лѣто означало въ древности время человѣческой долговѣчности, и было иногда началомъ новаго года, которой вели отъ наступленія лѣта; потомъ, когда стали вести времячисление съ весны, полнолуния и весеннаго равнодѣйствія, то прѣвратилось лѣто въ наз-

(*) Herberst. Rer. Moscov. tom. c. 61. ed. Antverp. 1557 г.

(**) Древн. русск. стихотвор., собр. Кирил. Даниловымъ, изд. 1818 г. с. 244. — Въ татарскомъ исчислении десять тысяч называется нынѣ онбингъ.

ваніе года. Но откуда промежутокъ словъ годъ? неизѣстно. — *Godz.*, однозначительное съ вамиъ годъ, донынъ на польскомъ языке означаетъ торъ и веселіе. Лѣто и годъ празновались Славянами, какъ начало полевыхъ трудовъ, ибо съ лѣтомъ начинались сѣнокосъ и жатва, и никакія же начинали работы безъ совершенія обрядныхъ угощений и пира; потому годъ, тоже самое что веселіе, тѣсно были связаны съ лѣтомъ.

Нынѣ лѣто и годъ, употребляются одно вместо другаго, — но это не правильно. Подъ лѣтомъ должно разумѣть собственно трехъ мѣсячное теченіе времени (июнь, июль и августъ), а подъ годомъ двѣнадцать мѣсяцевъ.

Каждой народъ сохранилъ въ своемъ лѣтосчислѣніи Называ-
вие мѣ-
сяцей у
африкан-
скихъ
и азіат-
скихъ
и скандинав-
скихъ на-
родовъ. названія, соответственно времени года. Наши предки дѣлили годъ на 12 мѣсяцевъ, и каждому изъ нихъ дали названія, согласныя съ временными явленіями или дѣйствіями природы. — Наші мѣсяцы были солнечные, которые считались съ того времени, когда солнце въ теченіи своемъ проходило присвоенный каждому мѣсяцу знакъ небесный. Лунные же мѣсяцы употреблялись и употребляютъ понынѣ Евреи и Турки, считая время отъ одного новомѣсячія до другаго, т: е: 29 дн. 12 ч. 44' и 3''. Изъ африканскихъ народовъ: Египтяне и Коюпяне; изъ азійскихъ, Сиріане, изъ европейскихъ, Греки, знали за исключеньемъ сотъ лѣтъ до Р. Х., астрономическое исчисление года, которое по-тому пренято Римлянами, съ измѣненіемъ; отъ нихъ оно распространилось по Европѣ. Вотъ названія мѣсяцевъ. У Египтянъ. 1. єоен, сентябрь. 2. пасен или фарен, октябрь. 3. асиръ, ноябрь. 4. хіакъ, декабрь. 5. тиби, генварь. 6. мециръ или мехиръ, февраль. 7. фаменось, мартъ. 8. фармонти или фармуей, апрель. 9. нахонъ, май. 10.

пайни, іюнь 11. епион, іюль 12. мессири, августъ. Числа. древнихъ египетскихъ мѣсяцей, не сходны съ нашими: 1. євон начиняется съ нашего 29 августа. 2. паоен съ сентября 28. 3. аенръ съ октября 28. 4. хіакъ съ ноября 27. 5. тиви съ декабря 27. 6. мехиръ съ января 26. 7. фаменоеъ съ февраля 25. 8. фармуеъ съ марта 27. 9. пахонъ съ апреля 26. 10. пайни съ мая 26. 11. епион съ июня 25. 12. мессири съ июля 28.—Когда въ мѣсяцѣ тивѣ 11 число, тогда у насъ 6 января, праздникъ Богоявленія Господня.

у Эфіопли.

1. Тикмитъ.	7. Міазія.
2. Годарь.	8. Жмиботъ.
3. Тасквамъ.	9. Сене.
4. Тиръ.	10. Гаметъ.
5. Якатитъ.	11. Нагазъ.
6. Магабать.	12. Маскаракъ.

у Сирійцевъ.

1. Эмуль.	7. Адаръ.
2. Тизри 1.	8. Низакъ.
3. Тизри 11.	9. Гіаръ
4. Канумъ 1.	10. Газиранъ.
5. Канумъ 11.	11. Тамусъ.
6. Сабать.	12. Абъ.

у Грековъ.

1. Горнеось.	1. Сентябрь.
2. Ипервереоюсь.	2. Октябрь.
3. Діостъ,	3. Ноібрь.
4. Апеллеоюсь.	4. Декабрь.
5. Авдинеоюсь.	5. Генварь.
6. Перитіосъ.	6. Февраль.
7. Дистроюсь.	7. Мартъ.
8. Ксанфіосъ.	8. Апрель.

у Римлянъ.

9 Артемисіюсь.	9 Маій
10 Десіօսъ	10 Іюнь
11 Панемось.	11 Іюль
12 Лоօсъ. (*)	12 Августъ.

У єгиптана бывъ аще тринацатый мѣсяцъ, состоявший продолженіе августиа, и назывался енаго жесть. — У. коптевъ онъ называется: икын, когда годъ простой; а Кебъ, когда: высокосный или прибавочный; за конецъ слѣдуетъ высокосный. —

Ереи, до плененія вавилонскаго, случившаго при вавилонскомъ царѣ Навуходоносорѣ за 750 л. Р. Х., именовали мѣсяцы иначе, нежели какъ они именуются нынѣ: 1. архен, маргъ а въ пѣнѣ вавилонскомъ иссакъ, которой заимствовали отъ ассириянъ. 2. итій апрѣль, а въ пѣнѣ іасаръ, 3. сианъ, май 4. таммутъ, монь, 5. аевъ, июль 6. эмулъ, августъ 7. аванамътъ, сентябрь, въ илѣну вавилонскомъ тиери, которой по-заимствовали отъ ассириянъ, 8. суль, октябрь 9. паслевъ ноябрь, 10. шиомъ, декабрь. 11. севаетъ, январь 12. адмиръ, февраль.

Каждой мѣсяцъ не имѣть полныхъ 30 днѣй, и въ теченіи столѣтія выходить неправильной тринацатой.

(*) Приведенные мѣсяцы ефіопинъ, сирійцевъ и грековъ, должно здесь считать не съ генваря, а съ сентября мѣсяца, какъ обозначено по счету римскому съ 1 по 12, мѣсяцъ, т. е. съ сентября по августъ.

У грековъ назывались еще: *μαρτιντісіа* сентаб., *πιαуауфіа* окт., *αθісіпріа* ноябр., *ποнісіа* декабр., *уаплгіа* генв., *εларгівеліа* февр., *μінідіа* мартъ, *δарууліа* апр., *εкірфоріа* май, *εкіаторівіа* іюнь, *μітакустіа* іюль., *βоудроуміа* августъ.

Это дало поводъ къ раздѣленію года на 13 мѣсяціевъ, которой у кириллическихъ евреевъ начинается съ сентября, въ слѣдующемъ порядке: 1.) эль—оль (сентябрь), который идетъ 29 дн.; 2.) тишри (октябрь), 30 д.; 3) хешвенъ (ноябрь), 30 дн. 4) каслевъ (декабрь), 30 дн.; 5) теветъ (январь), 29 дн., 6) шеватъ (февраль), 30 дн.; 7) адэръ (мартъ), 29. д.; 8) писсанъ (апрель), 30 дн.; 9) іеръ (май) 29 дн.; 10) сиванъ (июнь), 30 дн., 11) тамосъ (июль), 29 дн.; 12) авъ или аѣъ (августъ), 30 дн.) 13) вейадеръ, добавочный мѣсяцъ. — У турковъ начинается годъ около 25 марта, и считается слѣдующимъ образомъ: 1) магаремъ (апрель) 30 дн., 2) сеферъ (май), 29 дн. 3) реби-уль-эвель (июнь), 30 дн.; 4) реби-уль-ахиръ (июль), 29 дн.; 5) джемазен-уль-эвель (августъ), 30 дн.; 6) джемазен-уль-ахиръ (сентябрь), 29 дн.; 7) регебъ (октябрь), 30 дн. 8) шабанъ (ноябрь), 29. дн.; 9) рамазанъ (декабрь) 30. дн.; 10) шеваль (январь), 29. дн.; 11) зилькаде (февраль), 30. дн. 12) зильгадже (мартъ), 29. дн.. —

Древнія
названія
славян-
скихъ
мѣсяціевъ.

Русскіе Славяне имѣли другія названія мѣсяціевъ, не-
жели киевскіе и подольскіе, а именно: 1) просинецъ (ян-
варь), по малороссійски *слыченъ*, по польски *стычень*; 2)
свінень (февраль), по малороссійски *лютый*, по польски
люты; 3) сухий (мартъ), по малороссійски *березоголь*, по
польски *марцегъ*; 4) березоголь (апрель), по малороссійски
цвѣтень, по польски *квіценъ*; 5) траўній (май), по ма-
лороссійски *травенъ*, по польски *май*; 6) изокъ или вы-
сокъ (июнь), по малороссійски и по польски *червецъ*; 7),
червень (июль), по малороссійски и по польски *ли-
пнечъ*; 8) заревъ (августъ), по малороссійски и по поль-
ски *серпень*. 9) рюенъ (сентябрь), по малороссійски *ере-
сенъ*, по польски *враженъ*; 10) листопадъ (октябрь), по
малороссійски и по польски *падерникъ*; 11) грудень
(ноябрь), по малороссійски и по польски *листопадъ*; 12)

студеный (декабрь), по малороссийски студент, не поль-
ски зрудень. — (*)

Названія этихъ мѣсяцевъ произошли отъ временъ го-
да и земледѣльческихъ занятій. *Просинецъ* (январь) объ-
ясняютъ отъ синеты неба; *сльено* (февраль), малорос-
сийскій сѣченъ (январь), соответствуетъ смыслу слье.
Но что онъ значитъ? — трудно сказать навѣрное. Въ это
время бываютъ постоянно сильные морозы, которые
всё покрываютъ, вслѣду можно полагать, что название
сѣченъ, дано по этой причинѣ, какъ польскій люты,
отъ лютыхъ морозовъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Въ XV ст.
встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописяхъ, январь и февраль
подъ названіемъ свадебъ, потому что въ это время со-
вершались всегда чаще свадьбы. «Являя звѣзда хвоста-
тая на западной странѣ, и въ схожаше съ прочими звѣ-
здами отъ свадебъ до вербной субботы» (**) У древ-
нихъ грековъ самой январь мѣсяцъ назывался женить-
беннымъ γαμπλιῶνъ, во совершенію въ немъ свадьбъ (***)
Польскій сѣченъ (январь), отъ столкновенія частыхъ
морозовъ. Русскій сухій (мартъ), отъ весенней засухи.
Русскій березоголь (апрель), малороссийскій березоголь
(мартъ), отъ приготовленія березовой золы для ще-
лека; а польскій марецъ (мартъ), отъ слова *marka*,
мерзнуть, потому что въ это время бываютъ переме-
жающіеся вечерніе морозы. Малороссийскій цвѣтенъ, а

(*) Кар. И. Г. Р. т. I. пр. 159.

(**) Новгород. лѣт. подъ 1402 г.; Кар. И. Г. Р. т. V. прим.
222 и 386. подъ 1460 г.

(***) γαμπλιῶνъ январь, происходитъ отъ γάμειο женюсь, отсюда
Гимназій, боягъ брацовъ, а Ганимедъ, отъ γάμου, веселюсь,
радуюсь, означалъ у нихъ веселое брачное.

польскій *кощень* (кіръль), произошла отъ разыѣтающей весны. Русскій и малороссійскій *травень* (май), значить время, въ которое все покрывается травами. Польскій май, отъ латинскаго мѣсяца май. Высокъ или изокъ (юнь), вѣроятно отъ высоты солнца, которое въ это время находится на высшей точкѣ лѣтнаго равноденствія, и тогда бываются самые большие дни. Экзархъ болгарскій, въ своемъ предисловіи къ *шестодневу*, ставить изокъ въ числѣ птицъ; но въ его переводѣ «бесѣда Василія Великаго» (с. 240), сказано: *не точію бо изоци въ дождь се разждаютъ.* — Могутъ ли птицы разждаться отъ дождевой воды? Экзархъ болгарской включилъ изокъ въ числѣ птицъ, слѣдя Василію великому, которой въ девятой своей бесѣдѣ, причисляетъ летающихъ настѣкомыхъ къ роду пернатыхъ. Въ премудрости Іисуса Сираха (гл. 11. с. 8.) сказано: *мала есть въ пернатыхъ пчела.* — Эпифаній Славеницкій переводить изокъ *сверщикъ* — *Не бо точію сверщи въ надожденіихъ выходятъ,* следовательно Славеницкій уже понималъ естественную исторію: но онъ, въ другомъ мѣстѣ спрашивается самого себя, съ удивленіемъ: *кій образъ пльскопльня сверща?* Въ кіевскомъ славенороссійскомъ лексиконѣ (1527 г.) сверщъ значитъ коникъ, скакокъ, сверчокъ. — Изъ всего этого видно, что изокъ есть сверчокъ, кузничакъ (cicada). — Древніе думали, что кузниччики поютъ. Извѣстно, что эти настѣкомыя производятъ звукъ, отъ частаго и крѣпкаго тренія своихъ крылушекъ, и являются во множествѣ послѣ дождей въ теплые дни, что бываетъ въ юнь мѣсяцѣ, которой, безъ сомнѣнія, по сему такъ и названъ (*). — Чер-

(*) Кар. И. Г. Р. т. IX., см. прибавленіе къ сему тому. — Гомеръ однако описываетъ цикаду такъ:

вецъ (іюнь), по малороссійски и польски названъ отъ множества, появляющихся въ то время красильныхъ червей. Какъ красильное вещество, оно называется еще камаха. Нѣкоторые думаютъ, что только іюля 8. можно отыскывать камахъ, около одного куста, нарочно сюда собирающихъся, по сему кто встанетъ всѣхъ ранѣе, тому предстоитъ счастіе собирать ихъ. Русскій червень (іюль), отъ плодовъ и ягодъ, которыя, во время своей зрѣлости, бывають красныя, черевоны. — Липецъ (іюль), малороссійскій и польскій, отъ дерева липы, достигающей въ это время полнаго цвѣта и издающей запахъ, подобно липецкому меду. Самой лучшій медъ есть тотъ, которой собирается пчелами съ липъ и гречихи. Нынѣшній липецкій медъ, полу чилъ свое название отъ города Липецка (тамбовской губерніи), гдѣ умѣютъ приготовлять его преимущественно предъ другими.—Русскій заревъ (августъ), отъ сіяння зарницы. Серпень (августъ), малороссійскій и польскій, отъ серповъ, потому что тогда жнутъ серпами созрѣлой хлѣбъ. Руской рюенъ (сентябрь), объясняютъ иллирическимъ глаголомъ *rijan*,—рюнять, плакать. Но не отъ того ли рюенъ, что начинаются сентябрьские дожди? — Малороссійской вресень, польской вражесень сентябрь, отъ *wrzesnia*, тамарковаго дерева. — Рус-

Старцы, уже не могутъ въ брамы, но мужи совѣта
Сильные словомъ, цикады подобные, как по рощамъ
Сидя на вѣтвяхъ деревъ, разливаютъ голосъ ихъ звонкой.

Гнѣдичъ думаетъ, что эта цикада (*tettig*), не стрекоза и не кузничекъ, и въ Россіи неизвѣстна, и что древніе употребляли ихъ въ пищу. Гайд. Ил. Гомер, пѣсн. III ст. 150-153. Arist. Hist. animal. кн. V. гл. XXX.

скій листопадъ (октябрь), отъ паденія листовъ. Малороссійской и польской листопадъ есть ноябрь, означаетъ паденіе листовъ, между тѣмъ, какъ малороссійской и польской паздерникъ (октябрь), показываютъ глубокую осень. Русскій грудень (ноябрь), отъ груды снѣга. Зимняя дорога называлась въ старину груднымъ путемъ.—Русской и малороссійской студень (декабрь), значить морозный, студеный мѣсяцъ, когда вѣютъ холода и стоятъ стужи. Польскій грудень (декабрь), значитъ зимній путь. —

Съ котораго времени прекратилось у насъ названіе мѣсяцевъ славянскихъ? Этого неизвѣстно. У поляковъ доселѣ въ употребленіи свои древнія названія. Изъ отечественныхъ лѣтописей видно, что мѣсяцы именовались, въ первые времена основанія нашего государства, такъ же, какъ нынѣ. Преподобный Несторъ, говоря о переводе книгъ съ греческаго на славянскій языкъ, Св. Меѳодіемъ (около 850 г.), пишетъ: *приложиста вся книги въ шесть мѣсяцъ, наченіе отъ марта мѣсяца до 12 октября мѣсяца.* Въ древнійшемъ договорѣ Олега съ греками, въ 911 г., подписано: *сентябрь 2., недѣли 8, въ лѣто созданиія міра 6.420.* Нигдѣ нѣ не случалось читать, чтобы названія славянскихъ мѣсяцевъ употреблялись послѣ этого времени. Быть можетъ, что до временъ Нестора, жившаго въ первой половинѣ XI. в., употреблялось еще славянское названіе мѣсяцевъ.

Значеніе
датин-
снихъ
мѣся-
цевъ. Наши предки переняли латынскія названія, отъ восточной имперіи.

Генварь, первый въ году мѣсяцъ, назывался януарій. Имя это онъ получилъ отъ Януса, бога мира. Въ царствованіе Ромула (за 750 л. до Р. Х.), было въ году десять мѣсяцовъ, и годъ тогда начинался съ марта мѣсяца.—Наслѣдникъ Ромула, Нума Помпілій, построилъ въ Римѣ храмъ въ честь Януса или Януарія, который,

во время земныхъ действий, отворяясь, въ сюда стекались для умалечивания божества. Истуканъ Иисус изображался съ двумя лицами: одно означало прошедшій годъ, а другое наступающій новой.

Римляне въ началѣ сего мѣсяца посыпали другъ друга, носившаги и взаимно дарили; тамошніе подарки называлось *stigmas*, въ новой мѣсяцѣ.

Греки называютъ генварь *зимой*, жемльбеный,— потому что они имѣли обычай совершать, въ седьмь мѣсяцѣ, брачные договоры и торжества. Императоръ франковъ, Карлъ В., назвалъ генварь *Winter Monat*; зимой мѣсяцъ.—Февраль или *февруарий* получиль свое название отъ *february*; потому что римляне отправляли, въ это время, празднество въ честь Плутона и Юноны, которая называлась *февруалія*. Это празднество имѣло въ виду два предмета: а) очищеніе гражданъ отъ грѣхъ, и б) поминовеніе умершихъ и приношеніе жертвъ, для умалечивания тѣней. Карлъ В. назвалъ этотъ мѣсяцъ *богомирд*, грязный (отъ древнаго иѣменіаго слова *горь*, грязь), и понынѣ онъ называется, въ иныхъ странахъ Германіи *Барт-Монат*, грязный мѣсяцъ, потому что въ сіе времена земля, начиная таять, производить грязь.

Въ Бабилонѣ мартъ называется *сане*, и считается первымъ мѣсяцемъ въ году. Полагаютъ, что въ этомъ мѣсяцѣ Богъ создалъ видимый миръ, и первого человѣка со всѣми животными. Самъ Богъ сказалъ Мойсѣю и Аврону: *мълѣцъ сеятъ сѧмъ начало мѣсяцемъ, первый да будетъ сѧмъ отъ землянаго льну* (*). Израильтя-

(*) Исходъ глав. 2., Четы-минея: о календарѣ эллино-римскомъ древнѣйшемъ, на обор. л. 177. изд. 1815 г.

не праздновали въ этомъ мѣсяцѣ Паску, и исходъ свой изъ египетской новоли; а Единородный Сынъ Бога Отца, сошелъ на землю.

У римлянъ мартъ былъ первымъ въ году. Называло марта дать Ромуль, по имени минимаго своего отца Марса, бога войны. Въ сеѧть мѣсяцѣ, однажды въ годъ, зажигали Весталии неугасимый огонь, въ честь богини Весты или неворочности. Мартъ считался несчастнымъ для бракосочетаній, какъ май. Карлъ В. назвалъ мартъ *Frue-Monat*, весенний мѣсяцъ. Марта 9 бываетъ весеннее равноденstвие, подъ знакомъ овна: день и ночь тогда равныя, солнце дѣлаетъ поворотъ къ лѣту, дни начинаютъ постепенно увеличиваться, а ночи уменьшаться, и это продолжается до лѣтнаго поворота, июня 10.

Апрель получалъ свое название отъ *ab aprienda terra*, возобновленія земли, ибо въ это время она открываетъ богатыя промысленія цвѣтущей весны.—Этотъ мѣсяцъ былъ посвященъ римлянами Венерѣ, какъ богинѣ красоты и рожденія. У македоніи апрель былъ первымъ мѣсяцемъ въ году (*). Карлъ В. назвалъ этотъ мѣсяцъ *Oster-Monat*, пасхальный, потому что въ это время чаще праздновали Пасху.

Май названъ Ромуломъ, въ память раздѣленія народа на *majores*, (предковъ). Карлъ В. назвалъ *Frue-Monat*, радостный мѣсяцъ, потому что въ это время весна въ полной красѣ.

Июнь или *мій*, въ царковныхъ книгахъ *иуній*. Имя называлась у римлянъ богиня Юнона, — Іапо. Онь

(*) Bajerus: *Doctrina temporum iudeorum*, с. 158., ed. Petropol. 1738., г.

быть посвященъ юношамъ. — Другое производятъ его отъ консула Юния Брута, потому что онъ, по мнению престола цара Тарквина гердаго (за 500 л. до Р. Х.), и по изгнанию его со всемъ семействомъ изъ Рима, принесъ въ это время благодарственную жертву богинѣ Кармѣ, на горѣ Целіѣ. — Карлъ В. назвалъ *August-Monat*, мѣсяцъ воздѣлыванія, — потому что въ это время все поля воздѣланы и покрыты плодами. Въ этомъ мѣсяцѣ 10 числа, бываетъ дождливый лѣтній день: 18 час. 29', и самая маленькая ночь: 5 ч. и 31'. Солнце дѣлаетъ поворотъ къ осени; дни начинаютъ постепенно уменьшаться, а ночи увеличиваться. Въ Петербургѣ съ 6 числа по 14 ч.. восходить солнце въ 2 ч. 19', а заходитъ въ 9 часовъ 14'. Небо бываетъ покрыто, до солнечнаго восхода, краснымъ заревомъ, а ночь свѣтлая, какъ день.

Июль по церковнымъ книгамъ юлий, назывался сначала *каинтилисъ*, пятый, посемику онъ былъ пятымъ мѣсяцемъ въ году, считая годъ съ марта. — Маркъ Антоній повелѣлъ, будучи консуломъ, чтобы сей мѣсяцъ впредь называли *Юлиемъ*, въ честь Юлія Цезаря, который родился въ томъ мѣсяцѣ. Карлъ В. назвалъ *Heil-Monat*, сѣнокосный, потому что въ это время производится повсемѣстный сѣнокосъ.

Августъ названъ римлянами въ честь Октавія Августа, первого ихъ императора, бывшаго прежде первенствующимъ консуломъ. Въ семь мѣсяцѣ онъ имѣлъ торжественный вѣздръ въ Римъ, и все важныя дѣянія его царствованія, случились въ августѣ. Храмъ Януса, которой стоялъ 200 л. отвореннымъ, по случаю безпрерывныхъ войнъ, затворился навсегда въ томъ же мѣсяцѣ. Карлъ В. назвалъ *Stadt-Monat*, жатвенный, потому что въ это время собираютъ повсюду жатву.

Сентябрь, по церковному септемврий. Сентябрь такъ названъ Ромуломъ потому, что по его исчислению онъ былъ седьмымъ въ году, которой начинался тогда съ марта мѣсяца. Импер. Августъ первый установилъ исчисление индиктіоновъ съ сентября, продолжавшися до Константина В. Этотъ императоръ, побѣдивши Максенія, покровителя христіанъ, даровалъ имъ свободу, и вскорѣ потомъ, на первомъ вселенскомъ соборѣ установлено святыми отцами вести христіанскіе индиктіоны, которые считаются доселѣ, въ воспоминаніе торжества истинной вѣры надъ языческой. Многіе изъ римскихъ императоровъ называли его своимъ именемъ, но послѣ ихъ смерти, онъ назывался по прежнему.

Во всей Европѣ долгое время считался новой годъ съ сентября, а у насъ до 1700 г.—Карлъ В. назвалъ сентябрь *Herbst-Monat*, осенний. — Сентября 10. бываетъ осеннее равноденствіе, солнце дѣлаетъ поворотъ къ зимѣ, день и ночь равныя; но день начинаетъ уменьшаться, ночь прибавляться и это продолжается до 9 декабря.

Октябрь, по церковному октремврий, по Ромулову исчислению восьмой мѣсяцъ. Римскіе императоры и сенатъ, давали ему разныя проименованія, и онъ долгое время назывался *Фавстіи*, въ честь супруги Антоніана, и *Доміціанъ*, по имени импер. Доміціана; но этотъ мѣсяцъ удержалъ прежнее свое имя. Карлъ В. назвалъ его *Wein-Monat*, виноградной, потому что въ это время занимаются собирають винограда.

Ноябрь, по церковному мозембriй, по Ромулову исчислению девятой (отъ латин. слова *novem*, (девять)). Императ. Комолъ велиль называть его *toga virilem* (*toga virilem*), потому что онъ получилъ въ это время одежду, называемую тога, которую несли консулы и знатные люди, и вмѣстѣ съ отцемъ онъ по-

здравлень императоромъ. Послѣ ихъ смерти, этотъ мѣсяцъ удержалъ прежнєе свое название.

Декабрь, по церковному децимврию, названъ (въ 450 г. до Р. Х.) по случаю римскихъ децимвировъ, правителей десяти мужей, которые, желая продлить еще на мѣсяцъ свою власть, установили, чтобы февраль быть не послѣднимъ, а вторымъ въ году. — По Ромулову исчислению онъ названъ десятымъ (decem), потому что онъ былъ въ его время десятымъ въ году. Карлъ В. назвалъ *Heil-Monat*, здоровой, и *Winter-Monat* зимний. Въ декабрѣ 9 ч. самой короткій день: 5 час. 31', а ночь самая продолжательная: 8 ч. 29'. Солнце вступаетъ тогда въ знакъ козерога и дѣлаетъ поворотъ на заму. Въ Петербургѣ, съ 6 по 19 число, солнце восходитъ въ 9 часовъ 14'; а заходить въ 2 ч. 46'. —

Французы, при введеніи у нихъ республиканского правленія, въ 1792 г., считали начало нового года съ 11 сентября; годъ раздѣляли на 12 мѣсяцевъ, изъ которыхъ каждой былъ въ 30 дн., къ концу каждого года прибавляли 5. дн., для составленія 365. дн., а чрезъ три года прибавляли къ четвертому 1. день, чтобы имѣть высокосный въ 366 дн.—Название ихъ мѣсяцевъ, было слѣдующее:

1. Ваадемвръ	—	11. сентябр.	виноградный.	—
2. Брюмеръ	—	11. октябр.	туманный.	—
3. Фримеръ	—	10. ноябр.	изморозный.	—
4. Нивозъ	—	10. декабр.	снѣжный.	—
5. Плювіозъ	—	9. январ.	дождливый.	
6. Вантозъ	—	8. феврал.	вѣтrenый.	
7. Жерминаль	—	10. март.	прозябательный.	
8. Флоріаль	—	9. апрѣль.	цвѣтной.	
9. Преріаль	—	9. мая	луговой.	
10. Мессидоръ	—	8. іюня	жатвенный.	

11. Термидоръ — 8. іюля, жаркій.
 12. Фруктидоръ — 7. августа, плодоносный. —

Каждой мѣсяцъ состоялъ изъ трехъ недѣль, а недѣля изъ 10. дн., которые назывались: 1. примиди, 2. дуоди, 3. триди, 4. квартиди, 5. квинтиди, 6. септиди, 7. септиди, 8. октиди, 9. нониди, 10. де-
кади. —

По возвращеніи престола династіи Бурбоновой, фран-
цузы ввели прежнее исчисленіе и название мѣсяцевъ,
недѣлей и дней, какъ вынѣ употребляютъ всѣ европ-
ейцы. —

При раздѣленіи древними римлянами года на 12 мѣ-
сяцевъ, должно еще замѣтить, что мѣсяцъ дѣлился у
нихъ на три части: календы, ионы и иды. Календы отъ
греческаго слова *калео*, созываю, означали созываніе
народа въ первое число, каждого новаго мѣсяца, для
совершения праздника. Тутъ жрецы объявляли: въ ка-
кой день будутъ отправляться жертвоприношенія бо-
гамъ, и сколько въ томъ мѣсяцѣ ионовъ и идовъ. По-
тому календы, правильнѣе могутъ называться у насъ
новомѣсячіемъ.

Ионы суть дни послѣ новомѣсячія, въ которые про-
изводились всѣ общественные дѣла. Название ионовъ
позаимствовано римлянами изъ Этруріи, по завоеваніи ими
этой области. Тамъ прежде былъ обычай, что народъ
въ каждой девятой день, поздравляя своего царя съ
иономъ или *девятыцю*, приносилъ ему жалобы, пото-
му *ponus*, ионынѣ сохранившіяся на латинскомъ язы-
кѣ, остался при прежнемъ значеніи девять.

Иды, а правильнѣе *идосъ*, означали окончательный
день мѣсяца; по нимъ считали дни календовъ и самые
праздники.

Астрономическое начисление мѣсяцевъ изображается Астро-
особыми знаками, которые ведутся съ марта мѣсяца, именемъ: <sup>ионти-
ческими именами</sup> **овенъ** (мартъ), **близнецъ** (апрель), **ракъ** (май), **львъ** (июнь), **дѣвка** (августъ), **весы** (сентябрь), **скорпионъ** (октябрь), **стрѣлцъ** (ноябрь), **мозерогъ** (декабрь), **водолей** (январь), **рыбы** (февраль). Мартъ (овенъ) и апрель (близнецъ), названы потому такъ, что въ это время наибольше рождаются овцы, теленки и козы; май — близнецами потому, что тогда рождаются въ большемъ числѣ близнецами, нежели въ другое время. Июнь, находящійся подъ соизвѣдѣемъ рака, производитъ тогда въ зебиліи раковъ; июль обозначаетъ львовъ, потому что это весьма жаркий мѣсяцъ. Онъ называется сине-кантильнымъ, потому что тогда собаки подвергаются бѣшеству отъ чрезмѣрныхъ жаровъ. Въ это время повсюду собираютъ жатву съ полей. Созвѣдіе дѣвы изображается въ видѣ дѣвушки, держашей въ рукахъ колосья; сентябрь, подъ знакомъ вѣсовъ, въ напоминаніе осеннаго равноденствія. Октябрь, подъ знакомъ скорпиона, по причинѣ дурнаго и неудобоваго времени. Ноябрь, подъ знакомъ стрѣлца, какъ начало звѣриной охоты. Декабрь, подъ знакомъ мозерога, ибо тогда козы преимущественно про- ведаютъ время на горахъ. Генварь, подъ знакомъ водолея; въ это время разливаются воды въ южныхъ страшахъ. Февраль, подъ знакомъ рыбъ, — тогда рыбы машутъ икру.

Начисление года по мѣсяцамъ, называется ^{значение} **календрамъ** или **мѣсяцесловомъ**, а по церковному святымъ. Календарь <sup>календа-
рикъ съят-
цами</sup> происходитъ отъ латинскаго слова *calenda* (календы), коимъ обозначали Римляне первыя числа каждого мѣсяца. Богиня Юнона называлась *calendaris* (календансь), потому что ей были посвящены календы.

Сть казацдарись промышленніе наименіе киевиты, который у насъ вѣсма правильно замѣцается называемъ именемъ святослава. Святы есть тоже самое что имена словъ, съ токо разницю, что въ нихъ преимущественно показываются события церкви, дни праздниковъ святыхъ угодниковъ, съ краткимъ описаниею ихъ дѣлъ. Отъ слова святый, произошло сокращенное святы. Иль нихъ особенно славятся, своимъ достоинствомъ и древностю, киевские; а потомъ московские. —

Раздѣление времени на недѣли. Раздѣление времени на недѣли, есть вѣсма древнее. Иль бабий известно, что сотвореніе мира совершилось въ шесть дней, — создательно Евреибы было известно раздѣление времени на недѣли или семь дней. Надобно полагать, что всѣ древніе народы имѣли свои недѣли и названія недѣльныхъ дней. Въ прошломъ году считается 52 недѣли и 1. день, а въ прошлѣй 52 недѣли и 2 дни. Наша церковь начинаятъ недѣлю съ вечера субботы, или съ заходженія солнца; а въ гражданскихъ дѣлахъ недѣля начинается съ понедѣльника поутру.

Значеніе сего и дній. Повинѣ всѣ народы имѣютъ особыя свои названія для семи дней. — У насъ тоже самое. Понедѣльникъ означаетъ первый день по недѣльѣ; вторникъ, вто рый; среда, среднюю недѣли; четвергъ или четвертокъ; четвертый день; пятница, пятый; суббота, день отдохновенія, замѣстованъ отъ Евреевъ, у коихъ онъ значить праздничное время. — Воскресенье, въ воспоминаніе Воскресенія Иисуса Христа. — У Турокъ воскресный день замѣчается пятницею. — У Франкузовъ, Италіанцевъ, Гишианцевъ и Португальцевъ, недѣльные дни названы по созвѣздіямъ. — Понедѣльникъ посты названіе луны, вторникъ Марса, середа Меркурія; четвергъ Юпитера; пятница Венеры, суббота Сатурна, воскресеніе солнца. У германскихъ народовъ понедѣль-

никъ, луна; вторникъ, рабочій день; среда, средина недѣли; четвергъ, громовой день; пятница, свободный день отъ работы, потому что у ~~никъ земледѣльца~~, въ ~~прежнія~~ времена, не ходили въ этотъ день на барщину, употребляя его въ свою пользу. Суббота, солнечный вечеръ. — Почему онъ такъ названъ? — неизвѣстно. — Воскресенье, солнечный день или радостный. — Когда введеніе исчисленіе недѣль и дней въ Россіи? — до введенія ли христіянства, или послѣ? По ~~житописямъ~~ ничего невидно, чтобы ваши предки — язычники, употребляли название нынѣшихъ дней: но, по введенію христіянства, мы видимъ названія дней и недѣль, тѣ же самыя, какъ и нынѣ. — Слово недѣля означаетъ недѣльные, нерабочіе дни. Отъ чего такъ названо? Не потому ли что въ старину русскіе, и некоторые дунайскіе Славяне, не любили заниматься много работою, и что, самая недѣля была для многихъ, недѣля праздниковъ. У малороссіянъ недѣля, у поляковъ *niedziela*, у богемцовъ, моравцевъ и прочихъ задунайскихъ Славянъ *neděle* означаетъ воскресенье, или недѣльной, нерабочій день; напротивъ того седьмица выражается у малороссіянъ чрезъ *тыждень* у поляковъ *tydzien*, а у прочихъ Славянъ чрезъ недѣлю. У литовцевъ недѣля называлась *семидневie*. Счетъ ихъ дней начинался съ пятницы, которая почтилась праздникомъ, какъ наше воскресенье. —

По принятіи христіянской вѣры, сутки дѣлились ^{на часы} у насъ на 24. ч., но дни считали отъ восхожденія ^{піе дне-} ^{до} ^{заго} ^{времени,} захожденія, а ночи отъ захожденія до восхожденія ^{в первые} ^{бօ а զ մէ} ^{часы.} солнца, что продолжалось до 1699 г. Древніе и всѣ восточные народы, считали день отъ восхожденія до захожденія солнца. Астрономы ведутъ день отъ полуночи до полуночи, турки чрезъ четверть часа по захожденію солнца, а европейцы съ полуночи до полуночи.

Государь Петръ I. повелѣлъ построить въ разныхъ мѣстахъ колокольни, съ боевыми часами, и тогда начали считать время съ полуночи, но пробитіе 12 часовъ. (*) Первое боевые часы явились въ Москвѣ 1404 г., на дворѣ В. К. Василія, сына донскаго, которые доставилъ ему монахъ Лазарь Сербинъ.—Подъ именемъ дня, разумѣется солнечное теченіе на горизонтѣ, а подъ именемъ ночи скрытие солнца на нашей планетѣ. Обращеніе земли около своей оси, произвело суточное движеніе, а около солнца годичное кругообращеніе или годъ. —

Не всѣ христіянскіе праздники приходятся въ одно время, а потому они и раздѣляются на подвижные и неподвижные, или на перемѣняемые и неперемѣняемые. —

Пасхалік Пасху праздновали прежде въ одно время съ евреями, до 310 г.; но въ послѣдствіи установили на вѣкійскомъ соборѣ праздновать отдельно отъ іудейской, въ всегда въ воскресенье, посему она постоянно приходится въ воскресенье, только не въ одно число. —

Это Воскресенье есть первый воскресный день по полнолунию, считая отъ мартовскаго равноденствія. Если Пасха случится въ день полнолуния, то празднованіе должно быть въ седьмой день; если въ субботу, то въ осмой день. Но послѣ весеннаго равноденствія, Пасха приходится въ одно и тоже число. Чтобы знать безошибочно: въ которомъ году, и въ которое число будетъ Пасха?—надобно прибегать къ исчислению пасхальному, отъ коего зависятъ всѣ подвижные празд-

(*) Бар. Гизенъ: Журналъ его, напечатанный въ запискахъ Туманскаго ч. III, с. 113.

иики. Пасхальный же называется потому, что делается посредствомъ науки, именуемой пасхалию (*), въ коей руководствуются для отыскания дня Пасхи, круговыми вычислениями, подъ именемъ: 1. круга солнца 2. круга луны 3. круга индикта 4. основания и 5. эпакты.

Солнечнымъ кругомъ называется 28 лѣтнее пространство времени, которое начинается и оканчивается въ одинъ день, — послѣ 28 л.

Кругъ луны значитъ обращеніе ея въ 19. л., по прошествіи коихъ, новолуние и полнолуние возвращаются на прежніе дни. Новолуние или новой мѣсяцъ изображается знакомъ ☽, первая четверть луны ☿, полной мѣсяцъ ☽, послѣдняя четверть ☽. — Кругъ индикта составляетъ 15 лѣтнее время. Онъ установленъ императоромъ Августомъ, для правильнаго взноса податей, чрезъ каждые пять лѣтъ въ три срока, посему каждый пятилѣтій кругъ назывался люстромъ. — Люстры начинались съ сентября 1. Восточная церковь положила праздновать индиктъ, такъ же съ сентября 1., въ память побѣды, одержанной Константиномъ Великимъ (въ 312 г.), надъ своимъ врагомъ Максентиемъ, который былъ жестокимъ преслѣдователемъ христіянъ. — Есть еще индиктіонъ: онъ состоитъ изъ 28 солнечныхъ и

(*) Митрон. Зосима поручилъ сдавать исчислевіе церковнаго круга, съ согласіемъ епископовъ, конгородскому епископу Геннадію. Вычислія послѣднаго повторялъ пермскій епископъ Филофей, и утвердилъ верность. Послѣ означилъ Геннадій круги солнечные, лунные, основанія, эпакты, вруча лѣто и ключи границъ, отъ 533—7980 г. Созданный посему далу соборъ, въ 1505 г., подтвердилъ всесїи силы его вычисление, и тогда зновь утверждено начинать новой годъ индиктомъ съ 1 сентября.

19 лунныхъ круговъ, кон., помноженные между собою, составляютъ индиктіонъ или 532 года.

Вруцъ лѣто есть буква, показывающая воскресный день каждого года. Такихъ буквъ въ пасхалии семь: А. Б. Г. Д. Е. З. Ѕ.—Эти буквы отмѣчаются часто соотвѣтствующими имъ числами: 1 = А, 2 = Б, 3 = Г, 4 = Д, 5 = Е, 6 = З, 7 = Ѕ. — Извѣстно, что простой годъ состоитъ изъ 52 недѣль и 1. дн., а высокосный изъ 52 нед. и 2. дн.; то посему въ каждый простой годъ, воскресная буква будетъ слѣдующая по прошлогодней, а въ высокосный чрезъ одну букву. Въ гражданскихъ мѣсяцесловахъ замѣнеными недѣльными, астрономическими знаками а именно: ☽ (луна), полемѣльникъ; ♂ (марсъ), вторникъ; ♀ (меркурій) середа; ♪ (юпитеръ) четвергъ; ♀ (венера), пятница; ♃ (сатурнъ) суббота; ☀ (солнце), воскресенье—Счетъ вруцъ-лѣтій ведется съ марта мѣсяца.—Основаніе есть 14 число, показывающее съ первого числа марта, день давности луны. По свидѣтельству Святаго Иоанна Дамаскина и заключеніемъ пасхалистовъ, луна создана въ четвертый день и была тогда полная, потому давность ея была въ то время 14 дней. —

Эпакта есть разность между солнечнымъ, гражданскимъ и астрономическимъ годами, и состоитъ изъ 11 сутокъ. Ключъ границъ или иначе исправа, показываетъ дни, въ которые приходится Пасха. Дни эти означаются 35. забучными буквами, потому что для границъ Пасхи опредѣляется 35 дн., между 21. марта и 26 апрѣля; ибо она никогда не бываетъ ранѣе 22 марта и позже 25 апрѣля, а сіи то 35 дн. и называются ключемъ границъ. —

Подлинно и во подлинные времена правления.

Многіе праздники предшествуютъ Пасхѣ, а другіе слѣдуютъ послѣ нея, и бываютъ въ разныхъ числа мѣсяцевъ, ранѣе или позже, почему называются *подспѣши-
ми*.

змены и неподвижныи. Первые бывают не въ одни числа, вторые всегда приходятся въ одно число. Къ подвижнымъ праздникамъ принадлежать: Пасха, Възнесение Господне, которое празднуется чрезъ 40 дн. отъ Христова Воскресенія, — установлено въ III. в. — Пятидесятница, въ 50 день по Свѣтлому Воскресенію, или въ 10 день по Вознесенію. Этотъ праздникъ иначе называется Сошествіе Святаго Духа, или день Свят. Троицы; — Преполовеніе за двѣ недѣли до Вознесенія, Петровъ посты чрезъ недѣлю послѣ Троицы и проч. Къ неподвижнымъ праздникамъ относятся: воспоминанія о важнѣйшихъ событияхъ въ христіянскомъ мірѣ, освященныхъ церковью, какъ те: страданія мучениковъ и мученицъ и ихъ смерть, явленія чудотворныхъ иконъ и мощей угодниковъ Божіихъ, одержаніе побѣдъ надъ врагами отечества, избавленіе народовъ отъ разныхъ бѣдствій или освобожденіе ихъ отъ иноземнаго ига, дни рожденій и тезоименитствъ царствующаго дома. Важнѣйшие неподвижные праздники суть: Новый годъ, Богоявление, или Крещеніе Господне, января 6; Стрѣтеніе Господне, февраля 2; Благовѣщеніе, марта 25; день Чудотворца Николая, мая 9; Рождество Иоанна Предтечи, июня 24; Св. Апостоловъ Петра и Павла, июня 29; Успенскій постъ съ 1 по 15 августа; Преображеніе Господне, августа 6; Успеніе Св. Богородицы, августа 15; Усѣкновеніе главы Иоанна Предтечи, августа 29. — Екатерина В. указала совершать въ этотъ день поминовеніе о православныхъ, воинахъ и о всѣхъ убіенныхъ на браніи за Вѣру и отечество. — Рождество Св. Богородицы, сентября 8; Воздвиженіе Честнаго Креста Господня, сентября 14; Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, сентября 29; Покровъ Св. Богородицы, октября 1.; Рождественской или Филиповъ посты, съ 15

ноября по день Рождества Христова; Введеніе во храмъ Св. Богородицы, ноября 21; день Чудотворца Николая, декабря 6; Рождество Христово, декабря 25. —

Каждой народъ сохраняетъ гражданскіе свои праздники, которые имѣютъ особое значеніе, напримѣръ: основаніе политическаго бытія государства, принятие вѣры, основаніе столичныхъ городовъ, знаменитыя битвы, освобожденіе отъ иноземнаго ига, учрежденіе учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ, важнѣйшія открытія и изобрѣтенія въ наукахъ; время государстvenныхъ постановленій и законовъ, восшествіе на престолъ, орденскія празднства, воспоминанія о дняхъ рожденія и смерти великихъ царей, законодателей, героевъ и іерарховъ церкви. Обо всемъ этомъ ведутся, въ исторіи и мѣсяцословахъ, памятныя записки.

II. КРЕЩЕНИЕ.

О немавѣтности средствъ для облегченія родильницъ.—
Бабы или бабки. — Очистительная молитва и совершение
обрядного обыкновенія, въ Царскомъ домѣ. — Простосер-
дечное понятіе объ роженицахъ. — Угощеніе отца ново-
рожденного. — Порушка и дареніе. — Кумовья и крест-
ные родители. — Отреченіе. — Постриженіе. — Время
крещенія. — Крестильницы и значение церковной бани.—
Родильные подарки. — Ношеніе въ ладонкѣ или мо-
шонкѣ, въ рождение въ сорочки. — Даваніе имени. —
Празднованіе дней рождения.—Имянини и день ангела.—
Тезоименитство. — Нынѣшніе имянини.

•

II.

КРЕЩЕНИЕ.

Отечественные летописи ни слова не говорятъ о Описывъ-
стности
средствъ,
для об-
легчения
роды и
младенца. пособіяхъ, какія подавались родильницамъ, до и послѣ рожденія ими дѣтей; ни о тѣхъ обрядахъ, какіе совершались по рожденію младенцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наши предки употребляли при этомъ случаѣ единообразное средство: предоставляли рожденіе природѣ и крѣпкому здоровью женщинѣ.—Чуждыя изнѣженности и роскоши деревенскія женщины и понынѣ, болѣею частію, не прибѣгаютъ къ врачебнымъ средствамъ: они часто рождаютъ во время сельскихъ работы, и на третій день, уже ходятъ. Хотя древнимъ азійскимъ, африканскимъ и европейскимъ народамъ, были известны средства врачебныя, употреблявшіяся во время омовенія и повиванія младенцевъ; однако эти пособія появились у насъ, не прежде конца X в. Изъ устава В. К. Владимира I., мы видимъ, что тогда при родахъ, первыми помоющими родильницѣ, были женщины

пожилыхъ лѣтъ, называвшіяся *бабами* (бабками). Они обмывали рождаемыхъ младенцевъ, повивали и врачевали.—Около половины XVIII в. врачи стали изучивать у насъ акушерство, а для познанія повивального искусства явились школы, въ коихъ въ 1776 г. уже преподавали молодымъ людямъ и *бабкамъ* акушерство, на русскомъ языкѣ; и обучали ихъ преимущественно въ воспитательныхъ домахъ. Въ концѣ XVIII ст. постановлено въ обязанность врачебнымъ управамъ (*), чтобы въ числѣ ихъ членовъ, имѣть по акушеру.—Благодѣтельнымъ попеченіемъ Императрицы Маріи Феодоровны и Великой Княгини Елены Павловны, устроены отдельные повивальные школы, въ коихъ преимущественно учится женской полъ (**).

Очищеніе
ролильной
молитвы
и совер-
шеніе
обрядна-
го обык-
новенія
въ Цар-
скомъ
дворѣ.

Даваніе ролильной молитвы, позаимствовано греками отъ евреевъ, а къ намъ перешло по принятіи христіянской вѣры (въ концѣ IX. в.) Въ старину было въ обыкновеніи, что предъ наступленіемъ потуговъ,

(*) См. Инструкцію врачебнымъ управамъ, 1797 г. генв. 19.

(**) Одно изъ таковыхъ заведеній, находящееся въ Петербургѣ,—по фонтанкѣ, между обуховскимъ и измайловскимъ мостами,—состоить подъ особымъ покровительствомъ Ея Императорского Высочества В. К. Елены Павловны, и воззвысилось до европейской известности.—Тутъ преподаются начальное основаніе медицины, но обращено главнѣйшее вниманіе на усовершенствованіе въ повивальномъ званіи и каждая бабка, столько приобретаетъ медицинскихъ свѣдѣній, что въ случаѣ надобности, сама можетъ подать врачебное пособіе. Выпускаемыя отсюда бабки, опредѣляются къ извѣненнымъ масташъ, если они получили образованіе отъ правительства, а прочія занимаются частнымъ лаченіемъ.—Слово бабка, замѣнено нынѣ названіемъ бабушки, изъ коихъ иныя бывають восемьнадцати лѣтъ отъ роду.

родильница хаживала въ башю съ бабкою въ женщинахъ. Этому обычаю следовало не только боярское слово, но самыя Царицы. Какъ скоро дѣлалось извѣстнымъ Царю, что Царица родила, немедленно посыпали по духовника, который давалъ молитву младенцу, родильницѣ, бабкѣ и всѣмъ присудствовавшимъ при родахъ женщинамъ. Потомъ младенца носили въ мыльню, куда ходилъ смотрѣть новорожденаго самъ Государь. Послѣ совершалъ патріархъ въ присутствіи Царя, молебствіе: о дарованномъ ему Царевичѣ. По прочимъ же церквамъ и монастырямъ, отправляли молебны; раздавали милостынью нищимъ и убогимъ; освобождали изъ тюрьмы не важныхъ преступниковъ; по монастырямъ ходилъ Государь, угощая монаховъ и раздавая подаяніе.—По городамъ разсыпали стольниковъ, стряпчихъ и жильцовъ съ царскими грамотами къ духовенству и воеводамъ, о рожденіи младенца. Повсюду служили благодарственные молебны, за здоровье новорожденаго. Пославные приглашались воеводами и духовенствомъ на обѣдъ; послѣ обѣда духовенство благословляло ихъ образами, а воеводы обдаривали посланныхъ по возможности. Въ день рожденія Царевича, бывалъ родильный столъ у Государя, для одного только духовенства; стряпчевъ и другихъ чиновъ, обдаривали. Таковой же обрядъ соблюдался и при рожденіи Царевенъ; только раздача денегъ была не столь щедрою. — Для кормленія дитяти, избирали здоровую и нравственную женщину. По прошествіи года, если кормилица изъ дворянскаго рода, посыпали ея мужа на воеводство или дарили его вотчиной; изъ подьячихъ и другихъ чиновъ, повышали и награждали жалованьемъ; посадскихъ увольняли отъ всѣхъ податей и назначали имъ приличное содержаніе. За присмотромъ младенца наз-

начали мамку и папыку (*). Если чужой поквальти ребенка или новорожденного, въ глазахъ кормилицы, то она должна была пллюнуть на землю три раза, что бы не сглазить его худой глазъ.

Просто-
сердеч-
ное по-
звание о
роже-
нияхъ и
очисти-
тельной
молитве.

Истари ведется между простолюдинами обыкновение, состоящее въ томъ, что когда мать мучится родами, тогда стараются скрывать, чтобы никто обѣ этомъ не зналъ, въ томъ убѣжденіи, что отъ сего бываетъ ей легче. Ветарануѣ некоторые простолюдины распускали писанную молитву въ водѣ, давали пить роженицѣ, думая, что этимъ облегчается роды. (**) Всѣ находившіеся при родахъ, хотя бы они и не дотрогивались родильницы, прибѣгали къ очистительной молитвѣ.

Въ пермской губерніи существуетъ обычай между простолюдинами, и даже купцами, что старушки, замѣняющія бабокъ, безпрерывно водятъ родильницу по избѣ или банѣ, и не позволяютъ ей ни садиться, ни лежать. Родившагося младенца выправляютъ намыливая

(*) Коших.: О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича, с. 10-12.

(**) Такое обыкновеніе существовало между татарами, и существуетъ ли оно теперь, неизвестно мнѣ. Покрайней мѣрѣ сохранилось у нихъ наставление, а именно: если женщина не разрѣшается отъ родовъ, то распустите эту молитву и дай ей выпить. По благости Божией, она родите. — т. е. хатунь углань тугарламаса будани изъѣбъ ичургай тянгри фарманы берля тучай, заабъ, заакъ, заасъ, зааджъ, заахъ, зааххъ, заадъ, заадзъ, заавъзъ, заасъ, зааръ, заашъ, заадъ, заавъзъ, заазъ, заатъ, зааттъ, заагъ, заатгъ, заафъ, заакъ, заакъ, заадъ, заамъ, раза, изза, уаа, хааа, дааа.—При исследованіи мою известности Сарая, были находимы кувшинны съ надписью алифовъ (буквы, соответствующія нашему а), которыхъ быди начертены въ азбучномъ порядкѣ. Это подаетъ поводъ заключить: вероятно эти кувшинны употреблялись татарами при заклинаніяхъ.

и земль, встряхиваниемъ и вспрыскиваниемъ; даютъ родильницѣ и младенцу ѿсть воробышко сѣмя и иѣкоторыя съ нашептываниемъ травы. По счастливомъ разрѣшеніи, даютъ родильницѣ выпить добрую чару вина и съѣсть кусокъ хлѣба; потомъ погать ее пивомъ съ толокниной, и даютъ ей всякую пищу безъ разбера.—Родственницы или пріятельницы изъ простаго званія, поздравляютъ родильницу въ спальнѣ, у купца въ башѣ, и приносятъ на зубокъ денежныя подарки, отъ 10 к. до одного рубля мѣдью.

Кума и другія женщины, кормятъ за столомъ отца новорожденаго грешивою кашею; потомъ высылаютъ его изъ избы, и приготавлиаютъ для него новое кушанье на бабиной кашѣ, сваренной изъ сорочинскаго яичника: сюда кладутъ по столовой ложкѣ горчицы, перцу, хрѣну, соли, уксусу; посыпаютъ сахаромъ, и даютъ ему ѿсть, чтобы онъ нѣсколько немучился, какъ его роженица (*).—Онъ другихъ мѣстахъ родилъ посыпается къ роженици, по кружкѣ или чашкѣ порушки и большому круглому пирогу.—Порушка приготавляется изъ сухой разваренной малины, подслащенной медомъ (**). Въ иѣкоторыхъ деревняхъ знакомые и род-

угощеніе отца
новоро-
жденаго.

Поруш-
ка и да-
реціе.

(*) Въ иѣкоторыхъ мѣстахъ тогчасъ, по совершенніи крещенія, подаютъ отцу новорожденаго ложку соли, прикрытої кашею, — а кумъ съ кумою поднимаютъ пирогъ, говоря: рости крестникъ такъ высокъ, какъ мы подняли пирогъ.

(**) У иѣкоторыхъ не образованныхъ народовъ, существуютъ доселе старинные обыкновенія. Въ Грузіи, когда наступаетъ время родовъ, сажаютъ роженицу среди избы на ковръ, а иудини съ саблями въ рукахъ, машутъ надъ ей головою, пока она родить, думая, что отъ этого страха она родить легко. Калмыки собираются около кибитки роженицы, по выставленному большому эпаку, большую толпой, и чѣмъ роженица выше родомъ, темъ ихъ сходится больше. Кричать вовсе горло и поютъ, какъ можно сильнѣе. Послѣ родовъ хозяинъ угощаетъ ихъ кушаньемъ и чигаюмъ.

ственники посыпаютъ въ даръ родильницѣ, или сами приносятъ: крупу, муку и кусокъ полотна на рубашку младенца.

Куковъ и крест-ные ро-въ дуетъ. Обыкновеніе имѣть воспріемниковъ, существуетъ

въ христіянской церкви издревле, въ чёмъ свидѣтельствуютъ многіе св. отцы, между коими: Тертуліанъ, Златоустъ, Августинъ. Поводъ къ сему установленію, подали первыя гоненія на христіанъ. Въ эти жестокія времена, нужно было имѣть свидѣтелей при крещеніи, кои, соединяясь съ крещаемымъ духовнымъ родствомъ, служили бы имъ наставниками въ принятой вѣрѣ. — По правиламъ св. отецъ достаточно, чтобы при крещеніи мальчика быть одному воспріемнику, а при крещеніи дѣвушки, одной воспріемницѣ. Въ наше время при каждомъ крещеніи бываютъ воспріемники въ воспріемница, которые между собою называются кумъ и кума, а въ отношеніи къ принятымъ ими отъ купели дѣтей, крестнымъ отцемъ и матерью. Тогда происходитъ между ними духовное родство.

Церковь издревле употребляла крещеніе погружательное. Спаситель былъ крещенъ на р. Іорданѣ, Ioannомъ крестителемъ; такъ поступали прежде со всѣми взрослыми. Такъ крестился Великій Князь Владіміръ, и по прибытіи его изъ Корсуня въ Кіевъ, онъ повелѣлъ чтобы всѣ люди, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься. Народъ толпами входилъ въ рѣку Даїбрь: большие стояли въ водѣ по грудь и шею, отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; священники читали молитвы крещенія, раздѣливъ народъ на толпы, въ которыхъ мужчинамъ давали одно имя мужское, а женщинамъ одно общее женское, отъ того многія сотни носили одно название, В. К. Ярославъ, сынъ Владіміра I., вырылъ изъ могилы кости дядей своихъ—язычниковъ: Олега и Ярополка, крестилъ ихъ и положилъ

въ кіевской церкви Св. Богородицы. — Мы съ греками остались при древнемъ обыкновеніи, а католики, въ концѣ VIII в., установили обливательное крещеніе, чтобы младенцы не простудились отъ погруженія ихъ въ холодную воду. —

Обрядъ совершения таинства крещенія, заимствовано-^{Острече-}
ный нами отъ грековъ, отправляется нынѣ какъ и
прежде. Священикъ читаетъ заклинательная молит-
вы. За тѣмъ слѣдуетъ отреченіе крещаемаго, или въ
случаѣ его малолѣтства, его восприемниковъ, отъ сата-
ны. — При чёмъ они говорятъ: *отрицаюся, дуотъ и плю-
ютъ три раза, обратясь назадъ; а посль, обратясь на во-
стокъ, увѣряютъ въ сочетаніи со Христомъ и читаютъ
символъ вѣры. Потомъ іерей, помазавъ елеемъ, трижды-
погружаетъ крещаемаго въ тепловатую, какъ бы
лѣтнюю воду, произнося: крещается рабъ Божій (имя):
во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Св. Духа, аминь;
ныне и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.— надѣваетъ на
крещеннаго бѣлую одежду и крестъ.*

Ношеніе крестовъ на шею, есть обыкновеніе самое
древнєе. О немъ говорится даже въ церковномъ на-
шемъ уставѣ.—У насъ оно извѣстно еще со временъ
Владимира I. Современникъ его, новгородскій епис-
копъ Іоакимъ, крестя Новгородцевъ, велѣлъ возлагать
на нихъ кресты, для отличія отъ некрещеныхъ, что
безъ сомнѣнія соблюдали и другіе епископы.

При одѣваніи крещаемаго въ бѣлую одежду, поет-
ся тропарь: *ригу миъ подаждь свѣту, одѣйся сель-
томъ яко ризою, многолюстиве Христите Боже нашъ.
Посль крещенія слѣдуетъ миропомазаніе, при про-
несеніи словъ: печать дара Духа Святаго. — Миромъ
помазуется чело, очи, ноздри, уста, уши, грудь, руки
и подошвы ногъ.*

Посль священикъ, обошедшъ съ крещаемымъ и его <sup>Постри-
женіе.</sup>

восприемниками, трижды вокруг купели; прочитав Евангелие и омыв члены тела, помазанные миромъ, остригает волосы крестообразно, при чтении молитвы; залѣпивъ ихъ въ воскъ, отдастъ восприемнику, а восприемникъ потомъ бросаетъ ихъ въ купель, изъ которой выливаютъ воду въ непониравшее ногами мѣсто. (*) Такое выливаніе воды изъ купели, бросаніе въ нее воска и надѣваніе креста на младенца освящены, если не церковныи постановленіемъ, то древнѣйшимъ и очень общимъ у насъ обычайоніемъ. Прежде вмѣняли себѣ въ обязанность, чтобы младенцевъ для крещенія, приносить въ церковь, гдѣ и крестили крещеніемъ погружательнымъ. Въ Малороссіи младенецъ не погружается въ воду; его обливаютъ, и сей обрядъ позаимствованъ отъ католиковъ, въ то время, когда она находилась подъпольскимъ владычествомъ. Приошеніе младенца въ церковь, въ употреблениі еще по городамъ, большую частію между простымъ сословіемъ, и тѣми, которые придерживаются древнихъ церковныхъ узаконеній; но между богатыми и дворянствомъ, оно измѣнилось—кращаютъ дома. (**)

(*) Когда восприемникъ бросаетъ въ воду волоса, которые залѣплены воскомъ, тогда легковѣрные замѣчаютъ: потонулъ ли воскъ, или онъ плаваетъ? Въ первомъ случаѣ младенецъ не живецъ этого свата, а во второмъ дѣло жить ему.

(**) Леклеркъ написалъ въ своей исторіи, по предмету крещенія, между прочимъ то, что будто бы девчачьи носить впереди образъ св. Иоанна Крест., а священникъ кладетъ соль въ уста младенцу, а къ его грудному кресту, образъ того святаго, коего имя наречено крещаемому; потомъ, по совершенніи крещенія будто бы цѣлауетъ младенца и восприемниковъ, и пр. См. Болтина принѣчанія т. 1. с. 177—184. Подобныя невѣрныя сказанія разсѣяны во многихъ иностранныхъ сочиненіяхъ, наприм.:

При крещении младенца, восприемница снабжает его рубашечкою и головнымъ уборомъ, а восприемникъ крестомъ; каждой изъ нихъ дарить родильнице и дитя, добровольныи подаркомъ, называемымъ наズубокъ, какъ то: матерію, девъгами, кто чёмъ можетъ. Въ другихъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, восприемникъ и восприемница снабжаютъ младенца, спустя нѣсколько дней послѣ крещенія, прыличными вещами: восприемникъ крестомъ а восприемница кисіею, или другой матерію, выбойкою, холстомъ и надѣваются на него рубашку, — и это называется тамъ ризками. Послѣ бываетъ обѣдъ, или пиръ для всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, приходившихъ съ поздравленіемъ. —

Родители крещаемаго, не присутствуютъ при крещеніи своего дитяти. По совершенніи крещенія, священникъ поручаетъ крестнымъ родителямъ заботиться о наставлениіи крестника или крестницы, въ православной вѣрѣ, и во всемъ, что нужно христіанину. —

При вступленіи въ нашу вѣру изъ нехристіанскаго вѣроисповѣданія, напримѣръ: магометанскаго, совершается непремѣнно крещеніе и бываютъ такъ

De relig. Russor. et ritib. ed. 1581 г : Philips: The Russian Cathechism; бар. Герберш. Rer. Moskov. сош.. ed. 1551 г. Antv., подъ статью Baptismus; Le Brun: Voy. par la Moskovie en Perse et aux indes orientales т. I. с. 57.,—онъ написалъ основательные другія. Олеар. Offt bedeht. Beschr. d. Neuen Orient. Reise, с. 181. ed. 1647 г.—Олеар. весьма ошибочно описалъ крещеніе, хотя два раза былъ въ Москве. На с. 183 онъ говорить между прочими, что люди иного вѣроисповѣданія, принимающіе русскую вѣру, окунываются зимою въ прорубь, три раза, и темъ совершаютъ крещеніе; что нѣкоторые испрашиваютъ отъ патріарха дозволеніе, за 8 дн. до Р. Х., чтобы бѣгать по улицамъ съ огнемъ, и потомъ жгутъ бороды ветрачныи. и т. п. нелѣпости.

же воспріемниши. При чомъ крещаемый, будучи уже въ возрастѣ, самъ читаетъ символъ вѣры, наставленный прежде въ догматѣ нашего вѣроисповѣданія, а священникъ спрашиваетъ его: «отрицаешши ли си скверныя и богоопротивныя вѣры турецкія, и богохульнаго учителя ихъ Мегмета и его всѣхъ пріемниковъ, и всего хульнаго ученія ихъ; и проклинашши ли ихъ и плюешши ли на мя?» На что онъ отвѣчаетъ: «отрицаюся, проклинаю я, и плюю на мя»; но его не заставляютъ проклинать своихъ родителей. — Въ двѣнадцатомъ столѣтіи духовенство наше затруднялось, какъ присоединять тѣхъ, которые переходятъ изъ другой вѣры въ нашу, и тѣхъ, кои приносятся къ чародѣямъ? — Новгородскій епископъ Ниѳонтъ, на вопрошеніе черноризца Кирика, отвѣчалъ: если дѣти приносятся на молитву къ варягскому іерею, то на таковыхъ налагать шесть недѣль эпитеты, а три, если приносящіе сдѣлали это по молодости и неопытности. — (*) Если епископъ или пресвитеръ, вновь крестилъ имѣющаго истинное крещеніе или не хотѣлъ крестить оскверненнаго отъ нечестивыхъ, тотъ извергался, какъ не различающій священниковъ отъ лжесвященниковъ и какъ посмѣвающійся кресту и смерти Господней. Присоединявшихся къ православію, какъ то: Ариянъ, Македоніянъ, Савватіанъ, Наватіанъ, Тетрадитовъ и Аполинаристовъ, принимали, какъ видно изъ правилъ втораго вселенскаго собора, помазуя только св. муромъ. Евноміанъ же единократнымъ погруженіемъ крещающихъся, а равно Монтанистовъ и Савелліанъ, держащихся

(*) Вопрошеніе Кириково, и Кар. И. Г. Р. т. 2. пр. 380.—Ниѳонтъ скончался 1156. г. апр. 21. Онъ находился въ тесной связи съ Святославомъ Ольговичемъ, кн. Новгород.-свирскимъ; о дружбѣ его см. Киев. лѣт. и Кар. т. 2. пр. 380.

мнѣніи: «съностическій и всѣхъ прочихъ еретиковъ принимали въ православіе, какъ язычниковъ. (*)».

Въ первобытной церкви постригасы были волосы у священниковъ и новопрестольныхъ, съ чтенiemъ молитвъ, въ присутствіи восприемниковъ. Волосы острягающие, отдавалъ священникъ восприемнику, которой обливали ихъ воскомъ, напечатлѣвай на немъ образъ Спасителя и храниль ихъ какъ превращенные Богу. По мнѣнию другихъ, священникъ оставлялъ ихъ у себя, и храниль въ священномъ мѣстѣ. Въ память постриженія волосъ, праздновали ежегодно день постриженія, какъ мы празднуемъ именныи. —

Междѣ нашими предками язычниками, и по воспріятію ими христіянской вѣры, существовалъ обрядъ постриженія и сажанія на коней, долгое время. Изъ нашихъ лѣтописей известно, что обрядъ этотъ совершался торжественно. Дѣти В. К. Всесомолода владимирскаго: Георгія, Ярослава и Владимира, постригали въ второмъ и четвертомъ году возраста и сажали на коней, въ присутствіи епископа, бояръ и гражданъ. Великий Князь давалъ тогда раскошные пиры, угощалъ князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотыми и серебряными сосудами, а бояръ лошадьми, тканами и мяѣами (**). Это обыкновеніе соблюдалось не только въ Россіи, но и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Лешко, почитаемый поляками за первого князя, былъ постриженъ еще младен-

(*) Св. Апостоловъ правила; правило 47 и втораго вселенскаго собор. прѣв. 7..

(**) Георгій род. 1189 г., а постриженъ въ 1192 г.; Ярославъ род. 1190 г. феа. 8., постриженъ въ 1194 г.; Владимиръ род. 1194 окт. 25, постриж. 1196 г., см. Суальск. лѣтопись.

цами, други странниками, которые прописывали его потомъ Семиникомъ. При постригахъ находились военприсяжники, между которыми было уже духовное свидетельство^(*). Конечно, скотъ образъ древний. У римлянъ постригали юношей, при поступлении ихъ въ гражданское состояніе. Сынъ В. К. Іоакина ИІ, Георгій, по достиженіи сего-дѣтскаго возраста (1487 г.) бывъ посаженъ на сѣдло и потомъ постриженъ; при чёмъ были военприсяжниками значимые люди. Дѣти Государя Алексѣя Михайловича: Симеонъ и Алексѣй, были переданы на семилѣтній возрастъ изъ женскихъ руку въ мужскія, — въ ознаменованіяхъ свободы. Татищевъ, живш. въ XVII ст., пишетъ, что въ его время знатные люди держались этого обыкновенія, и что младенцы передавались тогда изъ рукъ женскихъ въ мужскія. Кроме гражданскаго есть и церковное постриженіе, которое сопровождается молитвою: «законы давай намъ все въ славу Твою, твориши, пришедшаго раба Твоего начатокъ сеть бриллианты власи главы своеи, благослови вкушь ево восприемникомъ» и пр. Крестный отецъ проводилъ духовного сына въ церковь, гдѣ священники читали надъ нимъ упомянутую молитву. — (**) Пётръ I. по достиженіи семилѣтняго возраста дочерей его: Елизаветы и Екатерины, подрѣзали у нихъ пахать, вынужденносвованіе, быть можетъ, переходѣ ихъ изъ младенчества. —

(*) Soror adoptiva. Это выражение казалось бы правильнѣе перевѣстъ: *усовѣнная сестра*.

(**) Кар. И. Г. Р. т. 3. с. 134, 135, прим. 143, 145; польскіе хроніки: Мартинъ, Галлуцъ и Кадиубекъ: Hist. Polon. — Болціанъ: Прамъ: на исторію Лемберга т. 2. с. 490; Татищевъ: Истор. Рос. та. 3. примѣръ 553.

Въ «Нѣшѣтъ о пограничніи, прѣдѣзжаніи и тѣхъ, кѣ
въ времѧ Ери, изведеніи рѣкъ вмѣши въ земли съюзни
съ нами королевыши» (1).

(1). Этому съѣзду мокнатъ земли съюзнице граводѣльскаго коза-
фада Сигизмунда III, наименуя на имп. Павла Манифестъ, до-
веденаго до достоинства възвѣшаго генерала: «Маг. Жигмондъ
третій, Божію милостію король польскій, въ к. литовскій,
руссій, прусскій, мазовецкій, жемонскій, инфлянцкій и
шведскій, готскій, вандальскій, величній король». Означенну
мощь имѣющій! наименуя всиѣ «богаты и замѣдомъ» способно-
куму то възять възможнѣсть иже польскаго великаго Накиа Мини-
декаго, възвѣшаго генералу, въздѣстствію: київскаго, волынска-
го и браславскаго чыпимо и постановленію, дающи ему, монѣ-
и вѣлзу вуполную, вси и всякие справы урядовы его належа-
щіе въ всыхъ поминенныхъ воеводствахъ чынити и отира-
вовать, такы однакобы персы «брнѣягутъ» землѣ землі, «но
другъ права въ статутѣ описанети передъ урядомъ начин-
нѣть выконать и отъ него въ другъ правѣ и отвѣтю, бывшъ
пострижениа, што всимъ и какимъ засобро, кому, до вѣдти
належить, звасча урадомъ земскимъ и гражданскимъ ведомо-
меты хочемо, расказуючи, абы вышепомененаго възвѣшаго за
справедливаго генерала мели и знали для заски «нашое». На
что, дѣлъ неслѣдови до чѣту нашого иечитъ корону
предѣжныи расказали. Кто симѣсть ни Варшава, ли въ девадаша
четвертаго числа, съѣздиа, року, тридцаць шестъ, двадцатъ
девятаго, пановальдъ вролевствъ нашихъ польскаго чытъредесятъ
втораго а шведскаго тридцать шостого. Внизу приложен-
на государственная печать, съ подписью съ лѣвой стороны:
Jac. Zadzik, epüs culm. et pom. cancellar., а съ правой:
зѣ приложениемъ възвѣшаго въ Бонѣ его малютъ шестидесятъ Чакуба
Зедника, бискуша київскаго и поморянскаго, канцлеръ вси-
кого, коронного. На оборотѣ: anno 1629. junij przijazdъ usadu, въ
przisiege wykonał. navrzescie swoj i postrzijony. Stefan Aks-
ak., siedza zemski kijowskij. – Эта граммата хранится въ го-
родскомъ львовскомъ архивѣ, и въ бытность мою во Львовѣ
(въ Галиції), она списана мною въ 1914 г. по бывшей

Время Крещения избирается по произволу. Если дитя было слабое или ему угрожалась скорая смерть, то немедленно его крещивали. Избрание крестильщика зависело от воли каждого. Царских детей крестили обыкновенно: митрополиты и патриархи, восприемниками бывали старшие иноческие троицко-сергиеvского монастыря, а восприемницами сестры Царевиць, или родственницы Государя и Государыни. По крещении давали обедь духовенству и другим чинамъ, послѣ обеда высшее духовное сословие благословляло новорожденного образами, сановники подносили ему подарки, которые давать ограничилъ Государь; отъ прочихъ принимали ближайше люди Цара; потомъ пили изъ за здоровыхъ кубковъ и расходились по домамъ. Для стрѣльцевъ и другихъ чиновъ, выкачивали на средину царскаго дворца бочки съ водкою; въ каждой бочкѣ было до 200 ведеръ пива, а меду въ семь разъ болѣе. Всякоому дозволялось пить сколько лому хотѣлось, только запрещалось носить домой ()*

Крестильщики и звончие церковной бани. Въ одинадцатомъ столѣтіи устроены были при церквяхъ, по древнему обряду, особья крестильницы, чтобы крецдали дѣтей въ церкви. Киевский митрополит Ефремъ, первый повелѣлъ ихъ строить (1090 г.) при церквяхъ, въ великомъ изяществѣ. Усевомода (въ ХІ в.) Тогда появился у насъ банный строенія, съ каменнойю вокругъ церкви оградою, — чего прежде не было, говорить Несторъ. Въ нихъ ставили купель для взрослыхъ людей. —

Слово бания употреблено въ новомъ значѣніи, въ смыслѣ крещенія. Христосъ возлюбилъ церковь; и себѣ предадѣвъ за нея: да освятитъ ю, очиститъ блескою, или

(*) Коших, о Рос. въ царств. Алексея Михайловича.

богато пахи бионія. (') Самъ Несторъ говоритьъ о Храмѣ стѣ: баго и нетънія дарова и проч. --- (**) Нѣсторъ же думали, что Ефремъ строилъ торговыя башни; а другіе стами утверждать, что онъ первыи началъ строить церкви съ главами; потому что въ Малороссіи доселе куполь церковный называется баштою. Слово башта (башня), чисто польское и значить куполь, или зданіе съ круглою кровлею. — Крестильницы при древнихъ церквяхъ христіанскихъ, наприм. при Софійской въ Константиноволѣ, назывались баптистиріонъ, въ коихъ крещали правовѣрныхъ. (***)

Въ древней Греції знатныи особы, праѣская по-
здравлять роженицу съ благополучніемъ разрѣшивши
етъ бремени, скрыто клади подъ ея подушку нѣсколько
ко золотыхъ денегъ. Этотъ обычай, употреблявшися
етъ поселенца до вѣльмѣн, вскоревшися въ язычес-
комъ Римѣ, отъ него онъ перешелъ къ евреямъ.
Должно думать, что это обыкновеніе поимѣствовано
греками отъ евреевъ. У римлянъ подобные подарки
назывались родильными (****). Такъ они называются и
нынѣ повсюду. У насъ, какъ скоро родить мать, из-
вѣщаютъ о томъ родственникъ и хорошикъ знакомыи
хъ. Прежде было въ обычай, что послѣ изѣщенія
носили родильницѣ подарки, состоявшіе изъ матерій,
нелотва и т. п. — Нынѣ ведется обычай, лишь въ
простонародіи, что соседы и родные, извѣщаю родиль-

('). Посл. къ Евсевію, начало 130, посл. къ Тимоф. гл. III. с. 5.

(**) Никонов. лѣт. гл. II. с. 8.

(***) Aedes iuxta aeclesiam, in qua baptizantur fideles.; — Несторъ, по Ченгеб., сп. с. 130.; Словарь Дюканжа, подъ сл. баптистиріонъ с. 174; Кар. И. Г. Р. т. 2. пр. 160.

(****) Dona natalitia.

иши, приводить ей парфюм, какое любитъ сама въ
царствѣ. Въ Малороссіи на здѣсь вѣдь претѣшь день
по рождению младенца, родители несутъ вѣнцы бабушкѣ
роломы и гранатами: это захоронь и узваримъ^(*),
съ извѣщеніемъ о новорожденномъ младенце изъ при-
глазеніи ильинѣ крестинѣ. Другіе посыпываютъ имѣю-
щую, бутылки съ винограднымъ виномъ и праніемъ
Нрицъ: такою приправленіемъ выходитъ изъ обычай въ
Люблинскомъ соборѣ, родаконно продолжается и еще
между простодушными и нупечествомъ и престолахъ
уже ничего не кладутъ на зубокъ.

Ношение
зелени
и кончи-
ка и ро-
ждено-
въ соро-
чкѣ.

Всѣ языческіе народы, въ самой глубокой древно-
сти, носятъ на шея особые мѣщечки, называемые
амулетами. Въ мѣщечкахъ хранятся камни съ узан-
ственными словами и надписями, а также стихии: грав-
ятъ и волшебные земли, скимъ пропытывающи удивитель-
нымъ дѣйствіемъ. Все это строго защищалось, не только христіанскими церковью, но даже языческими царями. Не смотря на это, ношение ладанки воины оставили
съ земли вѣрованиемъ.

Столпавомъ строго запрещалось возлагать на престолы
коронки, въ корыть родители младенца^(**). Издревле вѣн-
дитъ между сувѣрными обычаями, что на гомъ
шнуркѣ на коамъ носить крестъ, они превѣщаютъ
ладанку или «кошонку». Ладанка тоже сама, что мен-
шака, есть защитой мѣщекъ (съ ладаномъ), которой
носить во всю жизнь, думая что ни колдовство, ни
уроки не пристанутъ къ такому человѣку.—Кто родил-
ся въ сорочкѣ, тотъ хранилъ ее въ мѣщечкѣ, защи-

(*) Приготовленіемъ даѣ сущеныхъ, яблокъ, грушъ, сливъ, вышень и изюму.

(**) Столпавъ 1551 г. гл. 5. 12. 39. и 43.

тень съ ладонеи, а ее подать до смироини, луна
мая что повсюду будеть возврождать его! счастіе
Обыкновенная шерстяника родила съ корочкою озан
часть у простонародію счастливца. (*) Другое хранить
серошку въ таинственныхъ мѣстахъ, и неминуемое тому
несчастіе, если она проидетъ. —

При языческомъ и необразованномъ состояніи модей,
давались имена по природнымъ свойствамъ, состоянію
и качествамъ родителей, случайнымъ фестрѣямъ люби-
мыми вещамъ, предметамъ, стихіямъ и животнымъ. Ко-
ниша, кощечка, голубочка, удалець, бѣжочки, золотой;
алмазной, мѣшочекъ, красавецъ, красуза, незабудочки;
медвѣдіцы, медовой, роза, синецъ, васильчикъ, руче-
екъ, стрекоза, головачъ, воробушка, кроликъ, зайка и
проч. Отъ сихъ именъ произошли фамилии, или прѣ-
звания. На всікомъ языке находятся фамилии, которая
въ переводе довольно забавныя. Славяне, какъ въ
всѣ древніе народы, заимствовали имена отъ какаго-
либо событий или значеній, наприм: Болерланъ (былъ
пакъ славы), Владиславъ (владыка славы), Мстиславъ
(мститель славы), Подражаланъ (подражатель славы);
Сбыславъ (совершитель славы), Святославъ (слава свя-
того), Твердиславъ (твердой въ славѣ), Ярославъ (рыцар-
кій къ славѣ), Изѧславъ, Буревой, Гостомыслъ, Вѣн-
чеславъ, Вячеславъ, Остромыслъ, Добрый; Пречисты
Путата и т. п., изъ женскихъ: Богомила, Милонѣшка,
Людмила, Любушка, Красомила, Красиня, Ершени
слава, Горыня, Добродума, Горислава и проч. Во врем-
я господства Баряго-Руссовъ въ Новгородѣ, во-
ими чѣ употребленіе варижскія имена: Ририкъ, Олегъ,
Игорь, Улебъ, которое безъ сомнѣнія превращено въ

(*) Сорочка значитъ плева, которая покрываетъ младенца.

появление има Глѣбъ.—Оскольдъ, Диръ, Свенельдъ, и проч. По принятіи христіянской вѣры, усвоены имена греческія и римскія, бывъ переведены на нашъ языкъ. Вѣра (fides), Любовь (charitas), Надежда (spes), переведены только съ латынскаго. Софія, Екатерина, Александръ, Константінъ, Алексѣй, Василій, одинимъ словомъ почти всѣ имена, употребляемыя нынѣ нами, взяты съ греческаго языка. Въ древнія времена называли при рожденіи именемъ того святого, которой приходился въ осмой день по рожденіи младенца. Наші предки имѣли еще по два имени, напр. Влади- міръ, во святое крещеніи Василій; Ярославъ, во св. крещ. Дмитрій, Ольга во св. крещ. Елена и проч. Такое обыкновеніе продолжалось до XIV ст., однако въ XI в. встречаются уже одноименные. — Примѣрь тому В. К. Юрій Долгорукій. Сверхъ того было въ обыкновеніи, что предъ смертю принимали имя ским-ническое, — и это велось долго, даже между великокняжескими родами, до полов. XVII. в. Теперь находимъ одни случаи, — между больными, дающими обѣты, что если выздоровѣютъ, то они оставятъ міръ и посвятить всю свою жизнь на служеніе Богу, и потому принимаютъ монашеское имя. Изъ употребительней- шихъ именъ у насъ было и есть Иванъ, почему некоторые стали называть этимъ именемъ, все наше го- сударство. Простой народъ въ Болгаріи, доселѣ назы- ваетъ всѣхъ русскихъ Иванами. Греки же тамъ живу- щие, имѣютъ Россію Ивановщиною, (Івановидес) (*).

Нѣкоторые послѣ рожденія младенца, высылаютъ кого либо изъ домашнихъ на улицу, чтобы спросить

(*) Априловъ: Денница ново-болгарскаго образованія, с. 139—140.

имя ветръчнаго, да даютъ то имя наворожденому; другіе даже приглажаютъ ветръчнаго въ кумовья, думая, что родившійся будетъ жить долго. Иные, кромъ данного имени при рождении, даютъ другое при крещеніи, бывъ уѣрены, что это оградитъ новорожденаго отъ всякихъ напастей въ жизни.

Въ глубокой древности праздновали дни рождения, не только смертныкъ, но боговъ и богинь: Юпитера, Юноны, Венеры, Амура, Аполлона, Дианы, Минервы и пр. Имъ приносили жертвы во храмъ, и весь народъ стекался сюда праздновать, предаваясь всякому роду веселію, играмъ и пляскамъ. Въ дни рождения государей, молились во храмахъ имъ преданные и ихъ родственники. Римскіе императоры, для напоминанія народу о ихъ рожденіи, угощали его нѣсколько дней сряду. Тоже дѣлалось ими при вступлении на престоль. Дни рождения знаменитыхъ и всѣхъ сословій людей, праздновались въ кругу друзей и семейства. Тогда, какъ и теперь, каждой наряжался, въ день своего рожденія, въ лучшее платье; принималъ подарки отъ своихъ домашнихъ, друзей и знакомыхъ. Генію покровителю, приносили въ жертву вино, симамъ и животныхъ; женской полѣ дѣлали тоже, а девушки украшали вѣнками жертвеникъ Юноны.—Послѣ благодарственнаго возліянія богамъ, склонились знакомые на пирщества; за стволъ пѣди вино за здоровье, желали другъ другу долголѣтія, и чтобы впредь всѣмъ имъ дожити до радостнаго дня и вновь праздновать. У грековъ и римлянъ праздновали еще дни основанія городовъ, особенно Рима и Константиноополя. Всѣ жители города собирались въ богатыхъ одеждахъ во храмъ, молились Богу за сохраненіе города и обѣ устраниеніи отъ него всякихъ бѣдствій. Воины и государи, велиможи и граждане, богатые и бѣдные;

Празднованіе
дней рожде-
ния.

всѣ единодушно веселились, радовались и пили за блаженство города. Богатре угощанье и прашество; про должалось въ весь день. Не было никого, чтобы не принималъ участія въ этомъ торжественному днѣ. Нынѣ празднують основація городовъ, во прошествіи каждаго столѣтія.

Именины и дни ангела. У части такъ же, съ самими древниками времень, предновали днѣ рожденій, которыи назывался именинами, а нынѣ днѣмъ ангела. Именинны проносили отъ даванія имени въ день крещенія, а днѣмъ ангела, отъ имени того святого, коимъ наименовывали иосль рожденія, или во время крещенія. Но между днѣмъ рожденій и днѣмъ ангела, есть разница: первое означаетъ время преднованія рожденія, а второе имя покровителя того святого, которовъ кто принялъ при крещеніи, посему иные отдельно совершаютъ празднество; какъ то: въ днѣ ангела и день рожденія, соединяющаго собственно именины. Въ обоихъ днѣнняхъ служили мозебны: описпосланіи здоровья виновину правдивости; одѣвались въ богатыя одежды и фадилы или ходили по здравлять именинника, которыи привозашарь искри на ворогъ, — это значило на пиръ. Въ К. Святополкѣ, кубыдательно просилъ кн. Василья, проходившаго Кіевъ съ своимъ войскомъ, чтобы онъ остался въ Кіевѣ праздновать съ нимъ его именины, названные во свидѣмъ крещенію Михаиломъ.

Въ старину псылали почетными людьми именины пирогъ, и это строго соблюдалось не только въ прошломъ народіи, но между Государями. Царь Алексѣй Михаиловичъ, самъ проходиша съ ворогомъ къ патріарху Иоанну (1674 г.). Въ тотъ же день онъ давалъ обѣда, всему духовенству и сказавшамъ: Предъ обѣдемъ Царь раздавалъ именинныя пироги, — всѣмъ пестры. Тарелки чисты, блюда дешевые: въ два и три края;

такимъ яко и четверть. Служеникъ, дьяконъ и стряпчіецъ, также упашки; въ тюрмы и богоадѣльныи посылали милостынью. За обѣдъ патріархъ говорилъ заиздравную рѣчь, и первой провозглашалъ завѣданной чашею за здоровье Царя; въ эту нашу передавалъ потомъ Царю; отъ него она переходила къ митрополитамъ и боярамъ. Послѣ пяты за здоровье, яко расходились. Такъ правдивались имянини всего Царскаго Дома. Въ городахъ праздновали вдоть день сваѧтыи и митрополиты; они дѣланы отомъ для всѣхъ людей, и не сѣй обѣдъ пили за здоровье. — Въ шатогъ: день никогда не работали, въ лавкахъ никто не торговалъ, не играли свадьбы и не хоронили, (*).

Имянини Царственнаго Дома, называются *тезоименитство* (**). — Въ торжественные дни Императоръ, Императрицы, Цесаревича и Цесаревны, закрывалася лавки и никто не работаетъ. Народъ отекается во храмъ, и молится Богу о продолженіи дней Царствующему Дому. Благодарственные молебны, отправляются повсюду. Митрополитъ отправляетъ при дворѣ молебствія, въ присутствії Вѣнценосцевъ и всего Императорскаго Дома, многодисленнаго собранія государственныхъ людей, министреvъ, посланикъ, адвокатического корпуса, и генералитета. Чучечные выстrelы изъ Петроцарловской крѣпости, воевѣаются жителями; о радостномъ провозглашены *многолѣтія* Духовенства и всѣ тутъ находящіеся, приносятъ по-

(*) Арев. росс. вѣм. ч. VI, с. 313; Кошихинъ: о Росс. вѣцарствѣ. Алекс. Михаил. с. 14-15.

(**) Это слово происходитъ отъ греческаго *τελος*, обожаніе, почитаніе, и *именитство*, знаменитый, важный; по сему тезоименитство означаетъ праздникъ зваменитаго, достойнаго обожанія человѣка.

тому поздравление виновнику торжественного праздника. Во дворцѣ бываетъ обѣденный столъ. Въ четверу дается балъ и маскарадъ.

Именинникъ знакомые и родственники, посыпаютъ имениннику подарки, или пирогъ; въ другихъ мѣстахъ самъ именинникъ разсыпаетъ по своимъ родственникамъ, смири и крендели; но это больше тамъ въ употреблении, куда не проникла еще роскошь и иностранные нравы. На обѣдъ приглашаются всѣ родные и пріятели. Въ началѣ обѣда берутъ со стола большой, нарочно сдѣланной съ кашею и яйцами пирогъ, и разламливаютъ его надъ головою именинника, чтобы во весь будущій годъ, быть ему здорову и щастливу, и чѣмъ болѣе разсыпется по немъ каши, тѣмъ болѣе онъ будетъ жить. Если во время веселія бьется посуда, рюмки, стаканы и проч., то означаетъ благополучіе. Когда же ничего не разбивается, то нарочно бьютъ. Между дворянствомъ много измѣнилось празднованіе именинъ. Въ день именинъ наряжаются, какъ можно щеголеватѣ, особенно дѣвицы, которая ничего не падаютъ, чтобы блеснуть изящностью, пышнотою и роскошью убора. — Изысканность у нихъ простирается до самыхъ мелочей. Онѣ одѣваются преимущественно въ бѣлые платья, цветъ невинности, съ розовымъ платочкомъ на шеѣ и букетомъ цветовъ на головѣ. — Волоса убираются по фантазіи каждой. Послѣ туалета отираются въ церковь молиться Богу; по отслушаніи обѣдни, служить благодарственный молебень: о сохраненіи ихъ здоровья и ниспосланіи на нихъ благословенія. Около полудни принимаютъ посѣщенія, состоящія въ поздравленіи со днемъ рождения или именинъ. Иные приглашаютъ гостей къ обѣду или на вечеръ, которой сопровождается танцами. За обѣденнымъ или вечернимъ столомъ, провозглашаютъ тосты за здоровье

празднумаго или празднуемой. Во время обѣда подаютъ, и проѣде ясикъ, мушаневъ, кулебяку, называемую имѧниною; она бываетъ иногда длинною сколько аршинъ, и отлично приготовлена. — Между родственными и аристократическими домами, дарятъ имѧнина или имѧниною пину да прошвейзу. Юные праты подносятъ сахарные стацики, въ коихъ расписываютъ съ жаромъ: красоту и прелесть, — если это имѧниница; желаящъ ей счастія, намекая, что никто столько не желаетъ ей неземнаго блаженства, какъ воодушевленный ея стихотворецъ.

Празднованіе имѧнина, такъ сдѣлалось повсемѣстнымъ, что даже не только между купеческимъ сословіемъ; но и между нижними чинами оно совершается съ особой роскошью. Для этого дня никакихъ не жалѣютъ издержекъ, и чѣмъ болѣе гостей, даже незванныхъ, тѣмъ болѣе чести имѧниинику. Кто живалъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, что порядочный сколько нибудь человѣкъ, угощаетъ кулебякою и обѣдомъ, випоградными винами и шампанскимъ. Для него было бы обидно, еслибы гости разошлись не веселыми, надобно чтобы всѣ помнили его праздникъ, и потому рѣдкіе возвращаются домой пѣшкомъ.

Въ дальнихъ городахъ и деревняхъ, имѧнины празднуютъ просто: къ обѣду собираются гости, и заключаютъ вечеръ разгульной веселостію. У помѣщицковъ гости пирують вѣсколько дней сряду. Пирогъ занимаетъ первое мѣсто. Изобильной и тучной обѣдъ, услаждаетъ вкусъ пирующихъ: водки, настойки и наливки, текутъ рѣкой. — Между простымъ народомъ угощеніе зависить отъ состоянія. Но и тутъ, какъ и вездѣ въ это время, подчиваются радушно и веселятся непринужденно. Пирогъ непремѣнно бываетъ у каждого, — иначе не имѧнины.

Имадены: соединяется сюда съ восторгомъ и съ
правдесквъ, которое никогда не занимается между
небожителями, не отсаживъ напередъ благодарственное
молебни. Весь день проходитъ вообще въ забавахъ;
и прахъ, пылкая и пышная радостныхъ юношъ Русской
празднуетъ днъ своего рожденія, — съ непрѣдельными
чувствами веселости и хлѣбосольства. Тогда у него :
не красна изба улица; а красна парогажи.

III. ПОХОРОНЫ.

Сожиганіе мертвыхъ тѣлъ. — Погребеніе. — Сожиганіе у Славянъ. — Насыпные бугры и курганы. — Посмертный обрядъ у язычниковъ и евреевъ.—Погребеніе нашихъ предковъ. — Нынѣшнее погребеніе. — Погребеніе малороссійское. — Особые обряды, совершаемые надъ покойникомъ. — Гробы мраморные. — Мѣста для погребенія и появленіе кладбищъ. — Кресты. — Надгробныя надписи. — Голосить по умершемъ. — Погребеніе особъ Царственнаго дома и черное платье, или трауръ. Воспоминанія о кончинѣ добрыхъ Гоевударей и мѣста ихъ погребенія. — Принятіе схимы предъ смертію. — Мѣста погребенія велиокняжескаго и Царскаго дома. — Звонъ по умершемъ.

III.

ПОХОРОНЫ.

На востокѣ съ незапамятныхъ временъ, сожигали тѣла мертвыхъ. — Такое обыкновеніе существовало долгое время въ древней Европѣ, почти до Р. Х. (*).

Въ Индіи, во многихъ идолопоклонническихъ племенахъ южно-западной Азіи, западной Индіи (въ Америкѣ), на островахъ Океаніи и во внутренности Африки, донынѣ сожигаютъ покойниковъ. — Надъ ихъ трупами сначала пирюютъ, потомъ тѣла предаютъ египту, а въ заключеніе совершаютъ плясни, радуясь кончанію, потому что со смертю пресеклись для нихъ всѣ бѣдствія и горести въ здѣшнемъ мірѣ. — Сожиганіе промстѣло изъ поклоненія огню, чрезъ которой буд-

(*) Ахиллесъ, предъ сожженiemъ друга своего Патрокла, обрѣзъ русые свои кудри, и далъ ему въ руки. — Гомера, пѣс. XVIII, ст. 141. и 152. изд. 1839 г. Тамимъ образомъ сожгли Гектора; тамъ же, пѣс. XXIV. ст. 790—800.

тобы душа проходитъ въ рай, какъ черезъ чистилище. Геродотъ, греческій историкъ полов. V. в. до Р. Х.. пишетъ, что еще въ его время народы Фракіи, сожигали умершихъ. Тамъ, при рожденіи младенца собирались пріятели, садились вокругъ него, печалились о его появлениі на свѣтѣ, и разговаривали между собою только о томъ, что еще родился человѣкъ для сѣтованія, горести и несчастія. Когда же онъ умиралъ, тогда веселились, обнаруживая этимъ, что онъ уже избавился отъ всѣхъ напастей. Послѣ смерти мужа, его жены спорили между собою, кому изъ нихъ быть сожженою съ мужемъ?—Каждая изъ нихъ желала быть сожженою, въ доказательство, что она любила его болѣе всѣхъ. Ежели споръ между ними не оканчивался дружелюбно; то знакомые покойника разматривали ихъ требованія, и предоставляемъ честь быть сожженою съ мужемъ той, которую знали, что она точно болѣе всѣхъ была имъ любима. Мужчины и женщины, провожали ее до могилы, и однѣ изъ родственниковъ покойника, закалывали ее ножемъ; потомъ клали ее вмѣстѣ съ мужемъ ва костерь. Пречія жены возвращались домой съ большею печальною, потому что не были удостоены этой части.—Тѣла богатыхъ и знатныхъ, выставляли предъ народомъ и пировали три дни.—Игры, борьба и битвы, заключали поминовеніе по умершемъ.

Исторія просвѣщенныхъ грековъ и римлянъ, свидѣтельствуетъ вамъ, что у нихъ долгое время господствовало обыкновеніе сожигать тѣла, не только простыхъ гражданъ; но и великихъ людей. На мѣстѣ сожженія ставили памятники, а пепель собирали въ урну и хранили у себя дома, какъ драгоценный сокровищъ. Когда вошло въ обыкновеніе ставить слезницы т. е. урны надъ гробами со слезами, тогда

уже стали предавать тѣла землѣ. Однако въ тоже самое время, многие предпочитали сожжение погребенію. Юлій Цезарь, именемъ коего украшаются императоры и самые величайшіе завоеватели въ мірѣ; Цезарь, падшій подъ 23 ударами кинжаловъ въ сенатѣ (въ 44 г. до Р. Х.), былъ сожженъ торжественно. Народъ бросалъ, на горѣвшій его костеръ: копья, щиты и украшенія. Въ то время появилась на небѣ комета и все думали, что душа Цезаря прината въ сонми баговъ. Его называли божественнымъ, а на мѣстѣ сожженія, воздвигли храмъ Цезарю.—Германцы сожигали съ тѣлами умершихъ: оружіе, коня, посуду, платье, и надъ могилой дѣлали насыпь. По распространенію между ними христіянства, это обыкновеніе мало по малу стало исчезать.

Евреи и египтяне погребали тѣла. У послѣднихъ погребение. бальзамировали еще покойниковъ, и ставили ихъ въ капища.—Этимъ пользовались цари и все богатые, недостаточные лишались таковой почести. Самое бальзамированіе, происшедшее отъ вѣрованія въ переселеніе душъ послѣ смерти, изъ одного животнаго въ другое, служило чистилищемъ.—Съ покореніемъ Египта персидскимъ царемъ Камбизомъ, въ началѣ VI в., и потомъ Александромъ македонскимъ, въ первой полов. IV в. предъ Р. Х., бальзамированіе почти истребилось, и вошло повсемѣстное погребеніе. Были примѣры, что тогда же некоторые, слѣдуя греческому и римскому обыкновенію, сожигали умершихъ.

Изъ мертваго тѣла, пишетъ Геродотъ, вынимали внутренности, перемывали ихъ и потомъ опять влагали въ тѣло, переложивъ кореньями, тиміашомъ, анисомъ и другими съмнами; потомъ обѣльливали тѣло воскомъ, и передавали на погребеніе.—Тутъ обрѣзывали ему уши и волоса, и опускали въ четырехугольную яму; могилу

окружали копьями. Съ покойникомъ клади одну изъ его жень, задавивъ напередъ веревкою; потомъ повара, чашника, дворецкаго, казначея, золотую чашу, верхнюю изъ животныхъ и любимую его лошадь. — Послѣ на брасывали хворость, и насыпали надъ нимъ большой холмъ. По прошествіи года задавливали при его могилѣ 50 вѣриѣшихъ изъ его слугъ, и 50 чайкрасивѣйшихъ лошадей. Изъ нихъ вынимали сначала внутренность, перемывали и опять влагали. — Послѣ продѣвали въ лошадь, отъ головы до ея хвоста, длиной шесть и укрѣпляли ее на двухъ колесахъ, въ висячемъ положеніи. Задавленныхъ людей сажали, съ укрепленнымъ коломъ къ землѣ, верхомъ на лошадей. Этотъ обрядъ совершили надъ одними только царями. — Прочее сословіе довольствовалось тѣмъ обрядомъ, что по вынятіи внутренности, избивали тѣло травами и отдавали на храненіе пріятелямъ, которые передавали потомъ другимъ пріятелямъ, продолжая передачу сорокъ дней, а на конецъ погребали.

Въ первые вѣки христіянства, погребеніе содѣжалось всеобщимъ. Усопшихъ погребали въ церквакъ, и около церквей; ставили кресты на могилахъ; гробы дѣлали болѣе частію деревянные, каменные употребляли взрѣдка. Пышныхъ памятниковъ тогда не знали. Египетскія пирамиды, мавзолеи, саркофаги и другія надгробныя жилища, распространялись по Европѣ вмѣстѣ съ роскошью, не раньше XVII в. по Р. Х. Дотолѣ же это составляло принадлежность только владѣтельныхъ родовъ, и аристократовъ. — Кладбища за городомъ, учредились не раньше того же вѣка, а въ Россіи въ концѣ XVIII в.

Между некоторыми германскими племенами, быда въ обыкновеніи, что умершихъ знаменитыхъ людей, хоронили въ выкопанной въ рѣкѣ могилѣ. Предводи-

тель Готеовъ, Аларикъ, гроза восточной и западной имперіи, долго оплакиваемый вслѣ смерти его подданными, какъ дѣтами, былъ положенъ въ драгоценный гробъ (410 г. по Р. Х.). На днѣ рѣки искали могилу, опустыни туда и затопили водою, чтобы никто изъ смертныхъ не коснулся священныхъ для нихъ останковъ, и чтобы самое отдаленное потомство, вспоминая о его дѣлахъ, не знало могилы). Всѣ рабы, производившіе работу, были умерщвлены, для сохраненія тайны погребенія.

Монгольскія и татарскія племена, такъ же опускали въ воду мертвяя тѣла своихъ полководцевъ и знаменитыхъ мужей. Иные изъ простаго сословія погребались просто, а другіе опускались съ гробами въ воду. Аттила, прозванный бичемъ Божіимъ и молотомъ небеснымъ, помершій (въ 453 г. по Р. Х.) послѣ своей свадьбы, отъ истечения кровью, былъ вложенъ въ три гроба: золотой, серебраной и желѣзный, и опущенъ въ воду. Чингисханъ (умер. въ 1227 г.), погребенъ по его собственному указанію, у байкальского озера, на вершинѣ горы Бурханъ-калдукъ, откуда истекаютъ три рѣки: Тула, Керулакъ и Ононъ.— Тутъ покоятся все наследники престола Чингисхана. Нѣкоторые думаютъ, что страшный Тамерланъ тоже скрытъ въ водѣ, (въ конц. XIV. в.)

Люди не знатного рода и вообще недостаточные, предавались землѣ. У Калмыковъ кочующихъ, досель предпочитается погребенію опусканіе въ воду. Дѣтей ханскихъ кладутъ въ гробы, и наложивъ на нихъ басть, опускаютъ въ воду при торжественномъ чтеніи молитвъ и играни музыки.— Всѣ мореходцы опускаютъ мертвыхъ въ воду, по причинѣ отдаленности отъ твердой земли.

Сохранило у Славянъ Наша предки Славяне сожигали тѣла. Св. Бонифаций, живш. въ половинѣ VIII., говорить съ изумлениемъ. Венеды не хотѣли переживать своихъ мужей: убивали себя собственноручно, бросались на пламенныій костеръ и сожигали себя добровольно съ умершимъ мужемъ. Таковая жена была всѣми похваллена; оставшаяся же вдовою, была похваленіемъ для семейства (*). Несторъ, описывая нравы русскихъ Славянъ, говоритъ между прочимъ, что Радимичи, Вятичи и Северяне, возлагали умершихъ на костеръ и сожигали; потомъ совершали тризну. Кости складывали въ небольшой сосудъ, и ставили на столбъ при распутіи. Этотъ обычай совершали еще съ его времія (въ пол. XI и нач. XII в.): Вятичи, Кривичи, и другіе финскаго племени обитатели въ верховьяхъ Днѣпра (**). По разбитіи Греками В. К Святослава, подъ крѣпостью Доростолемъ (Селестрію) въ 971 г., Русскіе вышли ночью въ поле при полномъ блескѣ луны, для собиранія убиенныхъ соотчичей; за стѣнами разложили костры и жгли на нихъ умершихъ въ сраженіи; убиенныхъ мужей и женъ душали, а въ воды дунайской погружали младенцевъ и пѣтуховъ, и тѣмъ довершили жертвоприношеніе и возліяніе въ честь усопшихъ (**). Аравитянинъ Ибнъ-Фацланъ, отправленный посломъ въ началѣ X. в. отъ калифа Муктедира, къ болгарскому королю, котораго онъ называетъ славянскимъ, передалъ намъ любопытное свѣдѣніе о нравѣ, жизни и обычаяхъ волгскихъ Славянъ. Умершаго бѣднаго, клали въ деревянной гробѣ и потомъ сожигали.—

(*) Маврик. Strateg. etc.

(**) Нестор. по киевгбер. сп. с. 12.

(***) Leo Diaconis Historia, libr. IX. съ объясненіемъ Газе, изд. 1829 г.

После смерти богатого, собирали его имущество и делили на три части. Одну часть отдавали его семейству, другую оставали на покойку ему платья а на третью заготавливали напитки, чтобы повеселиться въ тогъ день, когда будуть сожигать девушки съ ею гробомъ, и въ то время предавались питью вина до безчувственности: иные пили сряду день и ночь; часто умирали съ показами въ рукахъ. — Когда умиралъ князь или владыка, тогда семейство его спрашивало у девушки и мальчиковъ: кто хочетъ умереть съ нимъ? Кто произносилъ я, тетъчка сказывали его, и не выпускали на волю, хотя бы онъ послѣ хотѣлъ отказаться. По большей части девушки вызывались на смерть. Если девушка изъявляла желаніе умереть, то ее поручали двумъ другимъ девицамъ, которыя имѣли за нею присмотръ, и куда бы она не пошла, следили за нею и служили во всемъ, даже мыли ей ноги.—Девушка же веселилась, пѣла и усыпляла свое горе напитками.—Въ день сожжения приносили къ берегу рѣки приготовленный гробъ, окруженный четырьмя деревянными изображеніями. Сюда стекался народъ толпами, и произносилъ невнятныя слова. На деревянныхъ подмосткахъ ставили кровать, которую покрывали дорогими матеріями и подушками. Немедленно приходила старая женщина, называвшаяся ангеломъ смерти, съ сирѣмыми глазами и адскимъ лицемъ. Она подходила къ могилѣ, въ которой лежалъ мертвый; вырывала его оттуда, а съ нимъ горячіе напитки, плоды и лютню; надѣвалася на него споднее и верхнее платье, сапоги, куртку, шитый золотомъ кафтанъ, съ золотыми пуговицами, и золотую парчевую шапку, обложенную соболемъ. Потомъ несла его на подмостки, поѣхъ устроенную палатку; сажала на стеганомъ одѣялѣ, обкладывала подушками и ставила передъ нимъ ма-

шитки, плоды, васильковые травы, хлебъ, мясо и лукъ. За тѣмъ приводили собаку, разрѣзывали ее на двое, и бросали на подмостки. Въ сторонѣ клади оружіе покойника. Потомъ приводили двухъ лошадей, загнанныхъ до поту, и двухъ быковъ; привносили пѣтуха и курицу; все разрубливали на части и мясо бросали на подмостки. Обреченнай на смерть, сходила внизъ и опять появлялась; и когда входила въ палатку, тогда она говорила находившимся при ней: «екажи твоему господину, что я умираю изъ любви къ нему.» Послѣ полудня приводили ее къ дверямъ палатки, ставили на ладоняхъ мушинъ: она смотрѣла чрезъ щель двери, говорила, сходила съ ладоней, и это дѣйствіе повторяла три раза. За первымъ разомъ она говорила: «здѣсь я вижу моего отца и мою матерь»; за вторымъ: «здѣсь я вижу всѣхъ моихъ умершихъ родственниковъ, сидящихъ вмѣстѣ»; за третьимъ: «здѣсь я вижу моего господина: онъ сидитъ въ раю. А рай такъ прекрасенъ! такъ зеленъ! Господина окружаютъ мушки и мальчики. Онъ зоветъ меня. — Скорѣй меня къ нему!» — Тогда подавали ей курицу; она отрѣзывала ей голову и бросала. Стоявши поднимали съ земли, и бросали на подмостки. Потомъ ее подводили къ умершему: она снимала съ рукъ ожерелья, и отдавала ангелу-смерти; за тѣмъ снимала кольца, и отдавала стоявшимъ подиѣмъ двумъ дѣвушкамъ, называемымъ дочерями ангела-смерти. Тогда возводили ее на подмостки. За нею входили мушки съ щитами и малками, и подносили ей покаль съ виномъ. Она брала и осушивала его съ пѣнкой. Тутъ уже прощалась съ своими друзьями. Ей подносили другой покаль, при этомъ она пѣла длинную пѣнь. Ангелъ-смерти вырывалъ тогда покаль изъ ея рукъ, и вводилъ насильно въ палатку ея господина. Отъ этого она при-

ходила въ смущеніе, дѣмалась нерѣшительною; но ангел смерти схвачивалъ ее за голову, и тащилъ во внутренность палатки. Тотъ часъ мушки начинали бить въ щиты палками, чтобы никто не слыхалъ ея крику, и чтобы другія девушки не ужасались умереть съ своимъ господиномъ. Тогда входили сюда шесть мушкінъ, съ иѣсколькими девушкиами. Обреченную жертву клали съ боку господина: двое схвачивали ее за ноги, а двое за руки. Ангел смерти входилъ съ широкимъ ножемъ и ударялъ ее между ребрами. Двое мушкінъ задушивали ее веревкою. Ближайшій родственникъ умершаго, выступающій впередъ, бралъ полено и зажигалъ. — Онъ шелъ къ подмосткамъ съ горящимъ полѣномъ въ руцѣ, а другую руку закидывалъ на спину и зажигалъ костеръ. Потомъ каждой подходилъ къ костру съ зажженнымъ деревомъ, поджигалъ и бросадъ на костеръ полено. Огонь пылалъ совсѣхъ сторонъ, а въ немъ горѣла жертва ослѣпленія. По сожженіи ставили въ рошѣ столбъ, и надписывали на немъ имя умершаго и царствующаго короля, и потомъ расходились (*).

У балтійскихъ Вендовъ, старшина селенія повѣшаль жителей, о смерти гражданина, пересылкою изъ дома въ домъ черной палки, и всѣ должны были присудствовать при выносѣ тѣла. Женщины, одѣтыя въ бѣлые платья, обязывались плакать и ворить, потомъ собирать слезы въ маленькие сосуды. — Послѣ преда-

(*) Ibn. Foslan und anderer Araber-Berichte über die Russen älterer Zeit, v. Frähn, Petersb. 1823 г. с. 11-21.; Stritter-Mem. popul. т. II. с. 980.; The oriental Geography of Ibn-Haukal, с. 191. Всѣ они подтверждаютъ, что древніе русскіе жгли тѣла мертвыхъ.

вали огню тѣло, и омочивъ пепель слезами, виномъ, молокомъ и душистою водой, собирали прахъ сожженнаго въ урну, которую зарывали въ землю. Съ умершимъ сожигали на кострѣ: любимую его жену, служанку, слугу, коня и любимыхъ изъ его домашнихъ животныхъ; подлѣ него клали оружіе, деньги и кумировъ; надъ могилою знатныхъ мужей складывали въ кучу камни, или дѣлали насыпь. Печальной обрядъ заключали стравою (поминовеніемъ): щи, пили, пѣли приличныя въ честь покойника пѣсни и забавлялись разными играми, борьбою и верховою Ѣздою.

Урны дѣлались изъ глины, метала и стекла. Если набиралось вдругъ много умершихъ, наприм. въ сраженіи, то ихъ сожигали на камennомъ помостѣ, и прикрывали доскою (*). Чѣмъ особа знаменитѣе, тѣмъ бугоръ дѣлался выше и шире, и верхунка оканчивалась конусомъ. На немъ ставили какой-нибудь знакъ.

Насми-
вные бу-
ры и кур-
гани. Варяго-Руссы закапывали покойниковъ въ землю; надъ владѣтельными князьями и старшинами, дѣлали насыпи изъ земли, называемыя *буграхи* и *холмами*, которые были различной высоты, смотря по особѣ. Если лицо было знаменитое, то дѣлали высокій бугоръ; но надъ княземъ владѣтельнымъ дѣлали еще выше, и самой высшій означалъ родоначальника владѣльчаго дома. Такое обыкновеніе нашихъ предковъ, продолжалось во все ихъ идолопоклонство. Правитель возвраждавшейся Россіи, Олегъ, приплывъ къ высокимъ берегамъ Даѣпра, объявилъ Оскольду и Диру, завладѣвшими тогда Киевомъ, что настоящій

(*) Gebhardt: Fortsetzung der Allgem. Welt-Geschichte der neuen Zeiten, ч. 33, с. 254-255.

Государь есть Игорь, и по его знаку, они пали подъ мечами убийцъ. Тыла ихъ погребены на горѣ, гдѣ въ Несторово время находился Ольгинъ дворъ, а надъ могилами ихъ сдѣлали холмистую насыпь, (въ 879 г.). Жители киевскіе доселе указываютъ на это мѣсто.—Кость Оскольда покоялся ниже Николаевскаго монастыря, гдѣ вросла теперь въ землю небольшая стариинная церковь, а кости Дира за древнею церковью св. Ирины. Надъ могилою Олега, который погребенъ на горѣ Щековицѣ (въ 913 г.), находилась также насыпь, которая еще въ Несторово время называлась Ольговою могилою. По убийствѣ Древлянами В. К. Игоря (въ 945 г.), близъ Коростена (*), они насыпали надъ нимъ высокій курганъ.—Въ Несторово время онъ былъ еще видѣнъ (**). В. К. Ольга, умирая, завѣщала между прочимъ своему сыну Святославу, чтобы въ память ея не совершили тризны (***)�

(*) Нынѣшнее мѣстечко Искорость, въ волынской губ., на рекѣ Умѣ.

(**) Успенск., Опыт. повѣстств. о древн. русск., ч. I. с. 138—139, пишетъ, что Татищевъ самъ осматривалъ этотъ курганъ, въ 1710 г., и ссылается на его исторію, с. 36 и 389. Но повѣрка выходитъ, что Татищевъ ни слова не говорить объ этомъ въ своей исторіи, см. его ист. россійскую, ч. I. кн. I. с. 36 и кн. II. с. 389.

(***) Успенск., тамъ же, с. 138, говоритъ, что будто бы Ольга завѣщала своему сыну: «погреби тело мое по христіянскому закону; не сынь надо мною высокой могилы, и не дѣлай въ память мои тризны, но обычаю неварныхъ». Въ Несторѣ сказано просто: «умре Ольга и плакася по ней сынъ ея, и виуци ея, и людіе вси плачень великии. И изнесше погребоша на мѣсть, и дѣлже замогильдала Ольга не творити тризны: надъ собою: бѣ бо ииуща презвитера въ тайнахъ; сей похорони блаженную Ольгу». См. его лѣтоп. по кенигсб. си. с. 19. 38. 84. 59.—О могильной насыпѣ ни слова у Нестора.

Великое множество могильныхъ холмовъ, известныхъ подъ именемъ кургановъ, было видно въ восточно-южной Россіи до конца XVIII в. Тамъ отрывали разныя металлическія вещи, деньги и вооруженія, которые были положены вмѣстѣ съ покойниками, въ томъ предубѣжденіи, что они пользуются ими на томъ свѣтѣ (*).

Въ Литвѣ часто находили въ могилахъ не только высшаго сословія, но и низшаго, кости разныхъ животныхъ, оружія, украшенія и напитки. Въ Новогрудскомъ лѣсѣ нашли на одной могилѣ надгробный камень, съ этой надписью :

Тутъ Иванъ Свиашко лежить,
У ногахъ черная собака тужить,
У головахъ фляшка горилки стомить,
У рукахъ острый мечъ держить.
Го! го! го!
Щожъ кому до того? (**).

(*) Въ Малороссіи въ мое время было еще въ обыкновеніи, что надъ умершимъ казакомъ, вдали высокую насыпь. Еще встречается во всѣхъ мѣстахъ Россіи, что если кто умираетъ на дорогѣ; то дѣлаютъ надъ нимъ значительную насыпь, ставить деревянной крестъ или столбъ, и вырѣзываютъ изъ немъ имя умершаго. Набожность возвѣгаетъ въ послѣдствіи часою; проважающіе останавливаются здѣсь: молятся и поминаютъ умершихъ вдали родныхъ и своей отчизны.

Въ окрестностяхъ Золотой столицы, коей остатки находятся въ городѣ Царевѣ, саратовской губерн., и обращенные въ бугры и земляные насыпи, открыто кладбище на 7 верст. пространства: оно все усыпано земляными насыпями и кирничными буграми. — Это открытие произтекло по случаю разысканія древностей Золотой столицы, коей положеніе доказано изслѣдованиемъ нѣсколькихъ лѣтъ.

(**) (Golebow. Gru i zab. ч. 2. с. 250-252.)

Древніе Греки и Римляне, не сожигавши въ по-^{Посмерт-}
слѣдствіи тѣла покойниковъ, отправляли посмертные ^{твърдъ у}
обряды почти одинаково съ Евреями Умершихъ обмы-^{грековъ.}
вали теплой водою, выправляли тѣлесные члены, сжи-^{римлянъ}
мали глаза и ротъ. Это дѣлали по большей части ^{и евре-}
родственники, изъ искрой любви къ покойнику. Пе-^{евъ.}
нелопа, прощаясь съ своимъ сыномъ Телемакомъ и
супругомъ Улисомъ, желала еще дожить того часа,
въ которой бы сынъ ея закрылъ глаза своимъ ро-
дителямъ :

Ille meos oculos comprimat, ille tuos.

Римлянка говорила своему сыну :

*Nec te, tua funera, mater
Produxisse, pressive oculos, nec vulnera lavi.*

Тѣло натирали еще благовонными мазями. Потомъ
надѣвали споднее платье; поверхъ его верхнее, боль-
шею частію бѣлое ; лицо покрывали тонкимъ полот-
номъ, голову убирали цветами и вѣнками, и пола-
гали въ передней комнатѣ, ногами къ дверямъ; въ
ротъ клали оболь (*) для заплаты Харону, за перевозъ
чрезъ рѣку Лету. Приходившіе родственники и знакомые,
цѣловали въ послѣдній разъ въ губы.—Проща-
нья разставанія и цѣлованія, находимъ у римскихъ
стихотворцевъ.—У Вириллія :

*Salve aeternum mihi maxime Palla,
Aeternumque vale.*

(*) Монета, цѣнностію въ полушку.

У Тибулла :

*Flebis et arsuro positum me, Délia, lecto,
Tristibus et lacrymis oscula mixtis dabis.*

У Проперція :

*Osculaque ingelidis ponet suprema labellis,
Cum dabitur Syrio munere plenus onyx.*

Передъ домомъ ставили, пока умершій находился въ немъ, сосудъ съ водою, которою омывались прикасавшіеся къ покойнику, почитая себя оскверненными. — Мертвый лежалъ нѣсколько дней не погребеннымъ. У Римлянъ оставляли ихъ семь, дней, въ продолженіи коихъ обмывали теплой водою, чтобы возвратить его къ жизни, и производили разныя плечевые возванія. Навивали особыхъ женщинъ—плакухъ, чтобы онъ рыдали надъ мертвымъ, и музыкантовъ, чтобы играли при несеніи тѣла.

Въ Афинахъ выносили тѣла на парахъ, до восхожденія солнца, а въ другихъ мѣстахъ Греціи днемъ, съ зажженными факелами, или везли на богатыхъ колесницахъ, покрытыхъ черной матерією. Родственники шли въ печальныхъ бѣлыхъ одеждахъ; знакомые и любопытные обоего пола, сопровождали покойнаго до могилы. Его несли или везли лицемъ вверхъ; въ могилу же клали съ обращеннымъ лицемъ на востокъ. Путь до могилы усыпали цветами, зелеными сучьями, травою; могилу посыпали цветами и обсаживали ее деревьями. Поминки сопровождались яйцами, хлѣбомъ, салатомъ и бобами. (*) Богатые ставили мра-

(*) King : The rites and ceremonies in Russia, с. 336-340., ed. Lond. 1772 г. in 4; Успен. Оп. повѣтств. о драм. руск. с. 139.

изорные или изъ обыкновенного камня памятники, по своей идее или своимъ чувствамъ; рѣзы на надписи на камняхъ, мраморныхъ гробницахъ и мѣдныхъ доскахъ, есть изображеніемъ барельефовъ, выражавшихъ мысль о потерѣ или горестное чувство, постигшее оплакивающихъ. Хоронили въ городѣ и виѣ, во храмахъ и садахъ. Глубокую грусть выражали еще тѣмъ, что могилу окружали печальными деревьями: кипарисомъ и миртомъ.

Балтійские и мекленбургскіе Венды, складывали мер- <sup>Погре-
бніе на
хъ зем-
лю.</sup>
твыя тѣла подъ каменными сводами, или ставили гробы въ землю, и поверхъ могильной насыпи набрасы-
вали кругъ камней, или вбивали въ землю колъ. Бо-
гемцы ставили на распутьї дорогъ деревянные знаки и отправляли поминки, одѣвшись въ шутовскія платья и личины. Славяне кіевскіе имѣли обыкновеніе за-
рывать въ землю, вмѣстѣ съ трупомъ, плетенныя изъ
ротиной лѣстницы; ближніе умершаго язвили свои лица,
и закалывали на могилѣ любимаго коня. (*)

Предки наши, по принятію христіанской вѣры, по-
заимствовали многіе восточные обычай и въ числѣ
ихъ обряды дѣйствія погребенія. Способъ дѣланія
гробовъ, называвшихся у насъ корсты, взять отъ
Грековъ. (")

По смерти кого либо давали немедленно знать священнику, который приказывалъ звонить по душѣ покойника въ колоколь, и потомъ самъ являлся. До его прихода омывали тѣло теплой водою, надѣвали бѣлое и чистое бѣлье и клали посрединѣ комнаты на столъ, покрывъ бѣльемъ полотномъ и сложивъ руки

(*) Кар. И. Г. Р. т. I. прим. 236.

(") Кар. И. Г. Р. т. I. прим. 488.

на груди. Потомъ давали пекарнику крестообразно въ одну руку крестъ а въ другую свѣчу, и окружали его зажженными восковыми свѣчами; священникъ читалъ отходную молитву; присудствовавшіе съ зажженными въ рукахъ свѣчами, молились и плакали.

Муромскій князь Глѣбъ, услыхавъ объ убиеніи своего брата Бориса, излилъ горесть въ набожномъ плаче: «Господи! лучше бы мнѣ умереть съ братомъ, нежели жить одному на этомъ свѣтѣ. Если бы я, братъ мой, видѣлъ твое ангельское лицо; то пострадалъ бы съ тобою. Но къ чему я остался одинъ? — Гдѣ твои рѣчи, которыми усмѣшились меня? О братъ, мною любимой! — нынѣ уже не услышу твоего кроткаго наставленія. Если можешь молиться за меня у Бога, то молись, чтобы и я принялъ подобную тебѣ участь. Мнѣ было отрадно жить съ тобой, а теперь останусь одинъ — въ этомъ обольстительномъ мірѣ!» (*)

Тѣло оставляли непогребеннымъ не сколько дней; погребали до захожденія солнца, чтобы оно было еще высоко и лучезарно: *то бо послѣднєе видитъ солнце до общаго Воскресенія*. Другіе считали долгомъ погребать мертвыхъ, въ самой день ихъ кончины, и только за не имѣніемъ гроба отлагали до слѣдующаго дня. Когда князь черниговскій Давидъ (скончавш. въ 1123 г.), былъ внесенъ во храмъ Бориса и Глѣба, съ тѣмъ, чтобы предать его тѣло погребенію въ тотъ же день; тогда не былъ готовъ гробъ, посему епископъ Феоктистъ сказалъ: *солнце заходитъ, оставимъ погребеніе*

(*) Пушкиновская автографа, с. 97. Чувствительныя слова Глѣба, переданы авторомъ весьма вкратцѣ. Борисъ убитъ 1015 г. юл. 24, а Глѣбъ въ томъ же году, сентябрь 15., въ понедѣльникъ.

до утра. Чрезъ нѣсколько временій пришли люди въ объявленіи епископу, что солнце не скрывается и стоитъ на одномъ мѣстѣ. Феоктистъ восхвалилъ Бога; работники спѣшили обтесать камень, и какъ скоро вложили камень во гробъ, солнце слъло (*).—Тѣло кн. Юрія, родного брата В. К. Іоанна III, пролежавшее въ соборѣ архангельскомъ четыре дни, противу обыкновенія, не хотѣлъ предавать землѣ митрон. Филиппъ, потому только, что не въ тотъ день погребенъ, когда померъ.—однако, по приказанію Великаго Князя, онъ похоронилъ его.

Надъ усопшимъ читали псалтырь, день и ночь. Родные и знакомые прощались съ умершимъ, целуя его въ уста и руки. Нанимали еще женищинъ-плакухъ; курили ладаномъ, молились Богу о спасеніи души и о принятіи ея въ рай. При наступленіи погребенія, клагали тѣло въ деревянной окрашенной гробѣ или обрисованый изображеніями святыхъ, и отвозили на саняхъ въ церковь (**) гдѣ, по совершении заупокой,

(*) Степен. кн.; Кар. И. Г. Р. т. 2.; Вопрошевіе Кирика: «затмлю симію, не достоить мертвца хоронити. Не рин также борзо лѣзаемъ, нѣли како успѣши до захода, но тако ногрѣсть, яко и не виско, какъ и винецъ еще не сымется съ него, то бо поспѣшише видѣти солнце до общаго Воскресенія.»

(**) Въ древности отвозили на святыи возжиговыи, зимою и летомъ. Летоп. Нестора с. 93 и 114. Русск. летоп. съ восир. си. ч. I. с. 161. и Духов. зав. Владими. монех. «Въ описаніи смерти князей Бориса и Глеба, убитыхъ Святополкомъ «цѣлосанта Бориса святаго, вложиша въ речу каменку, ио. семъ вложиша Глеба святаго съ каменю ракою и вложиши на санки, везоша.» Перенесеніе мондей совершиено послѣ смерти В. К. Ярослава, летомъ девяналѣтъ, (въ позднее вѣто). «Во второй же день мая, когда прежде устроился праздникъ перенесенія честныхъ мондей св. князей Бориса и Глеба, по столь-

хоронили тутъ же около церкви, обыкновенно поутру. Богатыхъ и знаменитыхъ мужей, погребали въ церкви. — Надъ умершихъ ставали деревянной крестъ, и потомъ поминали кутьею; въ нее ставили восковый замкнутый свѣчи: двѣ за упокой умершихъ, а три за сохраненіе здоровья живыхъ. Послѣ раздавали милостыню нищимъ, бѣднымъ и изувѣченнымъ.

Кутью приготавливали изъ трехъ частей вареной пшеницы, четвертой гороху, чечевицы и бобовъ; она подслащивалась медомъ и плодами. За панихиду по усопшемъ, платили гривну серебра. (*)

Съ мертвымъ клали домашнія вещи и сѣйственные приспособы. Сербы и Славяне живущіе въ Лузациі, клали въ гробъ оружіе и разныя вещи. Лузацкіе Венды клали на гробъ топоръ.—Болѣе или менѣе, но продолжалось такое обыкновеніе до нашихъ временъ.

віі обычнаго утренняго правила, митрополитъ съ епископы и всѣми пресвитерами и діаконами, облекшесѧ въ свѣтлая священныя облаченія, и свѣщи воожегши, покадиша раки святыхъ, и положиша коегождо на свои сави, на то устроенные и украшенные: бывши же раки каменныя, и везоша князи съ велиможи собою. Предвидущи митрополиту со всѣмъ священнымъ соборомъ по своему чину, не могоща же не токмо ющай везити, но, ниже самы поступити отъ множества налегающаго и угнетающаго народа, и посыпъ Ки. Владимириъ жомомахъ метати сребранини въ народъ, и тако єдва возможоша привезти раку. Чет. Мин., маі 2 —Возить умершихъ на саняхъ, и продолжалось у насъ до конца XVII в., какъ видно изъ чила погребеній Царевы: Наталии, матери Петра В.. — Она померла въ 1694 г. генв 25. Си. Сынъ отеч. 1843 г. за апрель месецъ, № 4.

(*) Вопрошаніе Киррика у епископа новгородскаго Нифонтаса, и въ перевѣдѣ бар. Герберштейна : Всег. Москвит. соп. с. 37.—Киррикъ или Кираль, возведенъ изъ кіавскихъ монаховъ, въ 1274 г., на епископскій престолъ во Владимиръ на Клязьмѣ.

Въ XII в. встрѣчаемъ уже обыкновеніе, что за покойниками вели княжескихъ лошадей и вѣсли знамена надъ гробомъ. По привезеніи тѣла дорогобужскаго князя Владимира (въ 1170 г.) въ Вышегородъ, игуменъ лавры Поликарпъ, требовалъ у князя Давида, чтобы онъ далъ ему воиновъ, вести коней княжескихъ за гробомъ, и держать надъ нимъ знамена «Мертвымъ нѣтъ вужды ни въ чести, ни въ знаменахъ», отвѣчалъ князь, «даю тебѣ только игуменовъ и священниковъ.» (*)

Нѣкоторые иностранные писатели XVI в., свидѣтельствуютъ единогласно, что голову покойника обивали полетомъ и хоронили на третій день безъ всякой пышности; въ комнатѣ курили ладономъ, читали псалтырь; лобызали умершаго въ уста, при восклицаніи: «для чего оставляешь насъ, о любезнѣйший! Развѣ не было тебѣ чего пить и есть? — Ты покидаешь несчастную супругу! Признайся, что заставило тебя бросить прекрасную жену и мильыхъ дѣтей?.. и тому подобныя дѣлали возванія. — Надѣвали на него новое платье и сапоги. — Гробы дѣлали есосновые, какъ для бѣдныхъ такъ и богатыхъ, которые, смотря по состоянію, обивали матеріею внутри и снаружи. — Писатели XVII в. говорятъ, что мертвыхъ предавали землѣ до истечения сутокъ; на покойника надѣвали новую рубаху, чулки, бащаки, похожіе на туфли, яшапку; потомъ клали его во гробъ. Знакомые, родные и семейство, оплакивали безпритворно. Богатыхъ оплакивали и въ домѣ и на могилѣ, особо напинаемыя ими женщины, одѣтые въ блѣдныя одежды, съ закры-

(*) Кар. И. Г. Р. т. 3. с. 8 - 9.

тыми покрываюши на головъ. Эти жещины назывались плакальщицами; они копили на распѣвъ: «тебѣ ли было оставлять бѣлой свѣтъ? развѣ не жаловалъ тебя Царь? Не имѣль ты богатства и чести, супруги милой и добрыхъ дѣтей?» — Ежели умирала жена, то говорили: «развѣ ты не имѣла доброго мужа?» и т. п.— Покойного носили на кладбище, въ присутствіи родныхъ и друзей; впереди несли образа, за ними шло духовенство, которое курило ладаномъ и пѣло. По селѣ погребенія плакали на могилѣ жалобнымъ голосомъ. Во гробъ ставили, въ головѣ покойника, кружку меду или пива и хлѣбъ. (*) Въ продолженіи сорока дней совершались поминовенія. Въ концѣ шестой недѣли приходила на могилу вдова и нѣсколько друзей; она приносila начинки и кушанье, и послѣ слезъ со стономъ, если а остатки раздавали нищимъ. Такъ поступалъ простой народъ и все недостаточные, но богатыя и знатныя особы, поминали дома. Сверхъ этого поминованія, производились еще ежегодные поминки.

По прошествіи шести недѣль или сорочинъ, оканчивался трауръ, и вдова могла снова выйти за мужъ. (**)

(*) У Мордововъ, живущихъ въ пензенской и саратовской губ., приносятъ досихъ-поръ умершему разные гостинцы. «Вотъ на тебя Семенъ» — говорить принесший покойнику пирогъ, яйца, горячину, масло и дельги. Это принесла тебѣ Марея. — Смотри Семенъ, береги у вея скотину и хлѣбъ. Когда я буду жать, тогда корми цыплять и гляди за домомъ. При выносѣ покойника, бьютъ топоромъ въ то самое место, где стояла гробъ, чтобы убить смерть, и чтобы она не похищала боялье изъ дома.

(**) Herberst. Rer. Moscov. com ; Paul. Iovii: de legat. Basilii. Magn. princ. Moscoviae ad Clementum VII. pontificem; Meletii: de relig. et sacrificiis veter. Borussorum; de Russor. relig. ritib.,

Нѣкоторые пишутъ еще, что мертвыхъ не хоронили зимою, особенно въ Москвѣ, а вывозили отпѣтыхъ тѣла за городъ въ Божій домъ (убогій), и тамъ оставляли до весны, чтобы удобище можно было копать могилу. (*)

Кто былъ отчаянно боленъ и соборованъ масломъ, и потомъ выздоравливаль; тотъ носиль уже до смерти черную одежду.

Употребленіе деревянныхъ гробовъ, досель по-всемѣстное. Внутри и вѣтъ, обиваются ихъ матеръями штофными, серебряными и золотыми, и изъ

nuptiar. et funerum, пом. въ собр. de Russorum, Moscovitarum et Tartarorum religione etc. ed. 1582. 2. in 4°; Margeret: Éstat de l'emp. de Russie et grand duché de Moscovie. ed. Par. 1607 г.; Gebhardi: Fortsetz. der Algem. Weltg. der neuen Zeit ч. 34. с. 299. ed. 1793 г.; Certaine letters in verse, written by M. G. Turbevil aut of Moscovia to friends of his in London, пом. въ собр. Гакк. ed. London 1809 г.; in 4°, с. 433.; Petréjum: Hist. und Beschr. von dem Großfürstenthum Muschcow, с. 676-680. ed. Leipz. 1620 г.; Le Brun: Voyage par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales, т. I. с. 57 - 59.; Olearii: Öft begehr. Beschr. der ueuen orient. Reise с. 195-199. ed. 1646 г.; Struys: Voyages en Moscovie, en Tartarie, en Perse и проч. с. 136-138. ed. 1683 г.: Widhart: Moskowitische Reise Beschr. in dem Jahr 1675 , гл. 11. с. 241.; Guagninus: Mortuorum ceremonia, пом. въ собр. de Russor., Moskov., Tartar. ritus. ed. Spir. 1584 г.; The history of the life of Peter the Great, с. 130., compos. by Motley.

(*) Marger. Éstat de l'emp. de Russie, ed. Par. 1607 г.; Флетчеръ: Of the Russe common wealth; Certaine letters in verse, writ. by. M. G. Turbevil aut of Moscovia to his friends in London, пом. въ собр. Гакк. с. 433. ed. 1809 г.

тацовой же матеріи кладутъ подъ головы подушки, съ шелковыми, золотыми и серебренными кистями; внизу греба также приставляютъ кисти, смотря по состоянию: поверхъ гроба вырѣзываются или нашиваются золотые и серебряные кресты, усыпанные блестками. Цвѣтъ наружныхъ украшений, показываетъ возрастъ, полъ и званіе умершаго. — Розовой и бѣлой принадлежность младенцевъ, ребенковъ, дѣвицъ и молодыхъ дамъ; голубой, синій, зеленої и малиновой, для прочаго званія.—Выносъ тѣла совершается предъ по-
луднемъ.

Гробъ, украшенный балдахиномъ, ставятъ на колесницу, которую везутъ нѣсколько паръ лошадей, въ черныхъ печальныхъ покрываахъ; по сторонамъ несутъ зажженные факелы, кои не гасятся до самой могилы. Покойника сопровождаютъ родственники и знакомые, въ черныхъ одеждахъ. — Женской полъ нашивается на свои одежды бѣлыя полосы, называемыя плрези; мушки покрываютъ платье, шляпы и шпаги, чернымъ крепомъ. — У знатныхъ и государственныхъ людей балдахинъ и печальная колесница, блестеть золотомъ и серебромъ; впереди гроба несутъ на подушкахъ ихъ ордена, длинныемъ рядомъ; тутъ идутъ священнослужители и пѣвчие, которые во все шествіе поютъ Святый Боже, или играетъ музыка, если покойникъ военной, въ сооруженіи глухихъ барабанныхъ ударовъ. Войско, съ опущенными внизъ ружьями и заряженными пушками, увеличиваетъ пышность похоронъ.—Лакеи идутъ въ фрныхъ одеждахъ, съ разноцвѣтными приколотами къ ихъ плечамъ лентами; гражданскіе и военные чиновники, окружаютъ печальную колесницу, а въ траурной одеждѣ стоять на ступеняхъ колесницы ассистенты и поддерживаютъ балдахинъ. Ког-

да кто либо изъ членовъ Императорской фамилии, сопровождается государственными сановниками; тогда присутствуютъ министры, дипломатический корпусъ и другие высокіе чины. Карета покойника, следующая за гробомъ, обивается чернымъ сукномъ, съ гербами на ней изображеніями по бѣлому полю. Семейство, родственники и знакомые, идутъ за гробомъ; за ними тянутся сотни каретъ, колясокъ и другихъ экипажей.

Когда провозгласится на могилѣ окончательно: вѣчная память, тогда опускаютъ гробъ въ могилу. Священникъ первой береть землю лопаткою или рукою, и бросаетъ на гробъ; за нимъ прелстоящіе. Если погребаютъ изъ военныхъ, то войско производить погребальную пальбу изъ орудій. За тѣмъ приглашаются къ обѣденному столу, который называется поминками; за столомъ подаются, между прочими кушаньями, кутью, блины и кисель дѣ молокомъ.

Бѣдный и обыкновенный человѣкъ, погребается самимъ простымъ образомъ. Тѣло кладутъ въ деревянный окрашенный, даже неокрашенной гробъ; послѣ отпѣванія относятъ знакомые на своихъ плечахъ на кладбище, и опускаютъ въ могилу. — Сердечной ихъ вдохъ по умершему, замѣняетъ пышный погребальный обрядъ.

Въ Малороссіи, во времена казачества, и даже въ недавнее время, не бывало тому лѣтъ 25, похоронъ сопровождались всѣми шутками. Умиралъ ли кто, звонили по душѣ въ колоколья протяжно и заумно; знакомые и незнакомые скѣшили спрашивать у звончихъ: по комъ отъ звонятъ? У каждого вырывалось дер-
Малороссийское похоронное гробление

дечное наименование уцокой. Господи душу усопшаго! Дай Боже ему царствие небесное! Вечная память! Каждый принималъ участіе въ потерѣ другаго, какъ въ своей; всѣхъ трогало и на всѣхъ находило ужыніе, грусть и печаль. Заупокойный гулъ колокола, нарушалъ спокойствіе всего околодка.

Омыть покойника или покойницу, одѣвали ее въ чистое платье; потомъ клали на столъ, посреди комнаты, и закрывали бѣлымъ полотномъ; на ноги надѣвали башмаки. Въ руки, сложенные на крестъ, давали восковой крестъ и восковую свѣчу. Умершую женщину и дѣвушку, наряжали въ праздничное платье; ноги обували въ красные башмаки. Голову дѣвушки украшали вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ цветовъ: василекъ, незабудокъ, звѣздочекъ, гвоздикъ и другихъ душистыхъ цветовъ и травъ. По сготвленіи гроба, клали въ него усопшаго. Священникъ читалъ молитву по умершемъ; дѣячекъ день и ночь читалъ псалтырь; восковыя свѣчи, теплились около гроба; вокругъ него курили ладаномъ; и толпа жителей приходила прощаться съ покойнымъ. Родные и знакомые, рыдали безумолкино; самые посѣтители головали. Домъ превращался въ плачъ. Предъ выносомъ тѣла отправляли панихиду; во время выноса звонили во всѣ колокола. Гробъ поднимали родные, знакомые и незнакомые, и несли на своихъ плечахъ до могилы. Предъ гробомъ несли образъ; церковныя боругви развѣвались впереди; на дорогѣ останавливались читать Евангеліе, по несколько разъ; народъ провожалъ усопшаго съ рыданіемъ: все плакало и рыдало. Отчаянной голосъ родныхъ, затмушалъ чтеніе Евангелія, особенно при опусканіи тѣла въ могилу. На могилѣ ставили деревянный крестъ; иные дѣлали могильную насыпь, укрывали ее цветами и травами. Стави-

ли еще калиновое дерево, если казакъ умиралъ на чужой сторонѣ. (*)

Надъ молодымъ казакомъ ставили, кроме креста, шесть съ бѣльемъ знаменемъ. Кладбище бѣлое отъ знаменъ, которыя свидѣтельствовали безвременную кончину молодаго казака. При могилѣ и въ домѣ, раздавала милостыню бѣднымъ и нищимъ; кормили ихъ поминальнымъ столомъ и разсыпали по домамъ бѣдныхъ: хлѣбъ, кушанье и деньги. Для духовенства и знакомыхъ, давался особой поминальный столъ, при коемъ кутья и кисель занимали главное мѣсто. Кроме сорочинъ, дѣлали поминовенія черезъ три дни и черезъ недѣлю. — Памятниковъ никакихъ не сооружали.

Погребеніе помолвленной невѣсты, сопровождалось весьма трогательно. Ее одѣвали въ нарядное платье, какъ подъ вѣнецъ; голову убирали цветами и потомъ клали на столъ, подъ окна; вокругъ нее зажигали свѣчи; у головахъ читали псалтырь; народъ, по первому звону, сходился толпой проститься съ нею; подруги ея стояли вокругъ и плакали. Отецъ и мать бились надъ ея тѣломъ, и страшно рыдали. Они цѣловали ея руки, цѣловали ее щеки, губы; цѣловали

(*) Насыпали чумаченьку, высоку могилу,
Посадили на могилы червонную калину.
Прилатила зозуленька, тай сказала: куку!
Подай сыну, подай орзѣ, хоть правую руку.

или:

Та вырыйтѣ надъ чумакомъ Микитою, та высоку могилу,
Та посадите надъ чумакомъ Микитою, та червонную калину.

Максим. Украин. народ. пѣси. с. 180 и 176, изд. Москв. 1834 г.—
Калина означаетъ непорочность, а здѣсь она представляетъ
сироту.

шею и голову, и кричали съ наступающими. Мать разставалась съ жалобнымъ причитаніемъ: «Прощай моя радость! моя утѣха! — Зашло мое солнечко красное! — Дочь моя! ты заяла, какъ цвѣточекъ: засохла, какъ травка! — Ты покинула меня сиротой, — Богъ съ тобою! — За чѣмъ покинула? Скажи, душечка моя, золото мое, сокровище мое, безцѣнная, ненаглядная! Скажи, мой ангельчикъ, мое серденько, моя жизнь, моя отрада! Промолви хоть словечко, улыбнись хоть иенарокомъ; протяни свою бѣленыкую ручку, разкрой свои черныя очи, посмотри! — Пышная и гордая, величавая и румяна, покидаешь меня! Оставляешь горемычную безъ радости, покидаешь навсегда! Я тебя лягала, смотрѣла за тобою, — кто же меня старую присмотрить теперь? Ты ужъ на томъ свѣтѣ, между ангелами, а я здѣсь! кто пожалѣеть обо мнѣ? Всѣ родные — вѣс не ты! Я тебя убрала, подъ вѣнецъ; сложила твои ручки, для молодаго; сама закрыла ротикъ, цѣловавшій меня; сомкнула твои черные глаза, радовавшіе меня. Кто же закроитъ менѣ? родные, — не родная моя дононька (дочь)! — Богъ тебѣ взялъ, да будетъ Его святая воля! молись у Него за меня грѣшную. — Дононько моя! лежишь будто живая: ты улыбаешься, протягиваешь ко мнѣ ручечки, — обними же меня! Дононько милая, голубка сизокрылая, пташечка звонкая, распѣвшая! Чѣмъ не усмѣхнешься? чѣмъ не порадуешь? Скажься! Взгляни хоть на минутку, пробудись! Почему же не говоришь? Ты жъ меня тѣшила ласковыми словечками, встрѣчала привѣтственной улыбкою, — а теперь? молчишь, сложивши ручки на крестъ; но съ нимъ идешь на встрѣчу Спасителю, — и твои уста уже славословятъ Его. Ты уже не здѣсь, а тамъ, тамъ линуешь со святыми! Унесла съ собою всѣ наши радости, а намъ оставила одно горе и слезы. Кто оботретъ наши сле-

зы? кто приголубить насть на старости? Отецъ и мать, покинуты тобого; отецъ и мать проливают горячие потоны слезъ. Они перестанутъ плакать, когда очи ихъ выслушатся и сомкнутся наѣхъ! — Тебѣ бы съѣдовала склонить меня! О, лучше бы я не видѣла Божіего свѣта! Кто утѣшать меня? кто поблагодаритъ со мною? Чѣо сердце забываетъ такъ обо мнѣ, какъ былое твое? Но твое сердце, уже камень! ты уже во гробѣ: мой стомъ, мой вопль и мои рыданія не трогаютъ тебя. — Я слышу пѣніе вѣчной памяти! О дошенько, доненько моя! Недолго я любовалась тобою. Не думала, не гадала запрыть твои оченьки ясненькие, твои уста розовые, и закрыть ризу гробовой! О горе мнѣ бѣдной! я сама сомкнула твои глазики, до страшнаго суда. Заступница, Божая Матерь! пріими меня скорѣй, успопой меня съ мою доненькой. Укрѣпи Господи, и помилуй меня. — Въ продолженіи трехъ ліней, отецъ и мать рыдали по своей дочерѣ; народъ безпрестанно наѣщалъ усопшую, горевалъ и хвалилъ ея добровъ сердце и красоту. Отецъ часто говорилъ въ отчаяніи, своей женѣ: что же, моя старая? собирались играть свадьбу, — вотъ веселые наше! Онъ заливался слезами, и стоялъ неподвижнымъ отъ печали. Но вспомнивъ, что она роющегъ на Провидѣніе, говорилъ ей: полно плакать. Богъ ее взялъ, она уже въ царствіи небесномъ. Ее Богъ наградилъ. — Живой думаетъ о живомъ, такъ и мы съ тобою. Молись лучше! — Въ погребальный день звонили въ большой колоколъ протяжно, съ заунывнымъ ударомъ. — Этотъ звонъ собирали людей, и назывался сборный. Окружные обыватели сами сходились на похороны. Съ умолкомъ сборного колокола, выносили изъ церкви деревянной крестъ, съ изображеніемъ Распятія Іисуса Христа, хоругви и носилки; за ними шли священники и весь причетъ духовный, въ черныхъ разахъ. По пребытію ду-

ховенства, начинали служить по умершей.—Потомъ, собравъ дружекъ, поддружекъ, старость, бояръ, свахъ и свитылку, такое число, какое слѣдовало для веселья, обдарили ихъ свадебными подарками. Мать, подозревавъ молодыхъ дѣвушекъ, ея подругъ, говорила имъ, обливаясь слезами: «я не дожила до свадьбы, своей доненьки! Господь Богъ опредѣлилъ мнѣ, созывать васъ, чтобы вы проводили ее къ темной могилѣ. Не довелось мнѣ слушать вашихъ веселыхъ пѣсней; пришлось мнѣ, видѣть ваши слезы. Не прогнѣвайтесь на меня, что я не угощаю васъ короваемъ, не надѣляю бѣлыми платочками; но даю вамъ въ руки восковыя свѣчи. Зажгите ихъ и проводите мою голубку, доненьку.» — Потомъ мать, взявъ большой рушникъ (полотенце), который вышивала покойная, чтобы подослать себѣ подъ ноги во время ея вѣнчанія, перевязывала имъ деревянной крестъ; послѣ перевязывали дружка и поддружку длинными рушниками, вышитыми узоромъ, и потомъ еще на крестъ, бѣлымъ полотномъ, по нѣсколько аршинъ. За ними перевязывали свахъ и прикалывали, къ головному ихъ убору, по цвѣточку. Старосту обвязывали однимъ рушникомъ, а свитылку (старшую сваху) двумя, и давали ей въ руки восковую свѣчу и мечъ, какъ водилось на свадьбѣ, обивъ его душистыми цвѣтами. Къ шапкамъ бояръ прикалывали цвѣточки и перевязывали правые руки бѣлыми платками, вышитыми узоромъ. Платокъ, которымъ слѣдовало вязать руки молодымъ подъ вѣнцемъ, клали на серебряной крестъ. Священниковъ и весь духовной причетъ, дарили бѣлыми платками. Гробовую крышу покрывали большимъ килимомъ (ковромъ); носилки застилали богатымъ коцемъ (покрываломъ) съ разводами и вышитымъ орломъ. Килимъ и коцъ, отдавались въ церковь послѣ похоронъ.—Дѣвушкамъ раздавали все при-

данное покойной: плахты (узорчатый платы), передники, рубашки, платки и полотенца; женщины: бѣлые серпанки, чепцы, головные платки, подушки, одѣяла и разныя хозяйственныя вещи. По раздать вѣщей, кроили гробъ святой водою, съ произнесенiemъ: вѣчнаа память. Свадебные бояры клали невѣstu во гробъ, подруги поправляли на ней головной уборъ и украшали смова вѣнками; погребальное шествіе начиналось несенiemъ впереди креста, потомъ святыкъ хоругвей: за ними несли четыре мальчика, съ перевязанными бѣлыми на рукахъ платками, надгробную крышу, общую чермыемъ сунномъ; потомъ шли четыре боярина; за ними священники и лаиконы, держа зажженныя свѣчи, и во время шествія кадилы и пѣли, протяжнымъ голосомъ; потомъшли попарно всѣ ея подруги, съ зелеными зажженными свѣчами; головы подругъ были обвиты черными лентами; за ними шли: свитилька съ мечемъ, сваха, дружки, подружки и наконецъ несли гробъ на носилкахъ, — одни свадебные бояры. Если присутствовала женихъ покойной невѣста; то она шедъ съ правой стороны ея гроба. Жениха вели подъ руки, два свата, потому что истинная горесть, до того растроивала его, что онъ едва передвигалъ ноги: быть бѣдный, какъ смерть, и не рыдалъ. но только стонала. Тутъ уже шествіе заключалось только народа, всѣхъ сословій. Во время шествія звоночи по церквамъ, а на дорогѣ останавливались читать Евангелие по несколько разъ, и всякой разъ подстилали священному бумажный платокъ подъ ноги, которой отдавалася ему. Покойную несли сначала въ церковь, гдѣ служили обѣдню и панихиду; потомъ, тѣмъ же самыми порядкомъ, несли умершую на кладбище, при безпрерывномъ колокольномъ звонѣ. Гробъ опускали въ могилу, на хорошемъ бѣломъ полетѣ, приготовленномъ

для приданного. При оружании гроба, раздавался по вьюду стонъ и вопль; все плакали, какъ по своей роднѣй. Отъ ребенка до старика, все засыпалось слезами. Старший священникъ бросалъ на гробъ горсть земли; за нимъ отецъ и мать, тамъ свадебный причетъ а пакенецъ всѣ, кто какъ попадъ. На гробъ насыпали немедленно землю, и ставили у головахъ большой деревянной крестъ, покрытый зеленою краскою. Бѣдныи и нищыи раздавали на могилѣ хлѣбъ, разное кушанье и деньги, чтобы молились о спасеніи души. Потомъ всѣ отправлялись поминать умершую. Столы съ кушаньями и напитками, были разставлены по всему двору, а въ комнатѣ уговаривали одважъ старшихъ.— Поминовенiemъ заключались похороны.

Особые обряды, совершающиеся на земле покойника. Въ олонецкой губ. умирающихъ перекладываютъ съ верины на солому, чтобы, какъ говорятъ тамъ, душа рас прострѣлась, которая должна дать отвѣтъ за каждое перышко. Послѣ покойника, меютъ поль и очищаютъ комнату. Потомъ являются плакальщицы, которые воютъ надъ нимъ до погребенія; наконецъ ходятъ по домамъ родныхъ и знакомыхъ покойника, и своимъ причитаніями напоминаютъ имъ жизнь его; рассказываютъ все его привычки, обыкновенія и даже любимиya кушанья (*). Между Черногорцами (адриатическими Славянами), родственники омываютъ тѣло умершаго, надѣваютъ на него белую рубашку, осыпаютъ цветами и кладутъ при немъ его оружіе. Въ то время сколачиваютъ гробъ изъ трехъ досокъ, на подобіе трехугольника. Сосѣди, узнавъ о смерти, стекаются на похороны; родственники голосятъ надъ усопшимъ,

(*) Дашковъ: Описаніе олонецкой губ., помощ. въ жур. инн. вѣ. № 12, за 1861 г. № 12. с. 428—429.

выхвалии его добродѣтели; доблестныя дѣла и горюють объ участіи семейства. Обыкновенные взглазы вѣкъ: «кто теперь будетъ щадить на твоемъ конѣ? кто будетъ носить твоё плащѣ? къ чьей груди прижмутся твои дѣти? кѣмъ будетъ клясться твои сестра?» (У Черногорцевъ сестра обыкновенно кланяется здоровьемъ брата). Матери и сестры, боятъ всѣхъ плачутъ: они царапаютъ себѣ лицо до крови, и отрѣзать волосы, кладутъ ихъ на могилу.—Надъ могилой ставятъ большой деревянный крестъ, съ изображеніемъ на немъ столько кукушекъ, сколько осталось родственниковъ, или кладутъ надгробный камень.—Священникъ провожаетъ тѣло до могилы, и тамъ совершаеть надгробное пѣніе.—Знакомые присутствуютъ при похороненіи съ оружіемъ, обративъ его назадъ. Проходя день, гдѣ лежитъ покойникъ, они бѣгутъ; тоже самое дѣлаютъ, проходя мимо кладбищъ.—Въ некоторыхъ мѣстахъ посѣшаютъ могилу на третій и осмой день, послѣ погребенія; читаютъ молитву, плачутъ и потомъ угошаютъ хлѣбомъ и виномъ. По покойникъ носятъ трауръ во весь годъ: мужчины отращиваютъ бороду, женщины стригутъ волосы и ходятъ вѣсколько дней, не чѣмъ не прикрывая головы; послѣ уже повязываютъ голову чернымъ, или голубымъ платкомъ (*).

Иностранные писатели передали намъ погребеніе наше, въ самомъ изскаженномъ видѣ, особенно Англичанинъ Филипъ (**), который написалъ величайшія недѣлости. Онъ говоритъ: священникъ, по окончаніи литія, вручаетъ умершему свидѣтельство за под-

(*) Боричевский: Повѣсти и пред. нар. славянск. плем., ч. 2. с. 120—122., изд. 1842 г.

(**) Philips: The Russian Catechism, ed. 1725 г.

письмо епископа, слѣдующаго содержанія: «мы епископъ и священникъ (такіе-то), даемъ симъ знать, что умершій (такой-то), жилъ истиннымъ христіаниномъ, по правиламъ греческой церкви; исповѣдался въ прощень въ грѣхахъ; чтилъ Бога и угодниковъ, и постылся; почему удостовѣряемъ св. чудотворца Николая и всѣхъ небесныхъ жителей, что онъ можетъ войти безпрепятственно въ небесное царство.» (*)

Праворучиме гробы. Были случаи, что у насть хоронили въ мраморныхъ гробахъ. Тѣло равноапостольнаго В. К. Владимира, было вложено въ мраморный гробъ (1014 г.), и поставлено рядомъ съ гробищею супруги его Анны, среди храма Божіей Матери, называемаго иначе Десятникою церковью (**). Тѣло сына его, В. К. Ярослава, тоже положено въ мраморный бѣло-сиялго цвѣта гробъ, и погребено въ софійскомъ соборѣ. Его памятникъ

(*) Это свидѣтельство вѣроятно имъ цитировано изъ Олеарія, где вместо чудотв. Николая поставленъ апостолъ Петръ. См. Олеар. *Offt vegeht. Beschrf. d. neuen Orient. Reise*, с. 197. ed. 1647 г.—Волтеръ. *Essai sur les moeurs*, т. III. с. 60., говорить, что покойнику даютъ въ руки пашпортъ, съ надписью на ини с. св. Николая, которой, принявъ душу усопшаго, препровождаетъ ее въ рай. Волтеръ, повѣривъ безусловно рассказамъ язычниковъ, радъ былъ, что нашелъ случай посмѣяться надъ нашими обычаями, потому внесъ ихъ безъ всякаго изслѣдованія въ свое сочиненіе, наполненное многими нелѣпостями о Россіи, которую не любилъ отъ всей души. Хотя онъ написалъ исторію Петра В., однако изъ одного тицеславія, потому что Екатерина В. предложила ему быть историокомъ великаго, первого Государя, но Волтеръ не пріобрѣлъ имъ историка Петра В.—Сочиненіе это исполнено грубыхъ ошибокъ, и совершенного отсутствія справедливости, не только о дванадцати Петра В.; но и о самыхъ себѣтіяхъ историческихъ.

(**) Нестор. лѣт. по кенигсб. сп. с. 93.; Русск. лѣт. съ воскресен. сп. ч. I. с. 161.

украшены разными изображениями птицьихъ головъ, цветовъ и деревъ, и уцѣлѣли до нашего времени (*). Мощи св. Бориса и Глѣба, вложены въ мраморный гробъ (**). Тѣло В. К. Изяслава, тоже положено въ мраморный гробъ (1078 г.).

Погребали въ церквахъ и близъ церквей,—это продолжалось до первой половины XVIII в. (1731 г. дек. 31). Въ это время повелѣно указомъ, чтобы въ городахъ, селеніяхъ, слободахъ и проч., умершихъ не хоронить при церквяхъ, а отводить для того особыя мѣста за городомъ, подъ названіемъ кладбищъ, которыхъ въ Малороссіи называются цвинтарами. Въ 1772 г. подтверждено отводить особыя мѣста для кладбищъ въ города, и устроивать при нихъ церкви и часовни.— Съ того времени появились определенные кладбища, и на нихъ начали ставить надгробные памятники, для означенія мѣста почившаго. Если нынѣ погребаются внутри некоторыхъ храмовъ и монастырей, лица знатные или особенно именитыя, то это дѣлается не иначе, какъ съ разрѣшенія духовной власти; при чемъ вносятся въ пользу тѣхъ церквей, или монастырей условленные или посильные вклады, что однакожъ не на всѣхъ простирается.

Изъ отечественной исторіи известно, что во время

(*) Гробъ Ярослава вышиною 2 арш., длиною 3 $\frac{1}{2}$, арш., ширин. 19 вершк., находится въ придальѣ съ лѣвой стороны большаго олтаря. Половина скрыта въ стѣнѣ; на камва вырезаны кресты, съ буквами: ИС.ХС.—Нестор. житоп. с. 114.; Кар. И. Г. Р. т. II. с. 37. прим. 51. изд. 1816 г., и т. I. с. 230. прим. 488.

(**) Четыи Минея, мая 2 «цѣловаша Бориса святого, вложиша въ раку каменну, посемъ шедше, вваша Глѣба святого съ каменною ракою и возвложиши на сави, вевоша».

моровой язы, посыпавшей Россию въ 1352 г., памятной подъ именемъ черной смерти, не было мѣста для могилъ, потому погребали не только за городомъ, но въ лѣсахъ, обратившихся въ кладбища (*).

Кресты. Въ древности крестъ былъ ужасомъ для людей, потому что на немъ распинали преступниковъ, но когда Божественный Спаситель міра претерпѣлъ на немъ мученія и смерть; тогда это знаменіе содѣжалось священнымъ предметомъ. Въ воспоминаніе Его страданія, христіяне стали носить крестное изображеніе на груди.—Св. мученикъ Проковій, пострадавшій при импер. Діоклітіанѣ (въ кон. III. ст.), умеръ со крестомъ на шеѣ. Константина В., первый христіянскій императоръ, выбывалъ на своихъ монетахъ кресты, съ изображеніемъ оружій, въ память того креста, который ему явился на облакахъ, съ этими словами: *in hoc signo vinces*.—Сімь знаменіемъ побѣдши (*). Христіяне первыхъ вѣковъ, погребали усопшихъ безъ всякихъ пышныхъ обрядовъ, и на могилахъ ихъ никакихъ не ставили знаковъ. Апостолы и первые мученики за Вѣру, никакихъ не сооружали по себѣ надгробныхъ памятниковъ. Одно благочестіе воздвигло въ послѣствіи, на мѣсть ихъ страданій и вѣчнаго ихъ жилища, храмы и монастыри. Но, въ какое время появились кресты на могилахъ?—Этого нельзя опредѣлить съ точностью. Намъ известно, что въ концѣ III ст. они ставились на могилахъ,—сначала въ Палестинѣ; потомъ въ IV в. въ Римѣ, а послѣ, въ концѣ того же столѣтія, — въ Царыградѣ. — Отсюда это обыкновеніе распространилось по всемъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились христі-

(*) Кар. И. Г. Р. т. IV. с. 254, над. 1819.

(*) Diction. des origines, ed. Par. 1777 г. см. Croix.

зло. У насъ, съ ирландіемъ Вѣры, вошло въ обрядъ ставленіе крестовъ, какъ выраженіе набожности. Въ постмечесе наше отечество бѣдствіе, (въ 1092 г.), засушил мера, многіе тысячи крестовъ усыпили кладбище. Въ короткое время померло въ однѣмъ Кіевѣ, отъ 14 ноября до 1 февраля, 7000 человѣкъ, и такою количеству крестовъ укрыло поле, на коемъ они были потребованы. Едва уерѣвали дѣлать пробы и кресты, потому что незому было заниматься ими.

Кресты дѣлали, какъ и теперь дѣлаютъ, четырехъ-гольные, прямые, и осьминогольные, совершенно безъ различія: надписей на нихъ никакихъ не было, а окрашивали разноцвѣтного краскою; болѣе зеленою и голубою. На нихъ вырывались простыя изображенія: Адамову лялову, ангеловъ и солтыхъ.

Надписи появились съ распространениемъ письменности, то въ древнѣмъ мірѣ употреблялись, съ ^{надгробными надписями.} исчезающими временемъ, надгребныя надписи. Египетскіе и персополавскіе памятники, обозначались іероглифами; скандинавскіе народы вырывались рунами; американские имѣли свои особые знаки, соотвѣтствование рунамъ; европейскіе школы письменныхъ буквъ. Надписи обыкновенно показывали время рожденія и кончины, великия заслуги и гражданскія добродѣтели. Чувствительность и нѣжность, были предметъ постоянныхъ выражений родителей, дѣтей и друга. Пламенная любовь и пылая страсть, изъяснялись языкомъ поэзіи. Все выражалось по своимъ понятіямъ и чувствамъ, — такъ дѣлается и нынѣ, потому что все въ мірѣ говоритъ и дѣйствуетъ какъ умѣеть.

Повсюду было въ обычаяхъ сопровождать покой-голосить ^{по умершемъ.} никна съ воплемъ и вытьемъ. Греки и Римляне на-имали, для увеличенія печального обряда, особыхъ женщинъ, которыхъ рыдали и воили раздирали.

ицить голосомъ, провожая умершага до самой могилы. Это обыкновеніе довольно генерально въ Европѣ: Участъ, между простолюдинами, доселѣ въ обычай голосить (*). Есть особо искусныя женщины въ этомъ занятіи. Опѣтъ такъ умѣютъ притворяться плачущими, что неопытной прійметъ за дѣйствительное наилѣпшее искрѣ горести. На могилахъ встрѣчаются часто старушки, почѣщающія мѣста успокоенія своихъ родственниковъ, и голосящія заунывно-протяжнымъ голосомъ, которымъ растрогиваютъ самое безчувственное сердце. Сначала прилагутъ на могилу, качаются на ней головою и сколько минутъ и начинаютъ хныкать, потомъ немножко поплакивать, наконецъ, обхвативъ обѣими руками могилу, налегаютъ на нее грудью и постепенно повышаютъ голосъ, громче и громче, до того, что онъ начинаетъ раздаваться по всему кладбищу. Онъ выхваляютъ покойника или покойницу, преданными причитаніями: «Ахъ ты, моя сизая голубка! не долго по скѣту гуляла; не долго твой дружокъ, тобою любовался.—Ахъ ты, моя родная! все родные по тебѣ плачутъ, и твоя бабушка помираючи голоситъ теперь и всегда. Что соловушко закатится, то новыя слезы. Ахъ ты, мой свѣтъ дорогой! Оставила насть, чтобы слезыки проливати. Аль

(*) Петръ В. еще въ 1715 г. запретилъ выть по мертвымъ, по слуху кончины супруги Цара Іоанна, Прасковіи Феодоровны, урожденной Салтыковой; однако это обыкновеніе не совсѣмъ уничтожилось. Обычай голосить, былъ извѣстенъ въ глубокой древности. Самъ Гомеръ описываетъ это, и вотъ примѣръ о Гекторѣ:

Тѣло они положили: пѣвцовъ, вачивателей плача,

Подѣлъ него помѣстили, которые Гадѣбомъ працьмы,

Пѣсни плачевныя пѣли; а жены цимъ отомъши,

ты тамъ, птицкой звонкой летающи; лютости не вѣдащи;
 не знашь бручину при ясного соколика, твоего вдовца
 дорогого? Аль зналъ бы кто, что съ утревней зары тебѣ
 болѣ не стечеши; во чистое поле полетишъ, менѣ кре-
 стами мѣстяко полюбили? Думала ль я, гадала ли я,
 что доживу до печальнаго разставанья, и буду скать въ
 тоскѣ и въ бѣдѣ. Не вамилилось мнѣ горемычной, кру-
 чиниться, привлекъ мнѣ говорить тоску *люту, гробо-
 вую. У насть бьется сердце по тебѣ, убиваются, а иѣмому
 утѣшиши. Всякой часъ, всякую минуту, по полуночамъ
 по полуночамъ, ни заимъ, ни запью, не проливъ сле-
 зы ручами кристальными. Ой горькая истома моя!
 бѣдная головушка! съ утра до вечера кручивая! Ты
 душа, мой ангельчикъ, была бѣлье снѣгу бѣлаго, ру-
 мантъ солнца огненнаго, маловидѣе луны серебри-
 стой, а теперича? О, охъ! — Вздохиши, отозвися, аль
 ты подлюбила сырую матъ землю, забыла свою род-
 ную? — Подышалася мятели со снѣгами, то на наше
 бѣдованье выходили тучи изъ за облакъ выогами
 грозными, то на наше сѣтованье: они унесли нашъ
 свѣтъ ненаглядный; они зарыли и землей прикрыли.
 Не недужилась бы я, кабы болѣсть не тяготила, по
 моей красотолжкѣ; ложилась бы спать я, рашымъ раз-
 чехонъко, кабы знала, кто меня уложитъ! не рыдала
 бы я, какъ бы предвѣдала закатъ ненагляднаго дит-
 тяки! То мнѣ и утѣшенье, какъ поплачу.—Заря зар-
 наца, выходитъ; какъ красная лѣвица, а ты не взой-
 дешъ: съ черною ночью сдружилась. Звѣзлы взойдутъ
 огнекрупными слезами, на тебя взглянутъ и падаютъ,
 а ты, лягушко дорогов; одна не шелехнешься! Сорву
 ли цвѣточки, положу ли на могилку, она занянуть
 отъ моихъ слезъ, слезъ горючихъ! Кто выпить мою
 воду, какъ не сырая земля! О ты моя незапамятная!
 во снѣ, али же яву я плаку рыданьемъ и тебя не вижу?

Во мнѣ все закручивалось, золотая миа рыбинка, крошечка-малиновка, душечка-каварсечка. Ума разумна не приложу, за что оставила? Вдоволь было истомы въ моей жизни, а ты еще прибавила. За то ли, что я тебя любила, али чѣмъ я тебя прогибала? Новѣйшай ангельчикъ, не скрывай; скажи: я одна подаль тебѣ; я давно жду твоего отвѣтнаго. Аль ты загордилась, аль не узнашъ голоса ворыднаго? Кланяюсь, цѣлую въ розовыя губки, скажи, хоть на ушко, порадуй не порадику, обними обнимающую тебѣ. — Проснись; пробудись, аль ты спишь вѣковымъ сномъ.»

Случалось видѣть, что отъ продолжительныхъ рыданій иныхъ дѣлались безчувственными, ко всему окружающему ихъ, и только силой отводили отъ могилъ; а другіе впадали въ горестное изстужленіе, заболѣвали и умирали въ скоромъ времени.

Плачь родныхъ всегда проистекаетъ изъ глубокой горести. Съ какою убийственnoю тоской, рыдаютъ дѣти на могилѣ матери! «Родительница моя матушка, малое желаныце! На кого ты насъ оставила, на кого мы сироты понадѣемся? Ни съ которой стороны не завѣютъ на насъ теплые вѣтерочки, не услышимъ ласковаго словечка. Люди добрые отъ насъ отмазнутся, родные отзовутся (отрекутся): заржавѣеть наше сиротское сердце. Печеть красное солнышко середи лѣта теплаго, а насъ не согрѣть; лашь притеплить насъ, зеленая дубровная могилушка-матушка. Прібери насъ, матушка, промолви слово ласковое! Нѣть, скрѣпила ты свое сердечушко, крѣпче каменка, и прижала неласковыя рученьки къ ретиву сердцу. Лебедушка моя бѣлая! въ какую путь дорожинку собралась, снарядилась ты, съ которой сторонушки ждать намъ тебя? Вѣбушите вы, вѣтры буйные, со вѣхъ четырехъ сторонушекъ! Понеситесь вамъ, вѣтры, чѣмъ

Бескѣй царквѣ, размечте вы, сыру землю. Ударитесь вы, буйны вѣтры, въ большой колоколь! Не разбутить ли звонъ его со звону, слова ласкова.» (*)

Съ введеніемъ христіанской вѣры, погребеніе совершилось у насъ почти единообразно, исключая, что боятыхъ, знатныхъ въ изъ Царскаго рода, предавали землѣ съ большюю вышнотю. Послѣ смерти каждого, звонили въ колоколь; потомъ одѣвали покойника и отправляли по немъ печальный обрядъ. Тоже самое происходило съ особами Царственнаго дома.

О похоронахъ царскихъ мы имѣемъ извѣстіе XVII в., написанное современникомъ Кошихинымъ. Задимствуемъ изъ него. — О смерти Царя тогдѣ часть давалось знать патріарху и боярамъ. Патріархъ приказывалъ звонить медленно въ одинъ колоколь, чтобы всѣ знали; по-

Погре-
беніе
особъ
Царств-
еннаго
дома и
бояри-
и патрі-
архъ.

(*) Дашковъ: Опис. оловецкой губ., помеш. въ журн. мин. ви. д., 1841 г. № 12. с. 432-434.—Голосить по умершемъ, часто представляется въ народѣ въ насыщенному видѣ. Вотъ образецъ на малороссійскомъ языке.—Жена весьма рада, что померъ ея мужъ; она плачетъ по немъ сквозь зубы, а плачъ для того, чтобы не подумали, что она въ самомъ дѣлѣ рада его смерти.— «Ой мій чоловиче, мій голубчику! Тыжъ буь у мене хованъ: коли була у тебе мирка шиена и мирка нукв? Тыжъ було янь наорешъ, да насінишъ тыхъ кавунівъ, да тыхъ гарбузівъ, да тыхъ пречистыхъ дынь... дынь... дынь... дынь... дынь... А кума прійшла пидъ викво, та каже: що ты кумо робишъ? Дурню, святе тило лежить на столи.—Бачъ що затіяла!—А я въ тоски, въ печали, да въ голову зайшла; да вже и десятыхъ найшли. Отъ и хаму: кумо, поплачъ, сидай милость, надъ моимъ чоловікомъ. Я дамъ тоби чорне руно, а мене кишкаи добры люди у свашки. —

Ну добре, отъ и плаче: тужу, тужу та по чужому мужу, да не дармо,—за чорное руно.—А кума прійшла съ дружками пидъ викво, тай припива: плачь, плачь, кумко! да ве дармо. Дамъ тоби чорнее руно, гу, гу, гу, гу....

томъ онъ отправлялся въ церковь, и отпѣвали по немъ великий канонъ. Того же дня омывали тѣло теплою водою; надѣвали чистое споднее платье; послѣ облачали въ царскую одежду и клади во гробъ корону. Гробъ былъ деревянной, обивался вишневымъ бархатомъ а сверху краснымъ. — Бояры, лумные и ближніе люди, одѣвались въ черное платье, называемое нынѣ трауромъ, и съѣзжались во дворецъ для прощанія. Потомъ выносили тѣло въ придворную церковь, которая была устроена надъ царскими покоями, и тамъ стояло шесть недѣль. Дѣяни и кончи читали псалтырь съ молитвами. — Въ Москвѣ и по всемъ городамъ, совершали въ церквяхъ и монастыряхъ шестинедѣльное поминовеніе; ставили кутью ежедневно, кроме воскресенья и большихъ праздниковъ. Патріархъ разсыпалъ грамоты къ высшимъ духовнымъ, отъ митрополита до игумена, съ извѣщеніемъ о присутствовавіи имъ при царскомъ погребеніи. На третій день былъ поминальный столъ, у Царицы или Царевичей, для власти духовной. — Панихиду отпѣвали надъ кутьею, приготовленною изъ варенаго сарачинскаго пшена: съ сытою, сахаромъ и ягодами. Въ монастыряхъ и церквяхъ, приготавлялась одна пшеничная кутья съ сытою. Послѣ трехъ недѣль бывалъ столъ поминальный, для духовенства и бояръ. По наступлении похоронъ, весь Царской домъ, духовенство и всѣ свѣтскія особы, являлись ко двору въ черныхъ одеждахъ и совершали погребальный обрядъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала шли діаконы, іереи и пѣвчіе съ пѣніемъ канона; за ними несли тѣло священники; а позади ихъ шли: патріархъ съ духовенствомъ, Царевичи и бояры; потомъ Царица, Царевны, боярыни, народъ обоего пола, всѣ вмѣстѣ, безъ чину, но съ рѣданіемъ. По перенесеніи тѣла почью, въ Архангель-

ский соборъ; иерей оставались предъ церковью; вѣвъ прочие входили и ставили тѣло посреди храма, проптишу олтаря. Во время погребального шествія, давали всѣмъ безъ разбора восковыя свѣчи, зитыя и простыя.—Свѣчей расходилось больше 80 пудъ.—Потомъ, совершая погребальное пѣніе, опускали гробъ въ землю, и накрывали каменною доской. Патріархъ читалъ молитву надъ кутьею, жадилъ ладаномъ; послѣ молитвы онъ откушивалъ кутью ложкою, три раза; за нихъ подносили Царскому дому и всѣмъ присутствующимъ, и наконецъ расходились по домамъ. Надгробныхъ рѣчей не говорили. Изъ царской казны отпускались поминальные деньги. Патріарху 100 руб., митрополитамъ по 80., архіепископамъ и епископамъ по 70 и 60., архимандритамъ, игуменамъ и старшымъ иерейямъ отъ 50 до 30, а младшимъ священникамъ и дьяконамъ отъ 30 до 5. Заготовляли еще во всѣхъ приказахъ денежное подаяніе: завертывали деньги въ бумагу, отъ рубля до полу值得一ны, и подъячіе раздавали на площадь людямъ всякаго сословія, убогимъ и нищимъ.—По монастырямъ и богоудѣльнямъ раздавали отъ 5 до 2 р. на особу. Въ другихъ городахъ отпускали погребальные деньги, и милостыню въ половину и въ треть противу московской.—Изъ всѣхъ тюрьмъ освобождали узниковъ.—По истеченіи сорока дней, называемыхъ сорочинами, отправляли въ томъ же самомъ соборѣ обѣдню и панихиду; давали для всѣхъ поминальный столъ и вновь раздавали милостыню, уже въ половину противу первой раздачи.—При этихъ похоронахъ истрачивалось денегъ во всѣмъ государствѣ, около той суммы, какая израсходовалась въ теченіи года.

Похороны Цариць, Царевичей и Царевенъ, совершались однообразно съ описаннымъ обрядомъ,

съ той разницею, что при погребеніи первыхъ, съезжа-
лись совсѣхъ городовъ духовныя особы, и подаяніе от-
пускалось въ половину противу погребенія Царя; при по-
грабеніи вторыхъ, подаяніе было нѣсколько менѣе про-
тиву Царицы, а при пограбеніи третьихъ отпускалось
четвертая доля, въ сравненіи съ Царемъ. При пограбе-
ніи Царевичей и Царевенъ, не присутствовали Царин-
ны и Царицы; только одинъ Царь.—Весь Царской домъ
и придворные, носили черную одежду шесть недѣль.—
Тоже самое соблюдалось между сановниками и дворя-
нами, по своимъ умершимъ; простой народъ не слѣдо-
валъ этому обыкновенію.—Каждую субботу отправляли
поминовеніе обѣ усопшихъ изъ Царскаго рода, и по всѣмъ
церквамъ и монастырямъ, поставлялось въ обязанность,
отправлять ежегодно поминовеніе до сковчанія міра. (")

Печальные одежды были у насъ въ употреблениіи съ
незапамятныхъ временъ, и назывались черными, смирными
и печальными. (**) Бояринъ Петръ, отправленный посломъ

(*) Григор. Кошхинъ: о Россіи въ царств. Алексея Михайловича, с. 15-17.

(**) *Traur*, отъ нѣмецкаго слова *Trauer*, означаетъ скорбь, печаль, поэтому и самое платье, военное по смерти, проним-
новалось траурнымъ, и перешло къ намъ вмѣстъ съ *фле-
ромъ* (нѣмец. слово *Blut*), и *чернымъ крепомъ* (франц. *grêle*
и *gaze*), не прежде XVIII в., что доказывается *перемоніями*,
совершенными по случаю кончинъ: Лeforta, Гордона и другихъ
сотрудниковъ Петра В.-Греки, изображая скорбь по умершемъ,
представляли самыхъ богинь въ черныхъ одеждахъ. Такъ
Фетида, дочь Зевса, оплакивающая падшаго Гектора, оказалась въ
самое черное платье:

.....Облеклася Фетида одеждой печали,

Черными покровомъ, чернѣшиими изъ всѣхъ у нее одѣяній. —

отъ В. К. Ильинца (въ 1153 г.) къ галицкому князю Владимиру, бывъ встрѣченъ предъ дворцемъ сановника и слугами, въ черныхъ одѣждахъ. Посоль вошелъ въ сбни: тамъ юный князь Ярославъ сидѣлъ въ черной одѣждѣ и клобуѣ, среди вельмож и бояръ, одѣтыхъ въ печальныя; платыя. Ему подали стулья. Ярославъ залывался слезами. Изумленный бояринъ хотѣлъ знать причину общей горести и спѣдалъ, что Владимирко, отслушавъ вечерню въ церкви, упалъ и, привесеный во дворецъ, скончался. — Послѣ смерти Маріи, супруги Іоанна IV (см. ч. въ 1569 г. сент. 1), Царь, бояры, дворяне и всѣ приказные были въ смиренныхъ или смиренныхъ платьяхъ; шубы на нихъ были бархатныя, камчатныя, бѣзы золота, потому что Государь былъ въ кручинѣ; дѣла остановились; по городамъ служили панакиды и давали милостыню нищимъ. (*)

Вотъ обрядъ погребенія Цара Феодора Алексѣевича. Въ 1682 г. апр. 28, въ пятомъ часу днja, вошелъ патриархъ Іоакимъ со всѣмъ духовенствомъ, хоругвями и крестами, въ траурную комнату, въ которой лежало тѣло Государя подъ золотымъ балдахиномъ, и отпѣвали. Потомъ свальники исели тѣло, подъ тѣмъ же балдахиномъ, а за нимъ другіе свальники надгробную доску, покрытую серебряной обѣярою. По приношеніи усопшаго на красное крыльце, его положили на приготовленныя сани (**), обитыя золотымъ атласомъ, и

(*) Кар. И. Г. Р. т. II. с. 263; т. IX. с. 129.

(**) Сани въ старину имѣли тройковъ значеніе: 1) простой зимний экипажъ 2) погребальные сани, на коихъ отвозили воинниковъ, зимою и летомъ и 3) носилки, употребляемые для ношевія слабыхъ и нездоровыхъ. — Владимиръ иономахъ употребляетъ выраженіе, въ своей духовной: сиде же

нонесли краснымъ крыльцемъ, — средине лѣтніюю, до Михайловскаго собора. — Предъ тѣломъ шли со святыми ионами и крестами, священники и діаконы; за ними Государевы и патріаршіе гвардіи; которые вѣли надгробное пѣніе; потомъ игумены, архимандриты, епископы, архіепископы, митрополиты и патріархъ. За тѣломъ шелъ Государь Петръ съ смиренной платью, его мадь Царица Наталия Кирилловна; за ними окольничие, думные, дворяне и ближніе люди; послѣ, Царевичи и бояры: всѣ въ черной одеждѣ. — За ними дворянне несли Царицу Марею Матвѣевну на саняхъ, обѣихъ чёрными сукномъ. За Царицею шли боярыни, кравчій, казначей, верховыя боярыни (статьи—дамы) и другіе придворныя дамы, въ смиренномъ платьи. Государь Петръ, по прибытии въ соборъ, простился съ усопшимъ своимъ братомъ и возвратился во дворецъ, съ своею державной матерью.

По отправлении патріархомъ обѣдни и надгробнаго пѣнія, со всѣмъ духовенствомъ, присутствовавшіе подходили цѣловать руку умершаго Царя, съ неутѣшимыми слезами и воинствомъ, и наконецъ опустили гробъ въ могилу. (*)

Воспоминания о кончинѣ и добрыхъ Государей и Илье и по-гребеняхъ

Бояркихъ Князей и ихъ семейственный родъ, предавали земль безъ пышности; но народъ всегда склонялся и дѣлъ по нимъ слезы не притворио. Онь, пла-

салась, выѣсто будучи при дверяхъ гроба. Супруга В.К. Василія, Елена, урожден. Глинская, не могла отъ глубокой горести ити за его гробомъ, почему ее несли на саняхъ боярскія дѣти, до самой церкви. — Царица Марея Матвѣевна, урожденная Апраксина, была такъ же несена дворянами на саняхъ, за гробомъ своего супруга Царя Федора.

(*) См. подробнее въ Опыте труда волынск. россійск. собр. ч. V. с. 136. и т. д.

какъ сердечно; а его слезы, лучший памятникъ для Царей. — Всѣ сословія провожали любимаго Монарха, до самой могилы. Сказанія о нихъ, иъ услажденію памяти потомства, сохранились въ нашъ лѣтописи. Когда В. К. Владимиръ I. скончался въ Берестовѣ (1015 г.), въ загородномъ своемъ дворцѣ, не избрать во себѣ наследника; тогда приближенные его выломали ночью полъ въ сѣняхъ, завернули тѣло въ конвертъ, спустили внизъ по веревкамъ и отвезели въ храмъ Богоматери, сирывая смерть отъ усыновленнаго Святополка, дабы дать время, любимому его сыну Борису, возвратиться въ Киевъ и занять престолъ. Но печальная вѣсть, скоро разнеслась по городу: вельможи, народъ и воины, бросились въ церковь, — и своимъ стечанiemъ изъявили отчаянную горесть. Всѣ оплакивали его и провожали до могилы. — Тоже величественное чувство печали, было изъявлено В. К. Ярославу, котораго тѣло несли изъ Вышагорода, и все рыдало по немъ. В. К. Изъяславъ, убитый въ сраженіи (1078 г.) близъ Чернигова, былъ предметомъ всеобщей печали. Когда тѣло его привезли въ Киевъ на лодкѣ, тогда на берегу реки встрѣтили его кіевскіе жители со слезами: знатные и бѣдные, свѣтскіе и духовные. Вопль народный, какъ говорить лѣтописецъ, заглушалъ священное пѣніе. — (‘) Александръ Невскій, истощенный

(‘) Мы ничего не знаемъ: въ сани одѣдахъ клали въ грбъ Великихъ и удельныхъ князей. Ихъ общепринятого обыкновенія, хоронить въ тѣхъ одѣдахъ, какія означали сань и достоинство умершаго, можно заключить только, что великихъ и удельныхъ князей клали въ ихъ парственныхъ одѣдахъ. Однако есть достовѣрное извѣстіе, что князь Владимиръ волынскій, помершій въ Любомлѣ, 1289 г., былъ обитъ въ бархатъ съ кружевами, и похороненъ въ Владимиѳ на Кіазимѣ.

въ силахъ душевныхъ въ тѣлесныхъ, въ разностномъ служеніи отечеству, гаснулъ видимо. Оружующіе это видѣли и плакали; они все были готовы лезть съ нимъ во гробъ, любивъ его гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митроп. Кирилль, узнавъ о его кончинѣ (1263 г.), воскликнулъ въ собраніи духовенства: *закатилось солнце отечества!* — Никто не понималъ его словъ; онъ долго безмолствовалъ, заливался слезами и сказалъ: *не стало Александра!* — Все задрожали. — Гробовая вѣсть быстро разнеслась по столицѣ, и все повторали съ отчаяніемъ: *погибъ же!* — Духовенство и жители Владимира, не смотря на жестокой зиний холода, пошли на ветрѣчъ гробу до Боголюбова: не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; вслѣдъ кому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, чего Россія въ немъ лишилась. — Дмитрій донской былъ равнозѣрно оплакиваемъ; его похоронили въ церкви Архангела Михаила (1389 г. мая 19). Когда В. К. Василій Ивановичъ, находился на смертномъ одрѣ, тогда никто не спалъ въ Москвѣ. Съ ужасомъ ждали вѣсти; народъ толпался на улицахъ; плачъ и вой раздавался отъ кремлевскаго дворца до красной плошади. Бояры, заливаясь слезами, уже не удерживали оружующихъ отъ громкаго плача и стонастія. Когда Государь скончался (1533 г.), тогда все зарыдали. — Многолѣтъ омылъ тѣло, вытеръ хлопчатой бумагою, и облекъ въ полное монашеское одѣяніе. Между тѣмъ ударили въ большой колоколь; тѣло положили на одръ, привезенный изъ Чудова монастыря, и растворили двери. Народъ устремился съ воплемъ, и цѣловалъ оледенѣвшіе

иъзинія руки. Любимые пѣсніе Царя, вѣли хоромъ: Святый Боже. Отъ рыданій и стоновъ, никто ихъ не слыкалъ. И неки Іосифова и Троицкаго монастыря, несли глохъ въ церковь св. Михаила. Скорбь въ народѣ была неописанная, потому что дѣти хоромили своего отца, по выражению современниковъ.—Сынъ его Иоаннъ IV, наводившій ужасъ при житіи, былъ страшенъ и мертвымъ; царедворцы долго не вѣрили гла- замъ своимъ, что онъ померъ, и необъявляли о его смерти. На третій день совершилось погребеніе во храмѣ св. Архангела Михаила, но слезы народныя не текли по усопшему.—Гласъ народа, гласъ Божій; судъ тогда же совершился: и въ потомствѣ осталась по немъ память грознаго. Напротивъ, кончина сына его Феодора (1597г.), котораго народъ любилъ, приписывалъ дѣйствію его ревностныхъ молитвъ, благосостояніе отечества, рыдалъ по немъ. Когда на разсвѣтъ ударили въ большой колоколъ Успенскій, тогда раздался въ Москвѣ вопль: отъ палатъ до храминъ. Каждый домъ, по словамъ современниковъ, былъ домомъ плача. Дворецъ не могъ выѣсти людей, стремившихся облобызать усопшаго. Царица Ирина ужасала всѣхъ своими стонами и всхлипами: она терзалась, и ни кого не слушала. Изъ устъ ея, обагренныхъ кровью, вырывались слова: «Я вдовица безчадная, иною гибнетъ корень царскій!»—Погребеніе совершилось въ церкви Михаила Архангела. Отъ слезъ и рыданій, прерывалось священное дѣйствіе, и за воплемъ народнымъ никто не могъ слышать пѣснія. По совершенніи печального обрада, раздали богатую казну бѣднымъ, церкви и монастырямъ; отворили темницы, освободили всѣхъ узниковъ, чтобы дѣйствіемъ милосердія, увѣнчать земную славу Феодоровыхъ добродѣтелей. — Не менѣе умилильное и трогательное воспоминаніе,—о смерти

Петра В. — Народъ, назвавшій его отцемъ отечества, любилъ его, какъ дѣти своего отца. Когда пронеслась вѣсть по Петербургу, о безнадежности его выздоровленія; тогда весь народъ обратился во храмъ, и молилъ Бога со слезами: о продолженіи дней его, — посыпавъ драгоцѣнныхъ для всей Россіи. Но судьбамъ Все-вышняго, угодно было возвратить его въ обитель вѣчности, а жители долго не знали, что Петра уже не стало. — Отъ никъ скрывали, — единственно изъ горести. Едва пролетѣла молва о кончинѣ незабвенного Монарха, вдругъ нахлынули толпами ко дворцу его, — находящемуся на петербургской сторонѣ, — окружили съ илачемъ и воплемъ, и думали, что отчаявшимъ своимъ рыданіемъ, поднимутъ его изъ гроба. Кн. Меньшиковъ явился къ народу: онъ плакалъ неутѣшно, и отъ слезъ своихъ не могъ вымолвить ни слова. Его чувства раздѣляли и всѣ плакали съ нимъ. Воипль раздавался повсюду, и вся столица обливалась слезами. Государыня Екатерина была въ неописанномъ отчаяніи: она не отходила отъ гроба, цѣловала усопшаго, орошала его слезами, обнимала, становилась предъ нимъ на колѣна и умоляла встать; потомъ съ ужасомъ кричала: онъ умеръ! онъ не встанетъ болѣе! — Отъ сильныхъ потрясеній души, падала въ обморокъ, дѣлалась безчувственною, почти мертвою. Ее приводили въ чувства, и она опять устремлялась къ умершему, и призывала его къ жизнѣ. — Окружавшіе усопшаго внутри и внѣ дворца, повторяли безутѣшное возваніе. Только слышались стоны и болѣзненные слова: вѣтъ уже нашего защитника! вѣтъ нашего правдиваго Царя! вѣтъ нашего отца! — Не было человѣка, который не бы проститься съ своимъ отцемъ: цѣловали правосудную его руку, платы, ноги, и самой гробъ его. Но и тутъ

кричали: закатилось наше солнце, надежда — Государь! Горе, горе намъ, оставленнымъ тобою! — Народъ утѣшили, что Богъ, за добродѣтельные подвиги Монарха, наградилъ его царствіемъ небеснымъ; что Творецъ милосердный успокоилъ его отъ тяжкихъ трудовъ, — сочувствовали не плакать, — и сами плакали. — При выносѣ тѣла и во время погребального шествія, заглушалось пѣніе стонами и воплями. И когда краснорѣчівый голосъ выти, Феофан Проковича, прогремѣлъ въ соборѣ Петропавловскому: что видимъ? что дѣлаемъ? — Петра великаго погребаемъ, — тогда онъ самъ горько залился слезами, и не могъ говорить болѣе, не могли и присутствовавшіе слушать болѣе, — не хотѣли и слышать, что дѣйствительно погребаютъ Петра. Весь храмъ потрясся отъ новыхъ рыданій. — По совершеніи печальнаго обряда надъ умершимъ, опустили его въ могилу, и задвинули доской. Изумленный народъ стоялъ въ церкви, не выходилъ, и все рыдалъ: онъ еще думалъ видѣть его въ живыхъ, среди себя, и отъ чрезмѣрной скорби забылъ, что и Царь его, тотъ же смертный!

Екатерина Великая, прозванная народомъ матушкою, была имъ оплакиваема нальцемъ. Смерть ея до того растрогала сердца Русскія, что когда узнали о ее кончинѣ, тогда всѣ храмы мгновенно наполнились молившимися и рыдавшими непрітворно. По улицамъ ходили съ поникшими головами и блѣдными лицами. — Знакомые, встрѣчаясь съ знакомыми, не привѣтствовали другъ друга, а говорили: *пожерла наша матушка, не вѣжить какъ такой Царицы!* — Зимний дворецъ былъ наполненъ людьми всѣхъ сословій, притекавшими еще разъ взглянуть на свою истинную матушку. Вся Россія облеклась въ печаль, ибо она знала, чего лишилась въ ней. —

Довынѣ Александръ благословенъ въ устахъ... ча-
сть III.

рода, ему любезнаго и за гробъ ему вѣриаго. Память по немъ, хотя еще свѣжа; однако благодатная. Судъ во-
томства насталъ, и достойно назвалъ его: *Александръ Бла-
гословленный*. Постигла его смерть въ такомъ возрас-
тѣ, когда лѣта и здоровье, радовали отчество, пора-
зила всѣкъ неожиданно. Первая вѣсть, что *Благосло-
вленного* уже нѣтъ на землѣ, пролетѣла съ молниенос-
ной быстротой, по всѣмъ концамъ Россіи. Не она дол-
го не вѣрила, она и не могла вѣрить, потому что она
имъ жила и имъ дышала; но когда скорбящая вѣсть
подтвердилась, — всѣ содрогнулись. Искренія слезы,
сътвораніе, мертвое безмолвіе и невыразимая скорбь,
отразились на всѣхъ лицахъ.—Вместо утѣшения повтор-
ялось отрадное повсюду: *нашъ ангелъ на небесахъ!* —
Эти отрадныя слова, прошесенныя изъ глубинъ серд-
ца Императрицы Елизаветы, такъ были свойственны
Благословленному, что благодарная Россія уѣховѣчила
дѣла его, воздвигнутымъ памятникомъ, на верху коего
парящій ангелъ указываетъ на небо: *нашъ ангелъ на не-
бесахъ!* —

Причи-
тие схим-
ы предъ
смерти-
ю. Небожность нашихъ предковъ, была обыкновенною
добрѣтелью, потому предъ кончиной свою они
принимали схиму, и умирили въ иноческомъ видѣ. Такое обыкновеніе было и между Великими Князьями;
оно начинается не прежде XIII в. и продолжалось до
начала XVII. Едва ли Александръ иевский не пер-
вый принялъ схиму, чѣбо до него имъ ничего неиз-
вестно о другихъ. Въ монашество дали ему имя Алексѣя.—Великіи Князиви часто, послѣ смерти супруговъ,
сами постригались. — Дочери Великихъ Князей тоже
принимали, предъ своею кончиною, монашескій чинъ;
принявшихъ схиму хоронили по обряду иноческому.

Мѣста
погребе-
ния особъ Мѣста погребенія особъ Великокняжескаго Дома,
были въ Кіевѣ соборы: св. Богородицы и св. Софіи.

По перенесеніи столицы, въ полов. XIII ст., изъ Ки-
ева во Владиміръ на Клязьму, потомъ въ Москву, въ
XIV в., такъ же соборныя церкви служили почетнымъ
погребеніемъ: въ первомъ былъ монастырь Рождества
Богородицы, называвшійся Великою архимандритією,
а во второмъ церковь св. Архангела Михаила, въ просто-
народіи Архангельскій соборъ. Въ послѣднемъ почіють
тѣла Великихъ Князей, Царей и Царевичей до Петра В.,
который первый похороненъ въ соборѣ Петропавлов-
ской крѣпости, построенной имъ въ новой его столи-
цѣ. Съ тѣхъ поръ этотъ соборъ содѣмался мѣстомъ
погребенія особъ Царственнаго Дома, для обоихъ полъ,
и не носившихъ короны. До этого же времени Великія
Княгини, Княжны, Царицы и Царевны погребались
въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.—

Въ Малороссії немедленно даютъ знать священ- звонъ
нику объ умершемъ, и просить, чтобы тотъ часъ звонъ
нили въ большой колоколъ. Если бы на то время, не
случилось дома кого либо изъ церковныхъ причетни-
ковъ, то позволяется и свѣтскому человѣку прозво-
нить за упокой души. Всякой, услышавшій таковой
звонъ, который отличается отъ обыкновеннаго медлен-
ностію ударовъ и заунывностію, долженъ креститься
и читать отходную молитву, или пожелать царствія
небеснаго. —

У католиковъ ежедневно, въ двѣнадцать часовъ по-
лудня, бываютъ въ колоколѣ, при коемъ всѣ должны
читать *Ave Maria* (Богородица лѣва радуйся). Это для
того, чтобы всѣ молились и въ полдень; не забывали
бы Бога, и не садились обѣдать, не помолившись.

IV. ПОМИНОКИ.

Переходное обыкновение поминовений. — Тризна. — Село скудельничье. — Название поминокъ и ихъ разнообразное направление.

· V. ДМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА.

Происхождение дмитрьевской субботы. — Поминовение общее. — Разные названия дмитрьевской субботы и поминовение.

IV.

ПОМИНКИ.

Совершение поминовений по усопшимъ, известно было на востокѣ, съ незапамятныхъ временъ. Тамъ, по сожжении тѣла покойника, родные и друзья заключали печальную обрядъ веселымъ угощениемъ. Такое обыкновеніе господствовало долгое время, между Греками и Римлянами, — и можно сказать, до введенія христіянской вѣры.—Нѣкоторыѣ изъ нашихъ писателей несправедливо замѣчаютъ, что поминовеніе по усопшимъ, перешло къ намъ отъ Грековъ. — Напротивъ, это было общее между германскими племенами, и нѣтъ сомнѣнія, что наши предки, находясь съ ними въ сношеніяхъ, приняли нѣкоторые семейные ихъ обычай, и потомъ принародили ихъ къ своей потребности.

Во многихъ славянскихъ земляхъ собиралось, долгое время, празднество въ честь мертвыхъ. Въ Словакіи, Польшѣ, въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ, народъ ходилъ съ разсвѣтомъ дня, марта 1., съ зажжен-

ными факелами на кладбище, и приносилъ жертву усопшимъ. Въ Богемії строили еще молельны на распутіяхъ, для успокоенія души, и представляли усопшихъ въ лицахъ, а въ память ихъ совершали игры.

У Словаковъ, Чеховъ, Лузійцевъ и Поляковъ, совершали въ древности смертную или цептную недѣлю (*).

Тризна. Россійскіе Славяне праздновали надъ мертвымъ тризну, и послѣ поминовенія показывали свою силу въ разныхъ играхъ, предъ самой могилою (**).

Этотъ поминальный обрядъ, сохранившійся между Кривичами Сѣверянами, Радимичами и Вятичами, былъ въ употреблениі еще во времена нашего лѣтописца Нестора, въ пол. XI и нач. XII в. Киевскіе, волынскіе и польскіе Славяне совершали, послѣ погребенія мертвыхъ, пиршства, состоявшія изъ разныхъ кушаньевъ,—какое дѣйствіе называлось *стравою*, которая на польскомъ яз. значить *кушанье*. Обыкновеніе угождать кушаньемъ, послѣ погребенія, известно издавна между славянскими племенами.

Село скудельничье. Христіянская набожность произвела особый умилительный обычай. Близь Москвы было кладбище, названное селомъ скудельничимъ, куда сходились люди добровольно въ четвергъ, на седьмой недѣль послѣ Пасхи, рѣть могилы для странниковъ и пѣть панихиды, въ

(*) Kollag. Národn, Zpiew. ч. I. с. 4.

(**) Тризну объясняютъ иѣкоторые словомъ *tournoi*, турниръ; но это совершенно противорѣчить значенію обряда. Турниръ, забава собственно рыцарская. Она произошла въ средніе вѣки, и употреблялась при европейскихъ дворахъ, съ вышнестю торжественною, до полов. XVII в.; между тѣмъ какъ Славяне, перестали употреблять самую тризну въ XIII в.—Тризна ваша, есть поминальный обрядъ послѣ погребенія, и значитъ трапезу по умершемъ.

успокоеніе душъ тѣхъ, коихъ имена и отечество, были имъ неизѣстны. Они не умѣли называть ихъ, но знали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются и въ Нему чистыя, истинно христіанскія молитвы (*).

Чествованія на могилѣ, совершаemые въ разныхъ <sup>Называ-
ние по-
мокъ
и въ</sup> краяхъ Россіи, почти единообразны, и только но-
сатъ разныя наименованія, или имѣютъ церковный <sup>разво-
бразное
отправ-
ление.</sup> какъ то: вселенской, родительской субботы, дмитріев-
ской субботы, радоницѣ; или народныя, какъ то: осе-
нинъ и большихъ осенинъ, хвастурей, дзядей и дльдинъ.—
Во время поминальныхъ дней (**) родные и знакомые
служатъ или въ церкви, или на самой могилѣ панихи-
ды, — и потомъ раздаются задушіе, (милостыню
за упокой душъ). — Поплакавъ и порыдавъ надъ

(*) Кар. И. Г. Р. т. I7. пр. 629, подъ 1473 г.; т. VII. с. 219—220.; De Russor. relig. et ritib.; Herberst. De reg. Moscov. com. ed. Antv. 1557 г.; Mottley: The history of the life of Peter the Great. с 130.

Въ лѣтоп. подъ 1473 годомъ сказано, что погребеніе даютъ въ четвергъ седьмыя недѣли по пасхѣ.

(**) При порабощеніи Россіи Татарами, мы встрѣчаемъ въ нашихъ лѣтописахъ название поминокъ, подъ именемъ пода-
рокъ, которые отсылались ежегодно въ Орду, или нарочно прїезжали за ними баскаки Въ послѣдствіи времени это сло-
во вошло въ такое употребленіе, что когда Великіе Князья
раздавали подарки болгарамъ, дворянамъ или посольской свитѣ;
то обыкновенно все это называли поминками. Бар. Гербер-
штейнъ, посланикъ римскаго импер. Максимилиана, бывшій
въ Россіи два раза: въ 1516 и 1526 гг., въ царствов. В. К. Ва-
силія, говорить съ отчетливою подробностію о поминкахъ, ко-
торыя состояли въ собольихъ, лисьихъ и куницы махахъ, и пр.
Еще въ царств. Импер. Елизаветы поминки происходили на
Рождественскіе праздники и въ дни имянинъ.—Поминки обра-
тились вынѣ въ сувениры.

могилами своихъ родныхъ, усаживаются тутъ кружкомъ и начинаютъ поминальную трапезу.

Въ некоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, катаются на кладбищѣ, на Фоминой недѣли во вторникъ, окрашенныя яйца, поливаютъ могилу пивомъ, брагою, водкою и потомъ ставится кушанье. Приступая къ поминальной трапезѣ, дѣлаютъ возваніе къ родителямъ: *святые радзинцы!* ходице къ намъ хлѣба-соли откушаць. Потомъ, садятся въ кружокъ. — Послѣ пиры обращаются къ могилѣ покойника, съ извиненіемъ: *вы бачете, наши радзинцы, и не дэвицесь; чо маємъ, то и несемъ.* — Почитается за грѣхъ, если кто не почтеть память родителей поминальнымъ кушаньемъ.

Въ Бѣлоруссіи поминальный обрядъ называется хавтурами (*). Между жителями вѣкоторыхъ уѣздовъ смоленской губерніи, хавтуры употребляется въ разговорахъ вместо похоронъ (**).

Въ олонецкой губ. поминовеніе совершается иногда цѣлою деревней: для этого назначаютъ день и налагаютъ на себя посты. За два или за три дня до срока, собираются къ комунибудь изъ сосѣдей, у кого побольше изба, и начинаютъ стряпню сами гости. Хозяева выдаютъ

(*) Въ Бѣлоруссіи говорятъ иногда *chodzic po chauturach*, т. е. смотрѣть за дымомъ, изъ которой трубы онъ выходить. *Rakowiecki Pravda ruska*, см. стат. *Rys historyczny zwyczajów, obyczajów etc. slawianskich narodów*, с. 36. — Говорятъ такъ же *chodzic po chauturach*, въ смыслѣходить на похороны. Некоторые производятъ хавтуры отъ *хас* или *хоу*, означающее смерть. *Narb. Dzieje starej narod. litewsk*, т. I, с. 314. 379—383.

(**) Здѣсь говорятъ: онъ былъ на хавтурахъ, или онъ отправлялъ хавтуры, это тоже самое, что онъ былъ на похоронахъ или отправлялъ похороны.

только присыпки, и ходить по угламъ избы съ плачомъ и причитаньемъ. Въ назначенный день накрываютъ столы: одинъ на крыльцѣ, другой въ стѣнахъ, третій въ комнатѣ, и тоюю выходить на встречу воображаемымъ покойникамъ, привѣтствуя ихъ: «вы устали родные, покушайте чего нибудь.» Послѣ угощениія на крыльцѣ, идуть тѣмъ же порядкомъ въ стѣни, а никонецъ въ избу.—Тутъ хозяинъ, обращаясь къ покойникамъ, предполагая ихъ присутствующими неиздѣмо, говоритъ: «чай, вы взябли въ сырой землѣ, да и въ дорогѣ-то, можетъ быть, было не тепло. Погрѣйтесь, родные, на печи.» — Живые садятся между тѣмъ за столъ, и кушаютъ. Передъ киселемъ живы, когда по обыкновенію поютъ вѣчную память, хозяинъ открываетъ окно, спускаетъ изъ него на улицу холстъ, на коемъ опускали покойника въ могилу, и начинаютъ провожать съ печки невидимыхъ покойниковъ. «Теперь вамъ пора бы домой, да ножки у васъ устали: не близко вѣдь было итти. Вотъ тутъ помягче, ступайте съ Богомъ.» — Для такого обряда выбираются обыкновенно урожайной годъ. Здѣшніе поселяне пашутъ еще могилы родныхъ во время поминокъ т. е., сметаютъ съ могилы соръ, стелютъ на нее платокъ и потомъ рассказываютъ въ слухъ покойникамъ, что случилось послѣ ихъ смерти (*).

Въ Малороссіи и Россіи, есть свое мнѣніе между простолюдинами; но тамъ и здѣсь, приносятъ кушанья и напитки, и чѣмъ побольше и изысканѣе, тѣмъ, по мнѣнію простолюдиновъ, пріятѣе покойникамъ, которые насыпаются за то благословеніе на ихъ дома.

(*) Дашковъ: Опис. одонецкой губ., помѣщ. въ жур. мин. ви. д. за 1841 г. № 12, с. 429—430.

Въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи, поминовія сопровождаются путькою на медовой сытѣ, и оканчиваются разными приправами на кореняхъ, закусками и водкою.—Въ Россіи употребительнѣе, въ таковыхъ случаихъ, пироги съ яйцами, печеное и тоже водка. Женщины идѣти пьютъ тогда пиво и медъ. Многія изъ женщинъ не отказываются и отъ крѣпкихъ напитковъ. Изъ важнейшихъ поминальныхъ дней, примѣчательна родительская суббота (*).

Въ Галиціи, по погребеніи покойника, всѣ идутъ въ корчму и тамъ совершаютъ по немъ страву. Во времена поминокъ, поютъ жалобныя пѣсни, называемыя похоронными.

Oj! umar Maciek, umar,
 Iuż sié nić nie rusza ;
 Po kacie to taka sprawa,
 Wyszla z Maćka dusza,
 Oj! a wiezć go wiezą,
 Przez śam środek wioski.
 Oj! schodzą sie do niego
 Z całej wsi kumoski.
 Oj! a wieząc go wiezą,
 W marmurowej trumnie.
 Oj! a wychodzi harendarz :
 • Wróć się Macka do mnie! .

Umar Maciek, umar juž ei go nie staje,
 Odpuść jemu grzechy, miłosciwy Panie,
 Boć to czlek grzeczny,
 Skoda že nie wieczny.
 Umiał nas ucieśyć, umiał pięknie spięwać,
 Lubiał często także w karczmie przesiadować,
 Piwa często kupił.
 Każdy się z nich upił.

(*) Объ ней см. особо въ этомъ сочиненіи, ч. V. статью IV.

Sprawiał nam ochoty i skrzypce najmowały,
Czasem do białego dnia z nami tańcowały;

Aż nam wspomnieć miło,
Jako z Maćkiem było.

Już teraz do karczmy niema po co spieszyć,
Macie już nie przyjdzie, kto nas będzie cieszyć;

Już nam nie zaspiewa,
Już nie kupi piwa.

A w cóz sie obróci karczma jegomości,
Że w niej nie będzie tyle razy gości - !

Któż piwo wypije,
Gdy Maciec nie żyje!

Już teraz nie będzie takiego odbytu,
Jak przed tym bywało do samego świtu.

Z Mackiem się pijało,
Poki piwa stało,

Teraz karczmarz piwem nie będzie kupował?
Kiedy Maćiek umar, który będzie kupował?

Karczemę chcą porzucić,
Do roli się wrócić.

Oto pożałujmy wszyscy, mili bracia,
Karczmarz z karcmarką i panowie swacia.

Już wszystko ustąpiło,
Gdy Maćka nie stało.

Ojca, matki nie mam,

Przyjacielii nie znam :

Sierota ubogo,

Keń ja sie podzieć mam ?

A moia mamuniu,

Co ty w grobie leżys !

Ja się poniewiram.

A ty o tém nie wieś !

Ja się poniewiram.

Jak piasek po polu :

Nie mogę zapłakać ,

Od wielkiego bolu!

Od wielkiego żalu,
Padnę do Dunaju;
Od wielkiej litości,
Padnę do choroby (*).

(*) Żeg. Paul.: Pieśń lud. polskiego w Galicji, c. 54–57.

V.

ДМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА.

Знаменитая победа, одержанная В. К. Дмитриемъ дон-
скимъ надъ татарскимъ ханомъ Мамаемъ, на кули-
ковскомъ полѣ, при р. Донѣ, (*) (въ самую субботу) Прово-
(6 сент. 1380 г.), послужила основаниемъ къ установ-
лению ежегодного поминовенія, которое, по совѣту пре-
водоб. Сергія, отправлялось между 18 и 26 числами
октября, какъ время всеобщаго поминовенія: о пад-
шихъ воинахъ за отечество. — Импер. Екатерины II
постановила (указъ 1760 г. авг. 17), чтобы помино-
вение совершилось въ день усѣкновенія главы Іоанна
предтечи (авг. 29).

Въ россійской исторіи сохранились многіе примѣры Поми-
новеніе по усопшимъ. Царь Іоаннъ IV. постано-
вилъ, въ 1548 г. іюн. 21, совершать память по воин-

(*) И даже отцы и братия наши, испытав за насъ горькую ча-
щу смерти.—Русск. лѣт. и описание Мамаева побоища.

намъ, падшимъ въ неудачномъ походѣ противу Казани (въ 1547 г.). Въ то время была ужасная зима: люди падали мертвыми отъ холода.—Государь лично всѣхъ ободрялъ: обнажалъ самъ мечъ, и своимъ голосомъ призывалъ воиновъ къ побѣдѣ, но, къ несчастію, сдѣлалась оттепель, пошли сильные дожди, ломался ледъ на рѣкахъ и войско гибло.

Іоаннъ IV еще постановилъ синодики, по умершимъ невинно въ его царствованіе. По нимъ онъ велѣлъ пять панихиды и служить литургію соборомъ, въ субботу сыropустную. Кирило-Бѣлоозерской же обители предписалъ, поминать ихъ ежедневно. Монастыри дарилъ большиими окладами, чтобы они молили Бога объ усопшихъ и о спасеніи его души.—Въ духовномъ завѣщаніи онъ поставляетъ въ первую обязанность, чтобы поминать прародителей и родителей, коимъ чрезъ то дѣлается отрадиѣ, а поминающимъ ниспосыпается царствіе небесное. (*)

Царевна Софія, прикрывая несчастливой походъ своего любимца кн. Вас. Вас. Голицына, противу перекопскихъ Татаръ (1686 г.), который растерялъ около 200.000 воиновъ, объявила его *победителемъ славныхъ и никоїда не слыханныхъ*, и повелѣла внести въ синодикъ имена всѣхъ падшихъ воиновъ, для поминованія въ соборныхъ церквяхъ и монастыряхъ.—Церковнымъ уставомъ 1668 г., предписывалось посыпать въ покровскую субботу (октября 1), священниковъ и архимандритовъ въ убогіе дома, для совершенія общей панихиды, служить обѣдни по всѣмъ церквамъ и раздавать милостыню за упокой.

(*) Устрал. Сказан. кн. Курбсаго, ч. II. с. 307.-338. вѣдан. 1833 г. Тутъ помѣщено 84 синодика Иоанна IV; Карамзинъ: И. Г. Р. т. X. с. 156., см. Духовн. завѣщаніе въ прибавленіи, послѣ примѣчаній.

Димитровской субботы называется из иныхъ эфемеръ Родина
Димитровъ солунскимъ (*), родительская поминовеніе (**)<sup>Димитровъ
субботы
и поми-
новеніе.</sup> и вселенскою (**). Въ Литвѣ поминки, известные подъ
именемъ *дльдинъ* и осенинъ, отправлялись въ октябрь
месяцъ. У латышей они называются *блоктъ дзес* или
Волни, — обрядъ въ честь ботини вѣчности *Валомы*; въ
западной Руси *длды* (длайды). Въ ярославской, всеволод-
ской, вятской, костромской и нижегородской губерніи
удержалось название *длбовы*, т. е. измѣть по усопшимъ
родителямъ, родственникамъ и друзьямъ. Тамъ говори-
лось на *длбовы* мѣдль; родители отдохнуто, это зна-
чить, когда первые морозы заморозятъ землю и по-
томъ настаетъ оттепель; тогда простой народъ думаетъ,
что покойникамъ дѣлается въ могилахъ теплое. Простолюдины увѣрены, что самые мертвые терпятъ сту-
жу, и нуждаются въ поминальныхъ пирожкахъ.

Димитровская суббота, одна изъ важнейшихъ поми-
нальныхъ. Въ это время поминающіе приготовляютъ уго-
щеніе.—Кутья, кисель съ сытою и молокомъ, пироги,
блины, коржи, кныши, рѣзки или лепешки, пиво и
водка, суть непремѣнныя принадлежности при поми-
наніи. Многіе не довольствуются этимъ: жарятъ раз-
ные жаркія, варятъ молошную кашу и яйца въ усмат-
ку, пекутъ калачи и сырники, и послѣ панихиды начибаютъ пирожку на могилахъ, полагая, что самые
покойники раздѣляютъ ихъ трапезу, и это такъ силь-

(*) По имени великомучен. Димитрия солунскаго, празднуе-
мого церковью 26 октября. — Это число было днемъ ангела
В. К. Димитрия довскаго.

(**) Октября 26 поминаются усопшіе родители и умершіе
изъ пола брачн.

(***) По причинѣ повсюдного поминовенія объ всѣхъ усоп-
шихъ.

но вкоренилось во всеобщемъ мнѣніи простолюдиновъ, что считаютъ за грѣхъ, если не попирать надъ прахомъ.

Простой народъ припоминаетъ со слезами добрыя качества усопшихъ, восхваляетъ ихъ добродѣтели и потомъ начинаетъ петь за упокой, отъ чего вошло въ поговорку: *начинаютъ за упокой, а кончаютъ за радость*. Поэтому что, преисполненные винными парами, забываютъ печаль, и начинаютъ проводить время въ шумныхъ забавахъ. — Въ деревняхъ надѣляютъ церковнослужителей поминальнымъ кушаньемъ, весьма щедро, отъ чего произошла пословица: *не всегда попоны ребятамъ, Дмитриева суббота*.

Поминки не всегда оканчиваются мирно: начинаютъ рыданіями, а оканчиваютъ стечаніями. — Наши церковные постановленія, строго запрещаютъ гулливый поминовенія.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

О ГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

I.	Времясчисление	1.
II.	Крещение	39.
III.	Похороны.	65.
IV.	Поминки	119.
V.	Димитровская суббота , , , , .	127.

ПОГРЪШНОСТИ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

страницы.	строки.	изначатено.	читать.
3.	2.	лѣтосчислѣніе, съ самой	лѣтосчислѣніе съ самой
—	16.	71. г., послѣ	71. г. послѣ
4.	17.	Немиродомъ, на берегахъ	Немиродомъ на берегахъ
8.	31.	сѣдуетъ	сѣдуютъ
8.	32—33.	юліанскаго	юліановскаго
9.	6.	весенне	весенне
9.	30.	съ нашимъ	съ нашимъ
11.	9.	но	по
13.	28.	12.0000	120,000
14.	25.	равнодѣйствія	равнодѣйствія
17.	11.	Навукодонозъ	Навуходоносоръ
18.	21.	подольскіе	польскіе
18.	31.	сентябрь	сентябрь
27.	24.	вандемъеръ	вандемъеръ
33.	15—16.	императоромъ	императоромъ
35.	4.	празднуется	празднуется
35.	7.	по Вознесеніи	по Вознесеніи
42.	31.	съ надписью	съ надписью
—	32.	быди	были
44.	15—16.	воспріем-
никъ	воспріем-
никъ
46.	27.	Леклеркъ	Леклеркъ
49.	6.	отдавалъ	отдавалъ
—	21.	роскошные	роскошные
52.	7.	сестры Царевиць	сестры Царицы
—	22.	крещали	крестить
54.	29.	въ мѣщечкѣ	въ мѣшечкѣ
—	30.	изъ	изъ
55.	9.	родителей	родителей
59.	10.	и послѣ	и послѣ
—	31.	по сему	по сему
70.	2.	въ половинѣ VIII.,	въ половинѣ VIII вѣка
—	13.	съ его	въ его
—	23.	жертвоприношеніе	жертвоприношеніе
74.	1.	огню тѣло	тѣло огню
31.	33.	хоругви	хоругви
96.	7.	онъ	онъ
101.	1.	не вѣдашъ	не вѣдашъ
123.	9.	предполагая	предполагая